

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Сыктывкарский государственный университет»

**СЛОВО И ТЕКСТ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ**

Материалы Всероссийской научной конференции
студентов и аспирантов
Сыктывкар, 4 апреля 2014 года

Сыктывкар
Издательство СыктГУ
2014

УДК 801(09)
ББК 81.2
С48

Издается по постановлению научно-технического совета ФГБОУ ВПО
«Сыктывкарский государственный университет»

Редакционная коллегия: Т.Н. Бунчук (отв. редактор), Т.С. Канева,
Р.П. Попова, Е.А. Шевченко.

С48 **Слово и текст:** актуальные проблемы современной филологии : материалы Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов (Сыктывкар, 4 апреля 2014 г.) / отв. ред. Т.Н. Бунчук – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 110 с.

ISBN 978-5-87661-261-8

В сборнике представлены доклады участников Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов «Слово и текст: актуальные проблемы современной филологии», проходившей в Институте гуманитарных наук Сыктывкарского госуниверситета 4 апреля 2014 г.

Тематика докладов охватывает историю русской и коми литературы и фольклора, различные аспекты исследований в сфере изучения русского и коми языков, а также актуальные вопросы изучения современных средств массовой коммуникации. В сборник также включены материалы проводившейся 25-26 марта 2013 г. научной конференции студентов и аспирантов кафедры русской и общей филологии и кафедры коми и финно-угорской филологии.

При публикации максимально сохранен авторский стиль работ.

УДК 801(09)
ББК 81.2

ISBN 978-5-87661-261-8

© ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	6
Русская литература и фольклор: актуальные проблемы изучения	7
<i>Белова Н.С.</i> Идеальные героини А. Ремизова и Н. Лескова.....	7
<i>Бровкина Т.В.</i> Древнерусская повесть о происхождении табака: к вопросу о текстологии памятника.....	9
<i>Бровкина Т.В.</i> Некоторые наблюдения по истории текста Повести о происхождении табака.....	10
<i>Витязева К.А.</i> Проложные тексты в составе печорских рукописных сборников.....	12
<i>Габб Е.А.</i> Мотив разлуки в поэзии Марины Цветаевой и его семантические варианты.....	13
<i>Дементьева А.А.</i> «Человек играющий» в автобиографической прозе А.М. Ремизова.....	14
<i>Канова О.Л.</i> «Общий очерк скрытничества каргопольского писателя-старообрядца XX века М.И. Залесского: образы старообрядческих наставников.....	16
<i>Леготина Ю.В.</i> Мотив сна и «морской комплекс» в поэзии Ф.И. Тютчева... 18	
<i>Лыткина И.С.</i> Жития великомучениц в составе усть-цилемского торжественника..... 19	
<i>Максимова Е.О.</i> Дом для умершего в печорских причитаниях..... 21	
<i>Максимова Н.Л.</i> Художественный проект Артема Веселого «День мира»... 22	
<i>Мануилова А.А.</i> «Житие Василия Нового» как памятник эсхатологической литературы..... 23	
<i>Мануилова А.А.</i> «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам» из «Жития Василия Нового» в печорской рукописной традиции..... 25	
<i>Мезенцева Е.И.</i> Печорские духовные стихи в Фольклорном архиве СыктГУ: итоги собирания и изучения..... 26	
<i>Сергеева К.Н.</i> «Видение апостола Павла» как памятник эсхатологии: обзор исследований..... 27	
<i>Тиукова О. В.</i> Тема семьи в «Записках» Е.Р. Дашковой 29	
<i>Усков А.А.</i> Система образов Видений С.А. Носова..... 30	
Русский язык: прошлое и настоящее 31	
<i>Бердникова Д.А.</i> Лексика народной медицины в говорах Низовой Печоры: этнолингвистическая характеристика..... 31	
<i>Бердникова Д.А.</i> Лексико-семантическое поле «здоровье – болезнь» в печорских говорах Республики Коми..... 32	
<i>Вилегжанинова А.А.</i> Интертекстуальные свойства имен собственных в трилогии Б. Акунина «Провинциальный детектив»..... 34	
<i>Гранова М.А.</i> Мотивационный анализ названий людей со сверхъестественными способностями (на материале русских говоров)..... 35	
<i>Истомина К.А.</i> Речевые приемы в педагогическом дискурсе..... 37	

<i>Канева А.И.</i> Персуазивность как способ речевого воздействия в текстах глянцевого журнала для женщин.....	38
<i>Колесниченко Е.В.</i> Семантическая характеристика сравнительных оборотов в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».....	39
<i>Конакова О.С.</i> История развития корневой группы -зел- в русском языке.....	42
<i>Красикова А.Ю.</i> Интеллект человека в зеркале русского языка XVIII века (на примере качественных прилагательных).....	44
<i>Латкина И.Н.</i> Структурно-семантическая характеристика метафоры внутреннего состояния человека в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети».....	45
<i>Логинова Е.А.</i> Диалектные тавтологические конструкции (на материале «Словаря русских говоров Низовой Печоры»).....	47
<i>Мальцева М.В.</i> Колоративы в русских говорах: особенности номинации и семантики.....	49
<i>Нерадовская Е.А.</i> Семантическая характеристика синонимического ряда с доминантой 'говорить' в говоре с. Лоймы Республики Коми.....	51
<i>Ногина Е.В.</i> Этнолингвистическая характеристика свадебной обрядовой терминологии в говоре с. Лоймы: метаязык фольклора.....	52
<i>Портей М.Н.</i> Семантический гештальт ассоциативного поля «город» в русском языковом сознании.....	54
<i>Степура Э.А.</i> Семантические процессы заимствований (на примере тюркизмов в русском языке).....	56
<i>Сукачева Е.В.</i> Глагольная фразеологическая синонимия в русском языке...	57
<i>Чазова Е.И.</i> Деэтимологизация в корневой группе -леп-.....	58
<i>Чужмарова А.Ф.</i> Особенности семантики глагольной лексики в говоре с. Лоймы Прилузского района республики Коми.....	60
<i>Яконаева И.И.</i> Приемы языковой игры в именных жаргонизмах.....	61
Финно-угорская филология	64
<i>Баженова О.Н.</i> Протосюжет и мифотектоника повести Василия Юхнина «Огненное болото».....	64
<i>Баженова О.Н.</i> Единство макро-и микрокосма в лирике Евгения Козлова..	64
<i>Готвянская И.В.</i> Александра Мишарина творчествоын радейтчём.....	67
<i>Кожевина Е.В.</i> «Коми му» газетын заимствуйтём кывьясьон вöдитчём.....	67
<i>Кузьмова Е.Г.</i> Время как грамматическая категория в коми-пермяцкой загадке и сказке (функциональный аспект).....	68
<i>Логинова Е.В.</i> Сёрни этикетын зумыд кывтэчасьясьон вöдитчём.....	70
<i>Мишарина А.А.</i> Валентина Васильевна Ивановалён «Керка-пöль» повесьтлён серпаслун.....	73
<i>Мусанова С.С.</i> Мотивы корения жениха в свадебных корениях прилузских коми.....	74
<i>Нечаева Н.А.</i> Собственные имена коми-пермяков в современных условиях: вариативный и семантический аспект.....	74
<i>Попова А.М.</i> История изучения коми-пермяцкого языка: краткий обзор...	76

<i>Потапова В.В.</i> Антонимы в пословицах: к отражению картины мира (на материале русского и коми-пермяцкого языков)	77
<i>Томилина М.А.</i> Образы загробного мира в коми-пермяцкой фразеологии.....	79
<i>Трубинова Н.А.</i> Проблема изучения грамматических категорий русского глагола в коми-пермяцкой школе	80
<i>Чупров В.П. В.В. Филиппова</i> туялӧмъясын изьва фольклор традиция.....	82
<i>Чупров В.П.</i> Изьва фольклорын тунасьӧм йылысь мифологическӧй висьтъяс.....	83
<i>Теория и практика современной коммуникации: вопросы изучения публицистических текстов</i>	85
<i>Дуванова И.И.</i> Реклама как тип креолизованного текста.....	85
<i>Лемешко М.Д.</i> Образ современной молодежи в языковом сознании русских (на материале периодической печати и ассоциативного словаря)...	85
<i>Лемешко М.Д.</i> Образ молодежи в современной публицистике: психолингвистический аспект.....	85
<i>Раменская А.А.</i> Языковая игра как прием в региональных СМИ.....	88
<i>Сухаров А.Г.</i> Рецензии на музыкальные альбомы в современных русскоязычных интернет-изданиях.....	89
<i>Хеминг Е.В.</i> Жанр колумнистики в региональной прессе.....	91
<i>Шевелева С.В.</i> Рекламное интервью как жанр газетной рекламы (на примере газеты «Панорама столицы»).....	92
<i>Актуальные проблемы изучения современной медиасферы</i>	94
<i>Божевско Т.В.</i> Современная культурная среда в журнале «Русский репортер»	94
<i>Вениковская А.М.</i> Проблема взаимоотношений власти и независимой прессы в РК на примере газеты «Красное Знамя».....	96
<i>Першина В.М.</i> Блог как объект междисциплинарного изучения.....	97
<i>Пименова Н.М.</i> Нарушения речевого этикета в глобальной сети Интернет... ..	98
<i>Плоскова Н.С.</i> Функциональное своеобразие радиовещания (на примере радиостанции «Европа+Коми в Сыктывкаре»).....	99
<i>Свиштунова Ю.А.</i> Выпуск новостей на радио «Европа+Коми в Сыктывкаре»	100
<i>Чупрова З.П.</i> Влияние цензурного аппарата на редакцию журнала «Русское богатство».....	101
<i>Сведения об авторах</i>	103

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В сборнике представлены доклады участников Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов «Слово и текст: актуальные проблемы современной филологии», проходившей в Институте гуманитарных наук Сыктывкарского госуниверситета 4 апреля 2014 г.

В работе конференции приняли участие молодые исследователи из Сыктывкара, Перми, Ижевска, Вологды и Екатеринбурга. Были сделаны 70 докладов на шести секциях: «Русская литература и фольклор: актуальные вопросы изучения», «Русский язык: настоящее и прошлое», «Финно-угорская литература и фольклор», «Актуальные проблемы современной уралистики», «Теория и практика современной коммуникации: вопросы изучения публицистических текстов» и «Актуальные проблемы изучения современной медиасферы».

Студенты и аспиранты поделились результатами научных изысканий в разных областях филологических знаний, обсудили актуальные проблемы изучения современных и древних текстов, функционирования слов в художественной и диалектной речи, особенности современной коммуникации на разных языках и в разных социальных условиях, рассмотрели вопросы, связанные с журналистской деятельностью, специфику современных масс-медиа. Доклады вызвали живой интерес у слушателей и сопровождались обсуждением, что может свидетельствовать не только о высоком уровне подготовки выступающих, но и об актуальности обсуждаемых во время секционных заседаний тем.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

ИДЕАЛЬНЫЕ ГЕРОИНИ А. РЕМИЗОВА И Н. ЛЕСКОВА

Н.С. Белова

Вологодский государственный педагогический университет

Постановка проблемы: Алексей Ремизов не раз говорил, что в своем творчестве ориентируется на традиции Николая Лескова. Критика и читатели также не раз называли А.М. Ремизова «Лесковым XX века». Исследователь В.А. Туниманов отмечает: «А. Ремизову Лесков был дорог как блестящий стилист, языко-творец, «жанрист» – и как религиозный мыслитель, правдоискатель» (6: 19). Ремизов, определяя место Лескова в культуре и литературе, писал: «Русская Библия начинается Пушкиным и Гоголем, а кончается Лесковым» [3:107].

Сам Ремизов к титулам «ученик», «продолжатель» относился с некой иронией, которая, впрочем, была ему присуща. Также когда-то говорили о его подражании Ф. Достоевскому. Без сомнения, читатель найдет много схожего в ремизовских и лесковских книгах, но, как отмечает В. Туниманов, «Ремизов... подражал созвучным словесным арабескам Лескова, но делал это очень тонко, не в ущерб собственному музыкально-ассоциативному ладу» [6: 21].

С середины 19 века не утихала полемика вокруг так называемого женского вопроса, велись споры о роли женщины и ее месте в обществе. Этот вопрос не оставил равнодушными и писателей того времени, Н. Лескова, а позже и А. Ремизова.

Цель работы: Сопоставить образы женщины в произведениях А.Ремизова и Н.Лескова, выявив черты сходства и различия.

Анализ исследований и публикаций: Отдельные наблюдения над гендерной проблематикой, ролью женских образов в произведениях А. Ремизова можно найти в работах Г. Слобин, Е. Тырышкиной, И.П. Карпова. Образ женщины в произведениях Н. Лескова комментируется в работах А.И. Белецкого, Н.В. Щелгунова, И.В. Столяровой. Однако предметом специального исследования сопоставительный анализ женских образов А. Ремизова и Н. Лескова еще не был.

Результаты исследования: Герой Лескова отличается тем, что не может жить для себя, ему надо отдать жизнь за Великое Благо. Он вынужден страдать, но страдать не для очищения страданием, а страдать от обстоятельств, которые не дают ему проявить себя, страдать от своей непохожести, своего таланта («Левша», «Очарованный странник»). Очень похожи на данный тип персонажа герои и героини А. Ремизова – вечные страдальцы и жертвы обстоятельств и случая. Автор выстраивает целый ряд женских образов-мучениц в романах «Пруд», «Крестовые сестры», «В розовом блеске» и мн. др.

Если говорить о героинях Лескова, то необходимо отметить, что в романе «Некуда» он вводит «новый тип» – тип идеальной женщины с пробудившимся сознанием, готовой отстаивать свои интересы и свободу. Это стремление в конечном итоге и губит ее. Исследователь Л. Гроссман [1], характеризуя Лизу Ба-

хареву, склоняется к ее идеализации, перенося всю вину за несостоявшуюся жизнь героини на ее окружение. Про невозможность изменения жизни к лучшему в тех исторических условиях говорит и Г. Тамарченко [5]. В.С. Семенов объясняет причины трагедии главной героини семейными распрями, которые толкают ее навстречу новым идеям [4].

Роман «Некуда» Н. Лескова был очень значим для А. Ремизова. С его содержанием, сюжетом, а главное, с Лизой Бахаревой, центральной героиней, ассоциировались дорогие ему образы его жены и матери. Мать А. Ремизова, Мария Александровна, и его жена, Серафима Павловна, занимали большое место в жизни писателя и стали прототипами многих его героинь. Так, в книге «В розовом блеске» Ремизов писал: «Моя мать из «Некуда» /.../. Я узнал от нее и о Лескове, и о первых нигилистах» [2: 646]. Главная героиня этой книги, Оля, революционерка в душе, идеальный для А. Ремизова образ, полюбила образ Лизы Бахаревой: «Оле осталось в памяти «Некуда» Лескова: ей очень понравилась Лиза – этот чистейший образ мятежной души, может быть, самый близкий русскому сердцу» [2: 530]. Писатель и сам сопоставляет Олю и Лизу: «С кем идет Оля в русской литературе? Да такой нет, одна. Но есть же кто-то ей не чужой, кого она могла выбрать себе в подруги? Вспоминаю Лизу – «Некуда» Лескова...» [2: 626]. В связи с этим примечательны и имена героинь: имя Ольга происходит от имени Хельга, означающего 'святая', а имя Лиза / Елизавета означает 'божья клятва'. Обе героини несут Высшую истину, обеим приходится бороться за правду.

Вывод: В героинях Н. Лескова и А. Ремизова много схожего – готовность пожертвовать собой ради Общего Блага, стремление к независимости, свободе, жизни, одухотворенной высокими идеалами. А. Ремизов продолжает лесковскую традицию, старается углубить образ женщины «нового типа», создавая образ «идеальной революционерки».

Примечания

1. Гроссман Л.Н. Н.С.Лесков. Жизнь – творчество – поэтика. М.,1945.
2. Ремизов А.М. В розовом блеске. М., 1990.
3. Ремизов А. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т.8. Подстриженными глазами. Иверень. М.,2000.
4. Семенов В. Николай Лесков – время и книги. М.,1981.
5. Тамарченко Г. «Что делать?» Чернышевского и «Некуда» Лескова // Вопросы литературы. 1972. №9. С. 94-119.
6. Туниманов В.А. Тропа Ремизова к Лескову // Русская литература. 1998. № 3. С. 18-32.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПОВЕСТЬ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА: К ВОПРОСУ О ТЕКСТОЛОГИИ ПАМЯТНИКА

Т.В. Бровкина

Сыктывкарский государственный университет

Повести о табаке – это литературные памятники XVII в., объединенные темой происхождения и распространения среди людей «мерзкого зелья» – табака. Они представляют научный интерес как памятники поздней средневековой русской литературы, вобравшие в себя древние мифологические представления, народные легенды и поверья, трансформировавшиеся под воздействием христианских идей, а позднее получившие дополнительную обработку под пером старообрядческих авторов [1].

В настоящее время в старообрядческой среде известен широкий круг литературных и публицистических произведений, объединенных никоцианской тематикой. Наиболее часто в рукописных сборниках встречается повесть, в заглавии которой есть указание на некую книгу «Пандок» как ее источник. Именно эта повесть получила наибольшее распространение в рукописях XVII–XIX вв., в том числе и на Нижней Печоре.

Все известные списки варианта Повести «От книги, глаголемыя Пандок...» разделяются на три группы: первую составляют списки «основной» редакции, наиболее распространенной в среде переписчиков, вторую – списки «особой» редакции, третью – списки кратких редакций [2: 11-12]. Этот вывод был сделан на основе изучения ряда списков Повести из хранилищ Санкт-Петербурга. Мы расширили источниковедческую базу исследования за счет ранее не привлекавшихся списков из Московских хранилищ. Это позволило уточнить текстологические наблюдения предшествующих исследователей. Покажем на одном примере, как выявленные в некоторых списках различия в тексте одних и тех же фрагментов Повести позволяют сблизить их и выделить в одну группу, восходящую к общему источнику.

Для сопоставления рассмотрим четыре списка XVIII в., относящихся к I виду основной редакции, наиболее близкому к архетипу Повести, два из которых хранятся в Петербурге, в ИРЛИ РАН (собр. Перетца, № 469 и Красноборское собр., № 11), и два московских списка (РГБ, Музейное собр. № 1420 и ГИМ, собр. Барсова, № 1625). Остановимся на мотивах 16-17, опираясь на классификацию мотивов Повести, представленную в статье Т.Ф. Волковой [2]. В этих фрагментах Повести сообщается о купцах, разбогатевших от продажи табака, о том, что после смерти их ждет испытание адским огнем и серой (мотив 16), и рассказывается о трезвой жизни язычников – обитателей страны царя Анепсия, героя Повести (мотив 17).

При сопоставлении списков обнаруживается, что в ряде списков в 16-м мотиве после сообщения о том, что «мнози же купцы и продавцы» разбогатеют от «хранителнаго былия» добавлено, что часть их «с неверными» окажется «во огни горящу» и пройдут испытание «серою смердящею» (ИРЛИ Перетца, 469, в

остальных списках читается близкий текст с небольшими разночтениями). В списке же РГБ Музейное, 1420) вместо «с неверными» читается «скверными». По смыслу правильным является чтение «с неверными»: любители табака из числа христиан после смерти оказываются в аду вместе с грешниками других конфессий («неверными»). Чтение «скверными» в данном контексте является явно ошибочным. Причины появления этой ошибки могут быть разные: неразборчиво написанное слово в источнике первого писца, который сделал эту ошибку, неправильное понимание писцом смысла данного фрагмента.

Мы выделили несколько списков с таким искаженным прочтением слова «неверными» – РГБ Музейное, 1420; РНБ Q1 1285; РГБ Оптиной пустыни, 240. Они составляют отдельную группу внутри I вида основной редакции и восходят к одному списку, в котором впервые была сделана эта ошибка.

Мотив 17 во многих списках не имеет начала. Первые слова, которые можно к нему отнести тематически – «в трезвости», являются окончанием какой-то не сохранившейся в этих списках фразы о трезвой жизни обитателей греческого царства, которым правил царь Анепсий. Такое «дефектное» чтение мотива 17 прослеживается в большинстве петербургских списков Повести (например, в списке ИРЛИ Перетца, 469 и ряде др.) и в некоторых московских списках (например, РГБ Музейное, 1420). Однако в других списках Повести этот мотив читается без искажений: «**В той земли люди в трезвости живущи, понеже пиянства не имущи...**» (ИРЛИ Красноборское, 11), или: «**Бысть же страна некая, в ней же пиянства не было...**» (ГИМ Барсова, 1625). Таким образом, списки с отсутствующим началом мотива 17 также отражают более поздний этап в развитии текста I вида основной редакции.

Примечания

1. Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая - 10 июня 1915 года. Киев, 1915. С. 149-152.

2. Волкова Т.Ф. Повесть о происхождения табака (Список усть-цилемского книжника И.С. Мяндина в контексте рукописной традиции повести) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 6: Филология. Искусство. Вып. 7. 2008. С. 13-20.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ТЕКСТА ПОВЕСТИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА

Т.В. Бровкина
Сыктывкарский государственный университет

В настоящее время в старообрядческой среде известен широкий круг произведений, объединенных никоцианской тематикой. Наиболее часто в сборниках встречается повесть о происхождении табака, где есть указание на некую книгу «Пандок» как ее источник.

Все известные списки Повести варианта «Пандок», по наблюдениям Т.Ф. Волковой, разделяются на три группы: первую составляют списки «основной» редакции, наиболее распространенной в среде переписчиков, вторую – списки «осо-

бой» редакции, третью – списки кратких редакций. Внутри основной редакции выделяются три вида. Мы расширили по сравнению с нашими предшественниками источниковедческую базу исследования за счет ранее не привлекавшихся списков из хранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. Это позволило уточнить ранее сделанные текстологические наблюдения по истории текста Повести.

Используя классификацию мотивов Повести, предложенную Т.Ф. Волковой, мы проанализировали ряд сюжетных мотивов в списках I вида основной редакции, наиболее близкого к архетипу: ИРЛИ собрание Перетца, № 469, XVIII в. (П); БАН Архангельское, № 589 Д, нач. XVIII в. (А); РНБ Q1 1285, сер. XVIII в. (Q); РНБ Титова 1559, сер. XVIII в. (Т); ГИМ Уварова 623-4, XVII в. (У); ГИМ Барсова, 1625, XVIII в. (Б); ИРЛИ Красноборское, 11, XIX в. (Кр).

На данном этапе исследования мы выделили 5 этапов развития текста, связанных с появлением в нем отдельных искаженных чтений, по которым списки Повести можно разделить на группы внутри I вида Основной редакции.

Кратко охарактеризуем выявленные нами этапы в развитии текста I вида основной редакции. Первое искажение произошло в конце XVII в. и состояло в утрате начала мотива 17, который начинается в ряде списков (П, А, Т, Q, У) со слов, представляющих собой окончание какой-то несохранившейся фразы о трезвой жизни обитателей земли царя Анепсия («...в трезвости понеже в той земли пиянства не имуще...»). Это искажение стало дублироваться многими из последующих переписчиков.

На следующем этапе появились искаженные чтения в мотивах 9 («змия» / «земля») и 16 («с неверными» / «скверными»): *«Егда бо манием Господь на земный образь преложися и волею на смерть прииде и удицею вочеловечения своего змия низведе во ад...»* (П) / *«Егда бо манием Господь на земный образь преложися и волею на смерть прииде и удицею вочеловечения своего земля извлече во ад...»* (Q). *«Мнози же купцы и продавцы обогатеют от мерзостнаго зелия онаго... ихъ же часть с неверными во огни горящем и серою смердящею»* (Т) / *«Мнози же купцы и продавцы от Бога от мерскаго зелия онога табаки обогатеют... их же часть скверными во огни горящу и серою смердящею»* (А). Одни переписчики сохранили правильные чтения (П, Q), другие повторили вновь возникшие ошибки (А, Т, У).

На каком-то этапе переписывания появилось новое разночтение в мотиве 2: «любодействовати» / «любородствовати», также разделившее списки Повести: *«...жене Иезавель ... учить и льститъ моя рабы любодействовати ...»* (Q) / *«...жене Иезавель... учить и льститъ моя рабы любородствоват ...»* (У).

Наконец, к разночтениям в мотивах 17, 16, 9 и 2 добавилось ошибочное чтение в мотиве 105: вместо «маслины» («...отсекоша своя **маслины** и присадиша к пустой лозе неплодной...» – П, Q) появилось явно ошибочное «мыслимы» («...отсекоша свое **мыслимы** и присадиша к пустынной лозе неплодной» – А, Т).

Некоторые писцы, видимо, имея под рукой несколько списков Повести, по-разному использовали имеющиеся в них искаженные чтения, включая в свой список те чтения, которые им казались правильными. Например, в списке Q (отмеченном утратой начала мотива 17) видим, с одной стороны, правильные

чтения «с неверными», «маслины», «любодействовати», с другой – искаженное «земля». В списке А из правильных чтений сохранилось только «любодействовати», остальные чтения искаженные: «земля», «скверными», «мыслимы».

Таким образом, мы выделили несколько ключевых моментов искажения архетипного текста I вида Основной редакции Повести, что позволит классифицировать и другие списки этого вида основной редакции, пока нами еще не привлеченные.

ПРОЛОЖНЫЕ ТЕКСТЫ В СОСТАВЕ ПЕЧОРСКИХ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ

К.А. Витязева

Сыктывкарский государственный университет

В составе Усть-Цилемских рукописных сборников содержатся многочисленные выписки из популярного в Средневековье, а позднее в старообрядческой среде, сборника, получившего на русской почве название Пролога. Нами было выявлено 65 проложных выписок в составе 25-ти рукописных сборников XVII–XX вв., хранящихся в Усть-Цилемском и Усть-Цилемском новом собраниях ИРЛИ (Пушкинского дома) РАН и в НБ СыктГУ. Безусловно, дошедшие до нас печорские сборники, включающие в свой состав тексты из Пролога, не отражают в полной мере всю рукописную традицию Пролога в этом регионе, однако и то, что сохранилось, позволяет составить некоторое представление о темах и сюжетах, которые волновали печорских крестьян, переписывавших соответствующие проложные повести, а также о тех идеях и образах, которые через рукописные тексты воспринимались печорскими читателями, оказывали на них идейно-нравственное и эстетическое воздействие.

Во-первых, в сборники включались отдельные проложные жития и памяти святым и мученикам, по-видимому, понравившиеся составителям и привлекавшие их внимание. Среди них, например, Житие Алексея человека Божия, Житие Антония Римлянина, Житие Марины Великомученицы, Житие Николая Мирликийского, Память Татьяне девице-мученице, Память Февронии преподобномученице.

Во-вторых, печорские крестьяне делали выписки из Пролога, отражающие различные грани христианского мировоззрения. Среди них можно выделить проложные рассказы, связанные с христианской религиозной догматикой: «таинствами», силой веры, силой молитвы, чудесами от икон, видениями. В этих повестях зачастую фигурируют представители преисподней: дьявол, нечистые духи – демоны и бесы.

Ряд проложных текстов в печорских сборниках посвящен обличению грехов, таких как прелюбодеяние, блуд, пьянство, уныние, лень, лицемерие, стяжательство.

Тема греха в сюжетах Пролога тесно связана с темой покаяния. В религиозном сознании христиан (в т.ч. и старообрядцев) покаяние является единственным путем спасения человека, оно освобождает душу человека от «греховной тяжести». Поэтому неудивительно, что печорцев с их особым религиозным

складом мышления и мировосприятия волновала эта тема. В отдельную группу объединяются тексты о воздаянии за грехи.

Большое количество проложных выписок посвящено христианским добродетелям – смирению, любви, милостыни, нищелюбию, пустынночеству и трудолюбию. Волновала печорских крестьян и тема книжного почитания, которая раскрывается в ряде проложных сюжетов, вошедших в печорские сборники.

Итак, судя по выявленным нами выпискам, включение проложных текстов в печорские сборники обуславливалось религиозным мировосприятием печорских крестьян. Из всего тематического разнообразия Пролога печорцами переписывались и включались в местные сборники рассказы, повествующие о жизни и мучениях святых, а также рассказы, раскрывающие основные положения христианского вероучения. Таким образом, можно говорить о том, что многие темы и сюжеты средневекового агиографического сборника Пролога были актуальны для печорских крестьян и нашли в их лице заинтересованных читателей.

МОТИВ РАЗЛУКИ В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Е.А. Габб

Сыктывкарский государственный университет

В жизни и творчестве Марины Цветаевой тема разлуки занимает важное место. Мы выделили около 200 поэтических произведений, в которых эта тема является главенствующей и получает максимальное раскрытие.

Проанализировав большое количество стихотворений, мы выделили следующие аспекты темы разлуки, опираясь на те значения слова «разлука», которые оно имеет в русском языке: 'жизнь вдали от близких', 'расставание с близким'. Были учтены также те производные от этих значений, которые получили поэтическое развитие в стихах Цветаевой: 1) разлука как пространственная или временная дистанция, возникающая между людьми или человеком и определенным местом, имеющим для него особое значение («в Оучу»; «Отъезд»); 2) разлука как отчуждение, возникновение внутренней, духовной дистанции между людьми («Поэма конца», «В оны дни ты мне была, как мать...»); 3) разлука как потеря, временная или окончательная («Простите меня, мои горы...», «Жертвам школьных сумерек»); 4) разлука как вынужденный или добровольный уход от кого-либо или чего-либо, вплоть до бегства («Что видят они? – Пальто...», «Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить...»; «Никто ничего не отнял...»); 5) разлука как несовпадение во времени («Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна...»).

Весьма разнообразными оказались и объекты разлуки, те, с кем или с чем расстается поэт. В этом аспекте произведения о разлуке могут быть представлены в следующей классификации:

1. Разлука с человеком: *разлука с человеком вообще* («Радость всех невинных глаз...», «Крик станций»); *разлука с возлюбленным* («Уедешь в дальние

края...», «Я Вас люблю всю жизнь и каждый день...»); *разлука с матерью* («Мама на лугу», «Самоубийство»); *разлука с ребенком* («Его дочке», «Плач матери по новобранцу»); *разлука с друзьями* (цикл стихотворений «Подруга», «Неразлучной в дорогу»).

2. Разлука с миром: *разлука с дневным миром* («Бессонница», «Связь через сны»); *разлука с миром людей* («Рождественская дама», «Русской ржи от меня поклон...»).

3. Разлука со значимым пространством: *разлука с родиной* («Страна», «Родина»); *разлука с дорогими, родными местами* («Отъезд», «Домики старой Москвы»).

4. Разлука со значимым периодом жизни: *разлука с детством* («Лесное царство», «В пятнадцать лет»); *разлука с молодостью* («Молодость», «Золото моих волос...»); *разлука с жизнью* («Два цветка ко мне на грудь...», «Поезд жизни»).

5. Разлука с Богом («И не плача зря...», «Бог»).

Такое многоаспектное раскрытие темы разлуки в творчестве М. Цветаевой свидетельствует о том, что эта тема была особенно ей близка и волновала ее как поэта. Дальнейшее исследование этой темы в поэтическом наследии Цветаевой в соединении с изучением биографической основы ее поэзии позволит более точно понять характер осмысления разных аспектов темы разлуки, способы ее поэтического раскрытия.

«ЧЕЛОВЕК ИГРАЮЩИЙ» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ А.М. РЕМИЗОВА

А.А. Дементьева
Сыктывкарский государственный университет

Основной корпус автобиографических текстов А.М. Ремизова формировался в период эмиграции. В это время творческое существование писателя во многом определялось контекстом западноевропейской культуры, находившейся в состоянии глубокого кризиса после Первой мировой войны.

В этой ситуации творческая элита попыталась найти альтернативу угнетающей реальности в мире видимостей. Таким образом, по мнению Й. Хейзинги, феномен игры стал единственным способом разрешения парадокса свободы, как творческой, так и личной.

А.М. Ремизов, для которого крах родной культуры стал ясен еще до эмиграции, предпринял попытку создания игровой реальности в России. Воплотилась она в создании Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, просуществовавшей фактически до смерти писателя.

В дальнейшем предрасположенность к выдумке и мистификации в совокупности с накладывающейся на нее мировой тенденцией к восприятию жизни как игры привели к тому, что «человек играющий» стал одной из главных ипостасей автобиографического героя Ремизова.

Первый из вариантов текстовой игры имеет целью прояснение собственной сущности для самого себя. Его можно обозначить вслед за М.М. Бахтиным как «Я и Чужой во мне» или, пользуясь более поздним определением П. Рикёра, «Я-сам-как-другой». Так, повествуя о собственном вступлении в литературу, герой замечает, что «старички служащие сколько раз уверяли меня, что я «вылитый дядюшка» <...> Но не могу поверить, что мой голос хоть чем-нибудь напоминает этот единственный страшный голос, какой только мне приходилось слышать» [1: 294]. Сравнение с дядей-тираном воспринимается героем поначалу как неправдоподобное, однако позднее он понимает, что между дядюшкиным презрением к «лодырям» и его собственной одержимостью литературным трудом много общего. Таким образом, исходя из оценок других персонажей, автобиографический герой пытается понять себя настоящего, ведет игру с самим собой, в которой на кон поставлена его честность по отношению к самому себе.

Во втором случае цель литературной игры совершенно иная – скрыть свое истинное лицо, это игра с читателем и исследователем, реализующаяся в тексте как бытие «я-для-других» (М.М. Бахтин). В этой ситуации автор действует в соответствии с условиями «автобиографического договора» (Ф. Лёжен), которые снимают с него ответственность за истинность или ложность излагаемых в тексте фактов. Так, рассуждая о своей писательской судьбе, Ремизов в одном месте утверждает, что «... попал я в литературу “по недоразумению”» [1: 453]. Однако далее герой заканчивает свое рассуждение фразой: «*Такое должно было совершиться* (курсив наш. – А.Д.): никогда не думая, что из меня выйдет писатель, я, все-таки, непрерывно писал и добивался точных выражений со своего глаза...» [1: 453]. Располагая рядом диаметрально противоположные утверждения, автор предлагает читателю такую возможность понимания текста, которая ему ближе.

Третий вариант текстовой игры можно обозначить как игру с культурным кодом или игру с мифологемами (в широком их понимании, предложенном Р. Бартом). В первую очередь он реализуется как переписывание текста. Так, новелла о кормилице переходит из книги «Подстриженными глазами» в книгу «Учитель музыки» в редуцированном виде: «... калужская песельница и сказочница, и меня не отделить от нее. Так из Толмачевского переулка понесла она меня на Пятницкую в дом Рожнова к фотографу Мартынову. Фотограф <...> сказал: «Смотрите, птичка летит!». И оба мы на птичку вострепнулись, тут он и щелкнул» [1: 24]– «... калужская песельница и сказочница, и меня не отделить от нее. Так и на Пятницкую в дом Рожнова она понесла меня к фотографу Мартынову. Фотограф скомандовал: «... птичка летит!» – и оба мы на птичку вострепнулись, тут он нас и снял» [1: 163]. Переписывание воспринимается писателем как создание нового текста. В этом смысле Ремизов предвосхитил эксперименты представителей «магического реализма»: Х.-Л. Борхеса, Г.Г. Маркеса, К. Кастанеды. Так, герой рассказа Борхеса «Пьер Менар, автор «Дон-Кихота» воспринимает переписывание текста М. де Сервантеса именно как создание собственного произведения. Подобные эксперименты лишают текст

права на завершенность, вследствие чего он начинает восприниматься как открытая структура.

Таким образом, «homo ludens» – ремизовский автобиографический рассказчик и сам автор, для которого игровая действительность становится сферой свободного творческого волеизъявления. Литературная игра, в которую А.М. Ремизов вовлекает своих героев, читателей, исследователей, существует как в текстовом, так и во внетекстовом, общекультурном, пространстве, что особенно важно для писателя, который во многом оказался провозвестником художественных экспериментов постмодерна.

Примечания

1. Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т.8. Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга, 2000.

«ОБЩИЙ ОЧЕРК СКРЫТНИЧЕСТВА» КАРГОПОЛЬСКОГО ПИСАТЕЛЯ СТАРООБРЯДЦА XX ВЕКА М.И. ЗАЛЕССКОГО: ОБРАЗЫ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ НАСТАВНИКОВ

О.Л. Канова

Сыктывкарский государственный университет

Максим Иванович Залесский (1894-1975; мирское имя Федор) – последователь страннической веры, крестьянский писатель, которым было создано немало сочинений разнообразных жанров. М.И. Залесского по праву можно считать историком страннического согласия, запечатлевшим на страницах своих рукописных текстов основные вехи истории страннического движения, важные моменты жизни последователей толка странников-статейников.

Сочинение М.И. Залесского «Общий очерк скрытничества» (БАН, Карг. собр., № 77), практически не изученное исследователями, представляет собой документально-исторический или художественно-документальный очерк (классификация Е.И. Журбиной), в котором приводятся рассказы биографического характера, посвященные наставникам страннического согласия. Перечислим основные черты, позволившие нам отнести данный очерк к обозначенной разновидности: тексту присущ документализм, фактографичность, четкие причинно-следственные связи, идеализация отдельных образов. Книжник старается приводить точные данные: указывает даты, имена официальных лиц, время и место произошедших событий. Данная особенность позволяет указать на особую документальность стиля «Очерка» М.И. Залесского.

Все сведения книжник выстраивает в строгом хронологическом порядке. Текст содержит ссылки на известные труды ученых: историка XIX в. И.К. Пятницкого, русского теоретика и пропагандиста марксизма Г.В. Плеханова.

Объектом рассмотрения автора в первую очередь становятся факты, лица, непосредственным образом связанные со странничеством, его идеологией. Особое внимание М.И. Залесский уделяет образам каргопольских наставников, современников книжника. В своем произведении он рассказывает о четырех

наставниках: Романе Логинове Гущине, Корнилии Петровиче Пятокове, Александре Васильевиче Рябинине, Александре Григорьеве. Создавая словесные характеристики руководителей общины, М.И. Залесский придерживается определенных схем, это в своем роде краткая энциклопедическая справка биографического характера: происхождение каждого наставника (год рождения и в особенности дата смерти); семейное положение; мирское и иноческое имя; территориальная и социальная принадлежность; приобщение к странничеству, соборное избрание на должность «окружного» старейшего; деятельность на благо общины, книжная культура наставника; характеристика его внешности и основные черты характера.

Важным для автора «Очерка» становится связь каргопольских наставников с «ярославскими вождями», особо значимым является личный контакт с ярославским странником Никитой Семеновым, основателем толка странников-статейников.

Залесский отмечает основные черты характера наставников: их способности в области мироустройства, знания книжной культуры. При этом последняя характеристика становится одной из определяющих при изображении внутреннего мира и наклонностей того или иного старца. Например, характеризуя деятельность Р.Л. Гущина, одного из страннических наставников конца XIX в., Залесский пишет: «Гущин славился среди странников как хороший знаток Писаний, догматических учений, канонов соборных и церковных порядков. Написал много разных сочинений полемического характера в защиту общины и на выяснение церковного учения о церкви и ее сущности власти и всем прочем. Слог его сочинения очень растянут, расплывчив и с большими повторениями, доказательства местом многочисленны, но набор слов и пояснений подряд, почти ненужных, поглащает все, читать их утомительно» (БАН, Карг. собр., № 77, с.205). Составляя характеристику наставника, М.И. Залесский обращает особое внимание на сочинение самого Гущина, на его слог, стилистику текста.

Таким образом, страннические наставники показаны в тексте «Очерка» как живые люди со своими достоинствами и недостатками. Реконструируя историю странничества, М.И. Залесский дает оценку событиям или приводит собственное мнение, которое дополняет информацию, почерпнутую из работ исследователей. По сути, приводимая Залесским «неофициальная история» открывает читателю внутреннюю жизнь страннической общины, не известной «непосвященным» лицам. «Очерк» М.И. Залесского является важным источником для изучения культуры и традиции странников, на основе которого можно восстановить биографии руководителей, особенности идеологии и организации внутренней жизни страннического братства.

МОТИВ СНА И «МОРСКОЙ КОМПЛЕКС» В ПОЭЗИИ Ф.И.ТЮТЧЕВА

Ю.В. Леготина

Сыктывкарский государственный университет

В лирике Ф.И. Тютчева выделяется небольшой круг традиционно романтических мотивов. Среди них особая роль отводится мотиву *сна*.

Нередко мотив сна возникает в окружении образов водной стихии. Впервые такое сочетание встречается в стихотворении «**Видение**» (1829). Основное значение мотива представлено метафорой *сон / творчество*: соотнесение основывается на сходстве сна и творчества как особых пороговых состояний («Лишь музы девственную душу В пророческих тревожат боги снах»). Для Тютчева они неразрывно связаны с ночью, когда сошедший «покров дня» обнажает хаотические основы мироздания – и душе становятся доступны сокрытые истины («Есть некий час, в ночи...»).

В стихотворении «**Сны**» (1829) обнаруживаем сравнение с океаном: «Как океан объемлет шар земной, Вся наша жизнь кругом объята снами». *Сон* предстает здесь как активация бессознательного: «Прилив растет и быстро нас уносит В неизмеримость темных волн». Это темная сторона души, хаос. Бездна бессознательного влечет к себе, и человек не способен противиться ее зову («То глас ее: он нудит нас и просит...»). Образ двойится: это не только внутренняя бездна, но и внешняя: в нее облекается бытие.

Пространство бездны объединяет *огонь* и *воду*: водная стихия проявляет себя через сопоставление с океаном, огненная представлена такими характеристиками бездны и неба, как *пылающая* (бездна) и *горящая* (звездная твердь). Слияние двух первородных стихий символизирует возвращение к первоначалу. Но трагизм тютчевской натурфилософии в том, что человек, как бы ни влекла его «бездна»-праоснова, не умерев, соединиться с ней не может. Отсюда образ *челна* – границы между индивидуальным битием и бездной небытия, спасительной и гибельной одновременно.

В «**Сне на море**» (1830) чудесное видение призвано воплотить романтический идеал поэта: увести от действительности, представленной метафорой разбушевавшегося моря, в мир мечты. Но романтическая концепция терпит крах: болезненное сновидение неспособно противостоять натиску реальности: «И в тихую область видений и снов Врывалася пена ревущих валов».

В стихотворении «**Тени сизые смешались...**» (1835) индивидуальное порывается к слиянию со всеобщим («Дай вкусить уничтоженья, С миром дремлющим смешай!»). Поэт выхватывает в потоке времени момент перехода – «в час тоски невыразимой», когда дремлющий мир превращается в вибрации хаоса («Жизнь, движенье разрешились В сумрак зыбкий, в дальний гул...»). Они отзываются в душе героя, делая его сопричастным происходящему: «Всё во мне и я во всём!».

В более поздних произведениях сочетание мотивов *сна* и *моря* появится в 1849 г. в стихотворении «**По равнине вод лазурной...**», где пересекаются «две

беспредельности» – неба и моря, однако их слияние означает вечную жизнь, а не угрозу уничтожения-возвращения. Стихии переходят одна в другую, символизируя всеобщую взаимосвязь. Рожденные в такой атмосфере «сны» не прерываются грохотом бури: «Сны играют на просторе Под магической луной – И баюкает их море Тихоструйною волной».

В позднем стихотворении «**Как хорошо ты, о море ночное...**» (1865) ощущается драматизм: появляются слова-«сигналы» с негативной семантикой (*грохот, гром, тусклое сиянье, ночное безлюдье*). Казалось бы, героем владеет та же жажда слияния с хаосом: «В этом волнении, в этом сиянье, Весь, как во сне, я потерян стою – О, как охотно бы в их обаянье Всю потопил бы я душу свою...». Но это уже не экзистенциальный порыв к первоисточкам, а желание смерти как избавления от жизненных тягот.

В 1868 г. мотивы *воды* и *сна* снова пересекутся в стихотворении «**Опять стою я над Невой...**», для героя которого остаток жизни после смерти возлюбленной превращается в сон-смерть: застыли «дремлющие воды» Невы, «все стихло» в сиянии луны – остались только воспоминания: «Во сне ль всё это снится мне, Или гляжу я в самом деле, На что при этой же луне С тобой живые мы глядели?».

Взаимодействие мотива сна и «морского комплекса» у Тютчева наблюдается в натурфилософской лирике, где мотивы *сна, моря, бездны, хаоса* выражаются друг через друга. Это обусловлено сходной этимологией концептов, лежащих в их основе. В окружении морских мотивов *сон* становится синонимом творчества и выражает романтический идеал; как одно из проявлений бессознательного, сон соотносится с хаосом, бездной, скрывающимися внутри человека.

В тютчевской лирике позднего периода мотив *сна* в соседстве с мотивами *моря* и *реки* чаще актуализирует одно из первичных символических значений этих образов – *смерть*.

ЖИТИЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦ В СОСТАВЕ УСТЬ-ЦИЛЕМСКОГО ТОРЖЕСТВЕННИКА

И.С. Лыткина

Сыктывкарский государственный университет

Предметом нашего исследования являются жанровые особенности житий великомучениц. Эти особенности выявляются на материале трех житий – Екатерины, Параскевы Пятницы и Анастасии Узорешительницы, читающихся в Торжественнике известного печорского книжника И.С. Мяндина. Наша задача – выявить то, что в сюжете и обрисовке образов главных героинь сближает эти жития и что придает им своеобразие.

Героини выбранных нами для сопоставления житий жили в одну эпоху, в III в.: Параскева и Анастасия в годы царствования императора Диоклетиана (245-313), первая – в Иконии, вторая – в Риме; а Екатерина – в правление Максимилиана (270-313 гг.) в городе Александрии. Все три великомученицы за

приверженность христианству подверглись гонениям, перенесли жестокие истязания и в конце приняли мученическую смерть, не отрекшись от своей веры.

В исследуемых памятниках мы выделили ряд устойчивых мотивов, встречающихся и в других переводных мученических житиях: суд над девушками-христианками, в ходе которого их побуждают отречься от христианской веры; предъявленное им требование принести жертву языческим богам; «прение о вере» между язычником, представителем власти, и героиней-христианкой; описание мучений, по окончании которых мученицы остаются невредимыми; заключение героинь в темницу для того, чтобы они скончались там от полученных ран и голода; явление им в темнице посланцев Божьих или самого Христа, которые излечивают мучениц от ран и дают им силы для дальнейшей борьбы; описание казни и посмертных чудес. Эпизоду казни предшествует предсмертная молитва, в которой мученицы благодарят Бога за посланное им терпение и просят принять свою душу. За этой молитвой следует ответный глас Бога, который восхищается великомученицей и открывает ей врата рая.

К мотивам, характерным именно для житий *великомучениц* и использованным в анализируемых житиях, можно отнести следующие. Во-первых, мотив внешней привлекательности и семейного благополучия героинь (описывается их красота, богатство, знатность, которые они не ценят, противопоставляя их ценностям духовным). Во-вторых, сюжетно связанный с мотивом красоты мотив сватовства мучителя к своей жертве и ее отказ стать женой язычника, мотивируемый тем, что она уже невеста другого – самого Христа. Все перечисленные выше мотивы объединяют анализируемые жития.

Далее отметим особенности каждого из них. Основной момент, который отличает житие Параскевы Пятницы от житий Екатерины и Анастасии, – испытание героини языческими богами. Это тоже традиционный мотив, но в двух других житиях он не использован. Игемон-язычник, думая, что Параскеву исцелили языческие боги, предлагает ей отречься от своей веры. Параскева решает показать Игемону, кто истинный ее спаситель. Для этого она идет в языческую церковь и обращается с молитвой о помощи к Христу, и эта молитва одерживает верх над языческими идолами, которые от нее рассыпаются в прах.

В сюжете Жития Анастасии мотив «христовой невесты» решен иначе, чем в двух других. Если Параскева и Екатерина не выходили замуж, сохраняя верность своему небесному жениху; то Анастасия хотя и была выдана замуж насильно, но сумела сохранить свое девство и также остаться верной Христу. Кроме того в Житии Анастасии введен мотив посещения героиней узников и их лечения, что придает дополнительные краски ее образу.

В Житии Екатерины сюжетно разработан мотив «невесты Христовой»: здесь подробно описано, как Иисус выбирал ее в качестве своей невесты, а также введен мотив спора Екатерины с языческими «риторами», в котором она показала удивительную стойкость и прекрасное владение словом.

Таким образом, следование житийному канону авторами переводных великомученических житий не приводило к обезличиванию их героинь: каждая из них имеет свой характер и индивидуальную женскую судьбу.

ДОМ ДЛЯ УМЕРШЕГО В ПЕЧОРСКИХ ПРИЧИТАНИЯХ¹

Е.О. Максимова

Сыктывкарский государственный университет

Жилище занимает важнейшее место в традиционной картине мира и в жизни людей в целом. А.К. Байбурин утверждает, что «жилище – один из ключевых символов культуры» [1: 3]. Именно поэтому образы жилых построек находят отражение в фольклорных текстах.

Данная работа посвящена характеристике номинаций «дома для умершего» – гроба, отразившихся в причитаниях Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми и Ненецкий Автономный округ Архангельской области). Источниками исследования стали опубликованные и архивные материалы, относящиеся к периоду с 1929 г., включая и современные записи, всего более 150 текстов.

Причитания – жанр медиативного характера, посредством которого живые пытались воздействовать на «тот» мир. Образы этих миров соотносятся как зеркально противоположные.

В причитаниях Печоры для описания жилища живых людей используются следующие номинации: *дом* (7 употреблений), *хоромина* (6 употреблений), *изба* и *хата* (по 5 употреблений). *Хата* и *хоромина*, как правило, имеют отрицательную коннотацию (*злая лихая хата*, *лихая хоромина*) и используются в похоронно-поминальных плачах в тех случаях, когда после переезда в новый дом человека постигла скорая смерть. Для номинации гроба в исследуемых причитаниях служат 3 слова: *терем*, *горница*, *светлица*. Как видим, в печорских плачах слово *терем* участвует в обозначении и жилища живых, и гроба. Слово *терем* вообще довольно частотно в фольклорных произведениях. В исследуемых причитаниях традиционные определительные сочетания *новый терем* и *новый высокий терем* встречаются и в качестве обозначения гроба.

Самой популярной метафорической заменой гроба («нового жилища умершего») в рассматриваемых плачах является слово *горница* (13 употреблений). Оно выявлено в составе определительных сочетаний *новая горница*, *сосновая горница*. Е.Ф. Югай на материале вологодских плачей заметила, что наряду с горницей гроб может именоваться светлицей [4: 176]. Светлица располагается в центре дома и является самым замкнутым пространством. Таким образом, *гроб* и *светлица* (5 употреблений) семантически тождественны.

Элементами дома живых, каким он предстает в плачах, являются двери, окна, полы, столы, печь, однако на наличии всех этих объектов в обычном доме внимание в причётах не акцентируется, тогда как при описании «дома умершего» (гроба) отсутствие данных элементов нарочито подчеркивается:

А тебе построили дак нову ведь горницу,
Нову горницу, а без дверей тебе,
Без дверей тебе, моя, да без окошечек [3].

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ: № 14-14-11003 а(р).

Часто во вдовьих плачах (или в плачах от их имени) дом метафорически называется *витым гнездом*, нередко это сочетание соединяется с формулой *золотое кольцо*. Эта метафора как в виде парного сочетания, так и в краткой форме используется плачами и при назывании гроба:

Удáлы дóбры мóлодцы,
Кому да гроб робите,
Это вито гнездо,
Золото кольцо? [2: 116]

Итак, при анализе причитаний четко прослеживается оппозиция дом – гроб, причем для описания гроба используется фактически тот же набор поэтических единиц, что и для жилища живых, но описание строится методом «от противоположного» – как перечисление отсутствующих в новом для умершего доме элементов, атрибутов обычного, нормального дома.

Примечания

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
2. Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А.М. Астаховой) / публ. и коммент. Т.С. Каневой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб., 2013.
3. Фольклорный архив СыктГУ, Усть-Цилемское собрание, 0323-50: 9, 10.
4. Югай Е.Ф. Образ дома в похоронно-поминальных причитаниях Вологодской области (оппозиция жизнь смерть) // От конгресса к конгрессу. Материалы второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. Т. 4. М., 2012.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ АРТЕМА ВЕСЕЛОГО «ДЕНЬ МИРА»

Н.Л. Максимова

Сыктывкарский государственный университет

Развитие русской литературы в послереволюционный период сопровождалось мощным идейно-содержательным обновлением, вызванным переживанием глобальных социально-исторических перемен. Обращение писателей к уникальному художественному материалу, предоставленному эпохой, сопровождалось поиском нестандартных творческих решений в области литературной формы.

Так, экспериментаторский подход к структурно-композиционному выстраиванию текста отличает яркого и самобытного представителя русской прозы 1920-30-х гг. Артема Веселого. Художественные проекты этого автора могут быть осмыслены в контексте актуальных тенденций современной литературы. Особое внимание следует обратить на идею создания романа «День мира». Согласно замыслу А. Веселого, в произведении предполагалось изобразить мир в разрезе часа или дня, используя при формальной организации материала принцип обновляемой конструкции: «При удачном воплощении книга обещает быть одной из самых долговечных. Книга написана, она едина и в то же время каж-

дая глава самостоятельна. При переиздании слабые или устаревшие главы опускаются или заменяются новыми. При необходимости ломаются рамки дня, часа и года. Это гарантирует, что и через сто, через тысячу лет книга будет шагать в ногу с жизнью. Форма книги настолько замечательна, что охотники продолжать ее найдутся: каждому творцу она откроет бесконечные перспективы, всю сумму которых (возникновение новых стилей, жанров, развитие типографского искусства) сейчас и учесть невозможно. Вечно молодая книга» [2, л. 1].

Анализ представленного замысла свидетельствует о намерении А. Веселого создать произведение, которое потенциально могло бы сохранять свою актуальность в условиях постоянно изменяющихся «параметров» художественности. Способность текста трансформироваться задается фрагментарным принципом построения, предполагающим относительную обособленность отдельных глав романа. Кроме того, процесс написания произведения мыслился А. Веселым в перспективе выхода за пределы собственной творческой лаборатории, тем самым писатель фактически утверждал «легитимность» работы с уже готовым текстом для будущих поколений авторов.

Судьба этого художественного проекта оказалась довольно неоднозначной. Известно, что при поездке в Сорренто А. Веселый поделился замыслом романа с М. Горьким. Вскоре после этого М. Горький предложил ряду московских и ленинградских писателей приступить к реализации данной идеи, не известив об этом ее автора. В итоге «дело получило огласку, оно обсуждалось в ЦК ВКП(б), Артема уведомили, что проект Горького получил высокое одобрение, и разговор на эту тему закрыт» [1, с. 121]. В результате в 1937 г. в свет вышел коллективный сборник «День мира» под редакцией М. Горького и М. Кольцова.

О плодотворности данной идеи можно судить по тому факту, что проект был продолжен: новые выпуски сборника «День мира» были опубликованы в 1961 и 1987 гг., «вектор» их содержания был направлен уже в сторону публицистики. На наш взгляд, потенциал идеи А. Веселого был реализован лишь частично, т.к. форма изданных книг оставалась статичной и не предполагала какого-либо внутреннего обновления.

Примечания

1. Веселая Г.А., Веселая З.А. Судьба и книги Артема Веселого. М., 2005.

2. Письма в ЦК ВКП(б) об идее создания романа на тему «Один день мира» и переписка Артема Веселого с А.М. Горьким по этому вопросу // РГАЛИ. Ф. 1683. Оп. 1. Ед. хр. 12.

«ЖИТИЕ ВАСИЛИЯ НОВОГО» КАК ПАМЯТНИК ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.А. Мануилова

Сыктывкарский государственный университет

Объектом нашего исследования является «Житие Василия Нового» – памятник переводной агиографии, созданный во вт. пол. X в. в Константинополе и отражающий события политической и общественной жизни Византии перв.

пол. X в., а также основные вехи жизни реально существовавшего человека – византийского святого Василия Нового.

Наше обращение к этому литературному памятнику продиктовано прежде всего тем, что один из его списков из Усть-Цилемского собрания рукописей НБ СыктГУ – УЦ р. 33 – раньше хранился и активно читался усть-цилемскими крестьянами, в XX в. книгу переплетал, а значит, и читал известный печорский старообрядческий автор С.А. Носов.

Исследование особенностей печорского списка требует подготовительной работы: во-первых, транслитерации его весьма объемного текста, во-вторых, историографического изучения Жития как памятника переводной агиографии и произведения, в котором главное место уделено эсхатологическим идеям. Эти идеи были популярны как в средневековье, так и в среде старообрядцев, в т.ч. и печорских, о чем свидетельствуют многочисленные компиляции, читающиеся в печорских сборниках. Результатам историографического исследования и посвящена данная работа.

«Житие Василия Нового» – образец переводной агиографии Древней Руси. В жанровом отношении Житие находится на стыке апокрифической и агиографической литературных традиций; в тематическом аспекте это одно из наиболее значимых в средневековой европейской литературе эсхатологических произведений.

Эсхатология – это религиозное учение о конечной судьбе мира и человека. Она делится на два больших раздела: «малая» эсхатология – учение о посмертной судьбе человеческой души, «большая», или «великая», эсхатология – учение о страшном суде и о конце света. Стоит отметить, что учение о конечной судьбе мира и человека является едва ли не одним из первых догматов христианства.

В русской письменности эсхатология представлена значительным количеством текстов, относящихся к разным жанрам: проповеди (слова, беседы), апокрифические апокалипсисы и евангелия, хождения в загробный мир, диалоги, видения и жития. Первыми сочинениями на Руси, знакомившими русского читателя с загробными путешествиями, были такие переводные памятники, как «Видение Исаяи», «Хождение Богородицы по мукам», «Житие Андрея Юродивого», также «Житие Василия Нового».

«Житие Василия Нового», написанное его учеником, монахом Григорием, отличается от других переводных житий тем, что в нем не повествуется последовательно о жизни святого с юных лет и до смерти. Здесь на первый план выходят видения, явившиеся ученику святого, Григорию.

Житие можно разделить на две части. В первой описаны посмертные мытарства души блаженной старицы Феодоры, много послужившей при жизни святому Василию, и апокалиптическое видение страшного суда, которое было явлено Григорию, когда он усомнился в истинности некоторых моментов христианского вероучения.

В первом видении Григорий, вознесшийся во сне на небо, встречает старицу Феодору, которая повествует ему о своем восхождении на небо и своих мытарствах. Во втором видении перед Григорием предстает картина второго пришествия Христа и грядущего за ним страшного суда над всем человечеством. Впо-

следствии эти видения Григория выделяются в отдельные, относительно самостоятельные фрагменты, часто переписывавшиеся в рукописях вне «Жития Василия Нового».

Как переводное житие-биография «Житие Василия Нового» имеет ряд характерных черт. В нем рассказывается об отшельничестве св. Василия, о его конфликтах с властью, о его прижизненных чудесах исцеления и провидения и т.д. Однако особенностью Жития Василия Нового является то, что данные факты биографии святого лишь обрамляют основные части «Жития», представленные видениями.

«ХОЖДЕНИЕ ФЕОДОРЫ ПО ВОЗДУШНЫМ МЫТАРСТВАМ» ИЗ «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО» В ПЕЧОРСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

А.А. Мануилова

Сыктывкарский государственный университет

Предметом нашего исследования является эсхатологическое «видение» монаха Григория, ученика св. Василия, находящееся в составе переводного «Жития Василия Нового» (далее – ЖВН), известного памятника переводной агиографии Древней Руси, в котором соединились две жанровые традиции – апокрифических видений и житийной литературы с ее устойчивыми канонами.

В ЖВН включены два «видения» Григория: в первом описаны посмертные мытарства души блаженной старицы Феодоры, много послужившей при жизни св. Василию (в рукописях оно обычно озаглавлено «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам»), во втором – явленные Григорию картины Страшного суда. Первое видение Григория более традиционно: большинство «видений» содержат описания именно мытарств отдельной человеческой души за гранью физического мира, а не глобальных событий конца мира. Именно с этого «видения» Григория мы и начали исследование ЖВН, т.к. первое «видение» Григория стало самостоятельным произведением и включалось в сборники смешанного состава.

Печорские рукописи чаще всего являются сборниками смешанного состава. «Видение» Григория дошло в 5-ти печорских списках, созданных в различные периоды XIX в. В трех из них «видение» читается в составе ЖВН: ИРЛИ УЦ 180 (XIX в., нач.), л. 12-74; ИРЛИ УЦ н. 65 (XIX в., нач.), л. 7-39; НБ СыктГУ УЦ р. 33 (XIX в., нач.), л. 10-62; один список – ИРЛИ УЦ 22 (XIX в., кон.), л. 210-221 (по старой нумерации – 215-226 об.) представляет собой самостоятельный фрагмент, включенный в состав объемистого сборника-конволюта (на 250 л.), содержащего произведения разных жанров, по большей части агиографических. Этот список представляет для нас особый интерес, т.к. он переписан, как установила Т.Ф. Волкова по почерку фрагмента, известным усть-цилемским писцом вт. полов. XIX в. И.С. Мяндиным. Сохранился еще небольшой фраг-

мент (два разрозненных листа), читающийся в составе сборника конца XVII в. ИРЛИ УЦ 11 (л. 118-119 об.).

Был проведен сравнительный анализ вышеуказанных списков «видения» Григория (за исключением последнего), а затем они были сопоставлены с более ранним его списком XVI в., опубликованным в «Библиотеке литературы Древней Руси» (Т.8. 2003 г. С. 494-524.) по списку ГИМ, Синод. собр., № 992 (л. 658-670). На основе проведенного исследования можно сделать ряд выводов, касающихся как сходства и различия печорских списков между собой, так и отличия этих списков XIX в. от раннего списка XVI в.

При сравнении списков, читающихся в составе ЖВН, выяснилось, что все они весьма близки по тексту и содержат практически один и тот же набор мотивов. Мяндинский список ИРЛИ УЦ 22 значительно отличается от остальных: количество мотивов в нем значительно сокращено, описано только первое мытарство Феодоры, остальные лишь перечислены.

Отметим характер разночтений между тремя печорскими списками, читающимися в составе ЖВН. Они, в основном, носят орфографический и грамматический характер. Например, можно отметить использование разных форм одного и того же слова или наличие в разных печорских списках различных написаний одних и тех же слов, что связано, по-видимому, с разной степенью грамотности писцов и различным опытом в переписывании древнерусских рукописных текстов.

Сопоставление печорских списков с ранним списком XVI в. показало, что списки «Видения» XIX в. отличаются в текстуальном и содержательном плане от раннего списка. Некоторые мотивы, читающиеся в раннем списке, в печорских списках отсутствуют, некоторые идентичные мотивы в печорских списках не имеют текстуального сходства с ранним списком – совпадают в них только отдельные слова или короткие фразы, которые зачастую в поздних списках читаются в ином контексте.

ПЕЧОРСКИЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ В ФОЛЬКЛОРНОМ АХРИВЕ СЫКТГУ: ИТОГИ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Е.И. Мезенцева

Сыктывкарский государственный университет

В коллекции духовных стихов Печоры в Фольклорном архиве Сыктывкарского госуниверситета около 110 единиц. Первая запись сделана в ходе полевой экспедиции в Усть-Цилемский район 1981 г., последняя на сегодня, представляющая собой переписанный от руки текст стиха «Об Алексее, человеке Божьем», была передана в дар Фольклорному архиву Матвеем Арсентьевичем Носовым из д. Коровий Ручей в июне 2012 г.

Основа коллекции – аудиозаписи, сделанные сотрудниками и студентами Сыктывкарского университета. В 80–90-е гг. исследователи в большей степени интересовались богатой эпической традицией района, обрядами, сказочной

прозой, горочными хороводами, лирическими песнями, а духовные стихи фиксировали попутно. Эти произведения, находящиеся на стыке устной и книжной культуры, заслуженного внимания удостоились лишь в двухтысячных, когда фольклористы стали даже записывать их ансамблевое исполнение.

Качество записи и художественные достоинства вариантов заметно разнятся. В коллекции есть как полноценные варианты «старших» стихов, самым популярным из которых является «Об Алексее, человеке Божьем», так и пересказы, фрагменты. В двухтысячных исполнители духовных стихов довольно часто стали обращаться к своим тетрадам, что расширило репертуар: в 2008 г., например, записан стих «О князе Владимире», прежде даже не упоминавшийся.

В 1995 г. в научный оборот были введены три варианта стиха «Об Алексее, человеке Божьем», записанные в 1981–1988 гг. Первый, исполненный М.Д. Овчинниковой из с. Усть-Цильмы, по наблюдениям авторов публикации, испытал воздействие устной поэтической традиции. Вторым (по сути, это фрагмент стиха), записанный там же, в Усть-Цильме, более близок к книжному источнику, третий – больше рассказанный, нежели спетый А.Н. Тирановой из д. Рочево – содержит некоторые подробности, которые опущены в двух других вариантах. Добавим, что первый и третий варианты нотированы.

Исследовав отличия записанных в Усть-Цилемском районе вариантов канонического стиха «Об Алексее, человеке Божьем», А.В. Панюков в 1990 г. предложил считать их «усть-цилемской версией», в которой существенно деформирован сюжет, а главный персонаж переосмыслен в условиях старообрядческой идеологии. Алексей, делает вывод исследователь, в усть-цилемской версии стиха является человеком, страдающим за веру. Это соответствовало и реальному положению самих старообрядцев, подвергнутых гонениям и несущих крест страстотерпцев.

ВИДЕНИЕ АПОСТОЛА ПАВЛА КАК ПАМЯТНИК ЭСХАТОЛОГИИ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

К.Н. Сергеева

Сыктывкарский государственный университет

Предметом нашего исследования является малоизученный памятник средневековой эсхатологии – «Видение апостола Павла». Оно относится к той разновидности эсхатологических сочинений, которые описывают духовное созерцание загробного мира разного рода визионерами.

Известно два печорских списка Видения. Один находится в составе компилятивного эсхатологического сочинения, читающегося в сборнике из собрания усть-цилемского сказителя XX в. Г.В. Вокуева. Другой создан известным печорским книжником XIX в. И.С. Мяндиным. Наличие двух печорских списков произведения и определило наше к нему обращение. В работе мы представим краткий обзор итогов изучения «Видения».

«Видение апостола Павла» привлекло внимание таких учёных XIX в., как И.Я. Порфирьев, В.А. Сахаров, Ф.Д. Батюшков, Н.С. Тихонравов и

Л.Ю. Шепелевич. В XX в. изучение его продолжили А.Л. Хосроев, А.С. Демин, В.В. Мильков и М.Г. Витковская с В.Е. Витковским. Вокуевский список «Видения» был исследован Ю.Н. Ильиной и Т.Ф. Волковой.

Одной из проблем, которую пытались разрешить ученые, обращавшиеся к этому памятнику, является его датировка. В.В. Мильков относит время появления Видения к III в. М.Г. Витковская и В.Е. Витковский указывают на конец IV в. В пользу этой гипотезы говорит сообщение издателя греческого текста Тишендорфа о том, что в правление Феодосия Великого (ум. 395 г.) и Грациана одному благочестивому человеку, жившему в Тарсе в доме апостола Павла явился ангел и открыл, что в фундаменте дома лежит шкатулка с рукописью «Видения», которая затем была отослана царю Феодосию, а тот, в свою очередь, отправил подлинник в Иерусалим. К правлению Феодосия относит время создания апокрифа и В.А. Сахаров. Вслед за исследователями мы определяем датировку Видения – IV в.

Существует также проблема атрибуции памятника. Сочинение его приписывали самому апостолу Павлу, однако В.А. Сахаров считает, что сейчас невозможно установить автора «Павлова Видения».

Другая проблема изучения Видения связана с существованием в мировой эсхатологической литературе нескольких национальных вариантов памятника – греческого, сирийского и славянского. Ученые по-разному характеризуют взаимоотношения этих вариантов. Для нас наибольший интерес представляет вопрос о происхождении славянской версии Видения. Ученые выявили ряд различий между греческим и славянским его текстами.

Изучая историю славянского текста Видения, ученые выделили три редакции памятника: пространную, озаглавленную в рукописях «Хождением апостола Павла», и две сокращенные, которые в разных сборниках именуется то «Слово о видении», то «Слово от епистолии» апостола Павла. Первая краткая редакция (далее ИК) начинается со слов «Тако глаголет...», вторая краткая редакция (далее ИК) – со слов «Сынове человечестии...». При этом могут употребляться и для той и для другой версии оба заглавия. Обе краткие редакции дошли до нас в списках XV–XVIII вв.

В пространной редакции подробно рассказывается о том, как грешные и праведные души попадают в рай и ад. ИК содержит только начальную нравоучительно-дидактическую часть Хождения, а в ИК используются обе части Хождения, но некоторые эпизоды подвергаются сокращению или вовсе опускаются, кроме того, появляются эпизоды, отсутствующие в Хождении.

При изучении списка Видения в составе компилятивного сочинения из Вокуевского сборника Ю.Н. Ильина выявила его принадлежность к ИК. Однако пока не удалось установить, какой именно список послужил источником для составителя усть-цилемской компиляции, т.к. еще не проведено полное текстологическое исследование всех редакций памятника. Поэтому перед нами стоят две задачи – определить, какой из сохранившихся списков Видения наиболее близок по тексту к списку из Вокуевского сборника и что собой представляет список Мяндина.

ТЕМА СЕМЬИ В «ЗАПИСКАХ» Е.Р. ДАШКОВОЙ

О.В. Тиукова

Сыктывкарский государственный университет

Жанр мемуаров в русской литературе к. XVIII – нач. XIX вв. близок по своей поэтике к повествовательным жанрам, прежде всего к сентиментальной повести, но имеет и свою специфику: наличие в произведении образа автора, который одновременно является и героем. Факт зарождения в недрах русской культуры мемуаров был связан с осознанием самоценности человеческой личности. Интерес к мемуарам продиктован имеющейся в них информацией, живым рассказом об ушедшей эпохе. Мемуары являются важнейшим источником сведений о духовной жизни общества, важной частью культурного наследия. Они занимают промежуточное место между художественной литературой и историческими документами. Именно мемуары характеризуют многие черты конкретных исторических личностей, государственных деятелей, которые не нашли отражения в памятниках документальной мысли, и показывают уровень исторического самосознания разных эпох.

Женские мемуары в России имеют особую историю. Появились они значительно позднее, нежели в других европейских странах. Их появление характеризуется сменой эпохи и, соответственно, сменой отношения к русской женщине. Г.Н. Моисеева указывает следующие предпосылки их появления: «Петровская эпоха принесла новое отношение к женщине. Указом Петра I женам и дочерям «из знатных домов» строго повелевалось посещать «ассамблеи» (публичные гуляния), бывать «на театрах...». Но до конца XIX в. большая часть женщин России продолжала жить по законам «Домостроя». Домашний (усадебный, семейный) быт средневековой Руси был замкнутым. Русская женщина была невольницей с самого детства. Девиц из дворянских и богатых купеческих семей до замужества вообще из дома не выпускали и не спрашивали согласия выйти замуж.

Цель данной работы – исследование семейной темы в «Записках» княгини Е.Р. Дашковой. Нами прослежена история создания «Записок», проанализированы материалы, повествующие об их главных героях: о самой княгине, о ее муже, сыне и дочери, рассуждения героини о своих обязанностях перед семьей и детьми. В качестве дополнительных источников информации о княгине Е.Р. Дашковой и о роли её «Записок» в мемуарной литературе нами используются биографические сведения о княгине в воспоминаниях современников (К. и М. Вильмонт, Г. Державина, Д. Дидро) и в исследованиях современных историков и культурологов (Л.Я. Лозинской, А.И. Герцена, В.В. Огаркова).

Исследуя историю семейной жизни Е.Р. Дашковой, мы выяснили, что самое большое внимание в «Записках» отводится освещению темы отношений матери и сына, князя Павла Михайловича, в частности его воспитанию и карьере. Материалы «Записок» свидетельствуют о том, что их автор целенаправленно создает в произведении образ идеальной матери, на практике применяющей философию Просвещения в семье и исполняющей свой долг перед обществом в деле

воспитания сына как идеального гражданина. Эпизоды с участием сына всегда литературно оформлены, написаны под воздействием сентиментальных повестей, часть эпизодов «Записок» художественно обработана в модном для начала XIX в. «чувствительном» плане. Их главными героями являются любящая мать и сын. Иными предстают отношения матери с ее дочерью, Анастасией. Образ Анастасии Щербининой в «Записках» показан лишь с одной отрицательной стороны. Княгиня Дашкова в «Записках» описывает её скандальный характер, взбалмошность и пристрастие к излишнему мотовству и распусканию различных слухов и небылиц о собственной матери. Создавая образ героини в своих мемуарах, Е.Р. Дашкова акцентирует внимание читателя на главной, по ее мнению, обязанности матери – воспитание просвещенных детей, идеальных граждан. Именно в этом и состоит, по мнению автора, долг перед семьей и государством.

СИСТЕМА ОБРАЗОВ ВИДЕНИЙ С.А. НОСОВА

А.А. Усков

Сыктывкарский государственный университет

Цель работы – анализ образной системы видений и автобиографических записок печорского старообрядческого писателя С.А. Носова (1902-1981).

Комплексного анализа образной системы произведений С.А. Носова исследователи ещё не предпринимали, имеются лишь отдельные наблюдения над некоторыми сюжетными мотивами, образами и стилем видений (М.В. Мелихов, О.Н. Спичак).

Главная причина обращения старообрядческого писателя к теме конца света и страшного суда – падение нравов современников, в своих письмах он приводит множество примеров этого: желание модно и красиво одеваться, носить наручные часы, пользоваться электроприборами, ездить на машинах и мотоциклах, есть шоколад и т.п. За каждый из этих «грехов» односельчан (а именно о них пишет С.А. Носов) ждет суровое наказание. Так, владельцы машин и механизмов сростутся с ними, любители сладкого будут поедать свои экскременты, тех, кто носил меховые воротники, будут терзать ожившие пушные звери и т.п.

Анализ видений С.А. Носова показал, что практически все сюжетообразующие мотивы видений навеяны древними эсхатологическими текстами, но они в текстах Носова перемежаются оригинальными эпизодами. Так, если образы ледяного моря и огня взяты из Апокалипсиса, то видение в электрической лампочке является оригинальным авторским изобретением.

РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ЛЕКСИКА НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ В ГОВОРАХ НИЗОВОЙ ПЕЧОРЫ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Д.А. Бердникова

Сыктывкарский государственный университет

Отдельную, значительную по количеству группу семантического поля «здоровье / болезнь» составляют в печорских говорах лексемы, связанные с номинацией воздействия одних людей на других с целью причинения вреда / оказания помощи. Такие лексемы можно разделить на три тематические группы: номинации людей, обладающих особыми знаниями; глагольные лексемы со значением ‘вредить / лечить’; номинации болезней, вызванных воздействием человека. Некоторые корни реализуют себя в лексемах всех трех тематических групп: *урочливые люди* ‘те, кто мог сглазить’, *изурочить*, *обурочить* ‘нанести вред человеку при помощи магических средств’, *урок* ‘порча’.

Общеупотребительные глаголы в говорах используются в более узком по сравнению с литературным языком значении. Так, глагол *делать* обладает предельно общей семантикой, но в говорах его значение сужается до значения ‘колдовать, ворожить’. Такое употребление глагола может являться отголоском запрета на открытые разговоры о вредоносном или спасительном воздействии на человека и на прямое называние таких действий и людей. Корень *-дел-* также регулярно используется в глаголах со значением ‘выгонять, снимать порчу’: *отделывать*. В лексеме *лиходеяник* ‘тот, кто причиняет зло’, а также в сочетании *на худое делать* ‘наводит на людей порчу’ общее значение действия конкретизируется как вредоносное.

Глагол *знать* в говорах также имеет более узкое, чем в литературном языке, значение – ‘уметь лечить’. Люди, которые могли применять особые знания, считались *знающими*. Но знаниями люди могли обладать разными: они могли *знать ерестей*, а могли быть *знающими*, *знахарями* и *знахарками*.

В печорских говорах были выявлены лексемы, которые обозначают воздействие на состояние человека не только с помощью определенных знаний и действий, но и посредством «дурного глаза». Имеются два ряда однокоренных образований: с корнем *-глаз-* (*глазика* ‘кто может сглазить’, *худой глаз*, *бесовский глаз* ‘взгляд человека, способного причинить вред’, *глаз положить*) и с корнем *-зор-* (*опризориться* ‘заболеть от воздействия дурного глаза’, *призорная трава*, *призор* ‘действие, оказываемое колдуном на человека’).

Самой многочисленной группой лексем печорских говоров, которые называют методы воздействия на человека, являются глагольные лексемы звукоизвлечения, уже – глаголы говорения. В первую очередь, это лексемы с общим

корнем *-роч-*: *урочливые люди* ‘те, кто сглазить мог’, *изурочить, урок*. Кроме того, особым звуком, который может произвести человек, является свист – резкий звук, с которым в традиционной культуре связываются представления о призыве зла, беды, нечистой силы. В печорских говорах зафиксировано выражение *засвистнуться на смерть* ‘быть заговоренным’.

Речью, произнесением разнообразных звуков можно было не только наносить вред, но и лечить людей: *заговаривать глаза, наговорная вода*. Особый интерес представляет единичная лексема *баяльник* в значении ‘знахарь’ от *баять* ‘говорить’.

Слово, как и болезнь, воспринимаются как нечто материализованное. В печорских говорах отмечены такие выражения и лексеммы – *по ветру пустить, напустить, спустить травлю*. Ветер в данных контекстах выступает как посредник передачи полезной или вредной для адресата информации.

Очевидно, что ритуальная речь имеет принципиальные отличия от разговорной речи повседневного общения. Заговорам часто предписывается произношение едва слышным шепотом: *шепушка, шептунья, шептун* ‘человек, способный лечить путём заговора’, *нашептать* ‘произнести магические заклинания с определённой целью’. Идея тайного, а потому и произносимого шепотом знания представляет собой, вероятно, современное происхождение.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЗДОРОВЬЕ – БОЛЕЗНЬ» В ПЕЧОРСКИХ ГОВОРАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Д.А. Бердникова

Сыктывкарский государственный университет

Язык – это зеркало культуры народа. Рассматривая его сквозь призму человеческого сознания, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений, можно увидеть, что было важно для людей в процессе номинации тех или иных явлений и предметов.

Лексический состав поля «здоровье / болезнь» определялся методом сплошной выборки из «Словаря русских говоров Низовой Печоры» и включает в себя около 130 лексем.

Лексеммы рассматриваемого поля могут быть разделены на два больших семантических поля – «здоровье» и «болезнь». Слов с общим значением «болезнь» зафиксировано больше, чем со значением «здоровье» (80 % и 20 % соответственно). Здоровье в традиционной культуре – ценность высшего порядка, обязательное условие жизнедеятельности. Поэтому для человека было важно описать такое физическое состояние, которое его беспокоит.

Лексеммы со значением «болезнь» организуются в 3 микрополя: первое представляет само состояние болезни; второе – болеющего человека, больного; третье – болезни человека.

1. Самым многочисленным микрополем оказывается поле «болеть». Оно включает около 50 лексем (преимущественно глагольных). Его можно условно

разделить на три подгруппы: а) болеть (*непоздоровиться, понемагивать, больнуть, худаться*); б) страдать от конкретной болезни (*затуберкулёзится, животаться, заветреть*); в) названия того, как болезнь овладевает человеком (*взять, залезть*).

2. Микрополе, лексемы которого, обозначают больного человека (*больнящий, кашлевитой*).

3. Микрополе «Название болезней, боли» включает в себя 20 существительных (*больсть, родимец, горлянка, простуга* и др.).

В последнем микрополе в отдельную группу выделяются названия повреждений тканей и органов, травм. Данная группа включает в себя 13 лексем, преимущественно глагольных (*верезжиться, натянуться* и др.).

Также в отдельную группу последнего микрополя выделяются названия болезни, являющейся результатом действий людей с «дурным глазом». Эта группа состоит из 15 лексем. Её можно разделить на три подгруппы: а) глаголы со значением «навести порчу, сглазить» (*икотить, заклинать, травить*); б) названия тех, кто может сглазить (*глазика, лиходейник*); в) названия болезней, вызванных колдовством (*травля, икота*).

Лексемы со значением «здоровье» можно организовать в 2 микрополя. Первое поле представляет собой совокупность наименований здорового, выздоровевшего человека, а второе – способов лечения.

1) Микрополе «Здоровый (выздоровевший)» состоит из 11 лексем (*могутной, справа, выправиться*).

2) Микрополе «Лечение (жизнь)» состоит из 16 существительных. Его можно разделить на две подгруппы: а) лексемы, которые обозначают того, кто лечит (*кровомёт, кура*) б) названия лекарственных растений и других средств лечения (*живица, однопуговка, деснечной, изгон-трава*).

На результате номинативного анализа семантического поля «здоровье / болезнь» в печорских говорах Республики Коми можно прийти к выводу, что состояние болезни оценивается человеком как неправильное, не позволяющее ему соответствовать своему предназначению.

Общие понятия болезни и здоровья обозначаются словами с корнями *-худ-, -мог-, -здоров-, -сад-, -бол-, -прав-*. При этом в случаях с *-худ-, -сад-, -бол-* идея «болезни человека» заключена в самом корне, а к корням *-мог- и -здоров-* присоединяется приставка *не-* со значением отрицания здоровья. А корень *-прав-* используется и в литературном языке в таких словах, как *правый, правильный*. Таким образом, лексема *здоровый* для человека была синонимична лексеме *правильный* (в физическом плане), т.е. без изъянов и физических недостатков, такой, каким должен быть человек.

Номинация болезней чаще всего является опосредованной: это может быть название части тела, которая больше всего страдала от болезни, способ передачи болезни, причина заболевания и ее симптомы. Номинация здоровья и лекарственных растений в большинстве случаев обусловлена выражениями «могу что-либо делать», «нахожусь в правильном, здоровом состоянии» и внешним видом растения или тем, от какой болезни оно помогало.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ТРИЛОГИИ Б. АКУНИНА «ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ»

А.А. Вилегжанинова

Сыктывкарский государственный университет

Особый класс собственных имен, функционирующих в художественном произведении, называется *литературные антропонимы*. Они существенно отличаются от реальных имен, т.к. имеют свою сферу бытования – художественный текст – и выполняют определенные функции, среди которых такие, как номинативная, характеризующая, символическая, стилизующая и др. Наибольший интерес представляет такая функция, как *интертекстовая*, когда имя персонажа в настоящем тексте вызывает определенные ассоциации с ранее известным лицом, приобретая, таким образом, какие-то его черты. Имя в этом случае выступает как средство своего рода игры с читателем. Такие имена в художественной ономастике принято называть *прецедентными*.

Б. Акунин в своей трилогии дает персонажам имена известных литературных героев или исторических деятелей, подчеркивая намеренный выбор имени тем, что персонажи определенным образом похожи со своими прототипами. Встречая такие имена, читатель в своем воображении воссоздает определенный образ героя, специфические, присущие ему черты и глубже воспринимает содержание произведения, цель, с которой автор использует именно этот характер. Лица, к которым отсылает нас автор, очень разнообразны. Можно обнаружить имена не только из художественных произведений, но и из фольклорных, мифологических текстов и даже библейских преданий, а также реально существовавших и оставивших свой след в истории личностей.

Это разнообразие широко представлено в трилогии Б. Акунина «Провинциальный детектив». Важно отметить тот факт, что тексты акунинских произведений, пронизанные интертекстуальностью, рассчитаны тем самым на грамотного, образованного, культурно развитого читателя, в сознании которого эти имена актуализируются и вызывают тем самым нужные ассоциации. Антропонимические единицы, носящие прецедентный характер, в тексте произведений Б.Акунина можно разделить по следующим группам:

- Имена героев и персонажей классической русской литературы (*Дон Гуан, граф Нулин, Акакий, Болконский* и др.).
- Имена героев и персонажей зарубежной классической литературы (*Принцесса Греза, Фракаас, Фауст, Чайльд-Гарольд, паж Керубино* и др.).
- Имена, известные из древнегреческой мифологии (*Артемида, Цирцея, Парис* и др.).
- Имена евангельских персонажей (*Голиаф, Господь Бог Саваоф, Иона, Антипа, Молох, Иуда* и др.).
- Имена реальных исторических деятелей (*Эварист Галуа, Михаэл Фарадей, Турпен, Талейран, Ришилье, Торквемада, Наполеон, Петр Великий, Роланд Ронсельванский, Ланселот Озерный, Александр* и др.).

Интертекстуальность имен в трилогии Б. Акунина представлена в двух видах. С одной стороны, *собственно прецедентные имена*, играющие роль прямой отсылки к известному лицу. С другой - имена, косвенно отсылающие к прототипу, так называемые *имена-аллюзии*.

Обобщив сказанное выше, можно наблюдать некоторую закономерность. Практически все литературные имена, которые использует Б. Акунин в качестве прецедентов, принадлежат произведениям XIX в. Тем самым автор воссоздает эпоху того времени в романах трилогии, используя данные антропонимические единицы. Прецедентные имена литературных персонажей выступают в романах как средство стилизации современного текста. Стоит отметить, что автор использует не редкие имена, а распространенные, узнаваемые, легко воспроизводимые читателем.

Употребление данных видов собственно прецедентных имен также помогает Б. Акунину погрузить читателя в эпоху XIX в. Упоминание данных имен героями романов дает понимание сознания человека того времени, которое связано с представлениями о Боге, почитании исторических деятелей и влиянии греческой мифологии.

Анализ собственно прецедентных имен показывает, какую многоплановую функцию они выполняют. Важно отметить, что они характеризуют не только названное им лицо, но и самого «говорящего», его интеллектуальное развитие, эмоциональное состояние либо отношение к другим персонажам. Таким образом, автор соединяется с персонажем и, как правило, становится лишь посредником, выразителем мыслей, ощущений, впечатлений героев.

Следующий тип прецедентных имен – *имена-аллюзии*, устоявшиеся в сознании людей и косвенно отсылающие к уже известным именам. Они не так многочисленны, как собственно прецедентные, но играют не менее важную роль. Важно отметить, что это не просто копирование лица, а преобразование его, придание ему новых черт, как внешних, так и внутренних.

Так, Б. Акунин в своей трилогии использует имена персонажей, уже известных нам, с тем, чтобы помочь лучше понять образы героев. Эти имена, как правило, принадлежат русской литературе. В трилогии «Провинциальный детектив» использованы такие имена, как *Герасим*, *Антон Антонович*, *Лев Николаевич*, *Колобок*. Включение имен-аллюзий представляет собой авторский прием, когда писатель использует имя известного персонажа, наделяя им одного из героев и передавая ему характерные признаки персонажей-источников.

МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ ЛЮДЕЙ СО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ)

М.А. Гранова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Данная работа посвящена рассмотрению мотивационных сфер, единицы которых служат базой для образования названий, обозначающих в русских говорах людей со сверхъестественными способностями – колдуна и знахаря. **Мате-**

риалом для исследования послужили данные «Словаря русских народных говоров» и «Словаря демонологической лексики Пермского края» (авторы-составители И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, Л.С. Нечаева).

При проведении исследования использовался метод этнолингвистической интерпретации семантических полей, предложенный Е.Л. Березович.

1. Основной сферой-донором является тематическая сфера «Человек».

1.1. Первая группа этой сферы – «Обладание сверхъестественным знанием» – включает глаголы *знать*, *ведать*, *понимать* и *обучить*. В народной культуре семантика этих лексем переосмысливается: ‘обладать какими-либо сведениями’ → ‘обладать колдовским знанием’. На базе этого значения возникают дериваты *знат*, *знакуля*, *ведьмарь*, *обученный*, *понимающий*.

1.2. Вторая группа – «Названия старых людей». Мотивационная модель здесь строится на переосмыслении семантики мотивирующих слов: *старик* → *колдун*. Старый человек имеет богатый жизненный опыт, т.е. обладает знанием, недоступным молодым людям. Поэтому слова *бабушка*, *дед*, *старик* используются как номинации колдуна.

1.3. Следующая группа мотивационной сферы «Человек» – «Чужой». В ней выделяются подгруппы «Внешний враг» и «Внутренний враг», т.е. «отличающийся от *своего* социума по какому-либо признаку».

1.3.1. Первая подгруппа включает этнонимы, лексемы, называющие носителей иной веры, и единицы, восходящие к общеславянскому корню **vorg* со значением ‘неприятель; чёрт’.

1.3.1.1. Этнонимы *калмык*, *пермяк*, *татарка*, *цыган* и др. обозначают представителей иного народа, жизнь которого малопонятна для языкового коллектива определенной местности. Следовательно, такие «иностранцы» осмысляются как колдуны.

1.3.1.2. Оппозиция «свой – чужой» применительно к иноверцам соотносится с противопоставлением «чистый – нечистый». Колдуны в народной культуре считаются представителями «чужой» веры, которая воспринимается как «нечистая», «греховная», поэтому встречаются такие номинации, как *еретик*, *еретница*.

1.3.1.3. Корень **vorg* имеет негативную коннотацию: это всегда недруг, приносящий зло. Семантика данной морфемы развивается по модели неприятель → нечистая сила → колдун. Отсюда такие номинации, как *ворог*, *вражняя*, *ворожец*.

1.3.2. Как «внутренний враг» мог восприниматься «специалист». По народным представлениями, *пастухи* знают с лешим, *мельники* – с водяным, *кузнецы* обладают властью над стихией огня. Профессиональное знание осмысляется как магическое, поэтому такие лексемы могут обозначать колдуна.

1.4. Следующая тематическая группа сферы «Человек» – «Каналы магического воздействия». Колдун влияет на человека посредством слова, взгляда, прикосновения, дыхания и др. Поэтому сакральную семантику получают глаголы *смотреть*, *видеть*, *говорить* и существительные: *взгляд*, *глаз*, *слово*. На базе этих лексем появляются номинации *закликуха*, *заговорщица*, *словесник*, *дурной глаз*.

1.5. В рамках сферы «Человек» рассмотрим «Функции колдуна». Механизмом номинации здесь является функциональный перенос, а мотивационная модель выглядит так: магическое действие → носитель такого действия. В рамках данной группы можно выделить две подгруппы.

1.5.1 Подгруппа со значением «Вред» отражает народное представление о колдуне как агрессоре. Она включает номинации *портененик, портодей, вредун, зловредный человек, едун, изъедуга*, образованные от лексем *портить, вредить*, а также *есть* в значении 'вредить, уничтожать'.

1.5.2. В подгруппу «Действия, связанные с игрой, насмешкой, шуткой» входят глаголы *шалить, улыбаться, баловаться, шутить, играть*. В мифологических текстах они могут иметь семантику 'издеваться над кем-либо при помощи колдовства'. Это значение является мотивирующим для номинаций *хитрый человек, хитрая старуха, баловница*.

2. Следующей по значимости можно назвать мотивационную сферу «Демоны». Лексемы данной группы отражают связь колдуна с нечистой силой (*чертознай, бесист*).

РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

К.А. Истомина

Сыктывкарский государственный университет

Речевые приемы являются органичным компонентом коммуникативной стратегии учителя, важным звеном его коммуникативной культуры в целом. В реализации речевых приемов важную роль играет общая эрудиция и культура учителя.

Нами было проведено наблюдение над педагогической деятельностью учителя русского языка и литературы Косныревой Татьяны Вениаминовны в средней школе «Гимназия при главе г. Сосногорска» в средних (5-8 кл.) и старших (9-10 кл.) классах. Стаж работы этого учителя – 30 лет, она является завучем по научно-методической части и классным руководителем. В 2008 г. она стала призером муниципального конкурса «Учитель года», в 2009 г. – победителем конкурса на звание лучшего учителя Российской Федерации.

Т.В. Коснырева использует различные речевые приемы для установления контакта с аудиторией и поддержания внимания класса; лучшей подачи информации; лучшего усвоения материала.

Стиль общения учителя с детьми деловой, но дружелюбный. Голос Т.В. Косныревой спокойный, но в нем чувствуется требовательность. Иногда, чтобы привлечь к себе внимание, учитель начинает говорить нарочито громко или тихо. Т.В. Коснырева непринужденно перемещается по классу, меняя дистанцию, достигает проксемического разнообразия и равенства в общении с каждым ребенком. Поза учителя открытая.

В средних и старших классах Т.В. Коснырева использует разные приемы, учитывая возраст учеников. В средней школе больший акцент делается на вни-

мание, т.к. ученики подвижные и беспокойные. Ученики любят поговорить на уроках, все время отвлекаются на одноклассников и на свои мобильные телефоны. Поэтому где-то приходится преподавателю повысить голос. В старших классах ситуация спокойнее, ученики начинают понимать, что разговаривать на уроках нельзя, что это неуважение к учителю. Они понимают, что надо внимательно слушать учителя.

Проанализировав уроки учителя Т.В. Косныревой, можно сделать вывод, что преподаватель в своей педагогической коммуникации использует не все известные приемы, но те, что использует, отражают ее индивидуальный стиль педагогического общения. Учитель полна оптимизма, ей нравится работа, она любит своих учеников так же, как ее любят они.

ПЕРСУАЗИВНОСТЬ КАК СПОСОБ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ЖЕНЩИН

А.И. Канева

Сыктывкарский государственный университет

В связи с изучением феномена речевого воздействия в современной лингвистике в научный оборот вошел термин «персуазивность» (от лат. *persuasio* — уговаривание, мнение), обозначающий квалификацию информации с точки зрения степени ее достоверности, а также характер речевого воздействия.

Приемы персуазивности как способы речевого воздействия рассмотрены на материале статей глянцевого журнала для женщин «JOY», «Glamour», «Cosmopolitan». Глянцевый журнал – это журнал, который рассчитан на определенную читательскую аудиторию и основной целью которого является формирование определенного стиля жизни у читателя. Влияние глянцевого журнала, как правило, выражается в создании красивой, «глянцевой» жизни и формировании общества потребления. Есть настоящая жизнь, а есть ее «глянцевое» отражение. При погружении в такой иллюзорный мир у читательниц происходит подмена понятий: жизненный успех заменяет успех в покупательных возможностях, а естественную красоту – красота лейблов и модных трендов.

Персуазивность является разновидностью манипулирования, противопоставляемого рациональному аргументированию, или совокупностью приемов и средств, направленных на усиление аргументов в процессе аргументирования (Е.В. Шелестюк).

Для персуазивного дискурса характерно наличие разнообразных «риторических фигур», которые влекут за собой некоторые «изменения перспективы высказывания в коммуникативной ситуации» (Н.А. Безменова). Персуазивность также обеспечивается рядом макролингвистических средств текста, прежде всего связанностью, имплицитностью и модальностью.

Персуазивность возможно рассматривать как потенциальный прагматический смысл отдельных единиц. Это означает, что существует целый ряд лингвистических явлений – и лексического, и грамматического, и стилистического

уровней языка, – обладающих сильным воздействующим потенциалом и способных выдвигать те или иные связанные с ним смыслы в центр внимания.

Необходимо подчеркнуть, что персуазивный потенциал реализуется только в условиях текстового целого, объединенного коммуникативной интенцией соблазнить, убедить, побудить адресата к принятию какого-либо решения или к какому-либо действию. Отдельно взятые языковые средства не обладают персуазивным значением. Они обладают персуазивным потенциалом, который может раскрыться в соответствии с коммуникативной интенцией, т.е. в системе текста. В своей совокупности единицы, получающие персуазивное значение, участвуют в выдвигании нужного смысла в рамках текстового целого.

Говоря о персуазивности как о ведущей коммуникативной стратегии в определенных текстах, подразумевается, что текст – это полифункциональная система. Текст не может быть связан с реализацией только одной коммуникативной функции, их в тексте, как правило, несколько. Но всегда есть общая коммуникативная стратегия, приобретающая характер первостепенной, доминирующей, подчиняющей себе формулирование сообщения в целом.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Е.В. Колисниченко

Сыктывкарский государственный университет

Изучение авторской картины мира возможно благодаря исследованию художественной картины мира писателя, создаваемой языковыми средствами, среди которых важны образно-тропеические. Они отражают авторское восприятие действительности и дают возможность, наряду с другими средствами изображения, выявить идиостилевую специфику реализации художественных идей произведения.

Как художественный прием сравнение – это сопоставление двух явлений по признаку, наиболее выражающему замысел, позицию, мироощущение автора, поскольку оно дает возможность подчеркнуть характеристику (или действие) предмета, являющуюся, с точки зрения автора, наиболее важной. Устойчивые сравнения как единицы общенационального языка дают богатую базу для исследования общенародной языковой картины мира, т.к. в ней закреплены стереотипы мышления народа, его ценности, взгляды, характерные для определенной культуры. Авторские сравнительные обороты, напротив, интересны тем, что отстранены от штампов, клише, формируются в поисках наиболее выразительной формы объективации индивидуального взгляда на мир. В связи с этим интересно провести сопоставление устойчивых и авторских сравнений в тексте М. Булгакова, чтобы выявить, какие понятия в них выступают в качестве объекта, субъекта и основания сравнения.

Анализ языкового материала (его объем составляет 134 контекста словоупотребления) позволил разделить все сравнения в романе на несколько семантических групп, в состав которых входят компаративные единицы, объекты или субъекты которых объединены общностью значения – принадлежностью к одному или похожему классу явлений.

- Проанализировав **объекты** компаративных конструкций в романе М. Булгакова, можно отметить, что в большинстве случаев в них происходит, как и в устойчивых сравнениях общенародного языка, уподобление различных субъектов сравнения животным и их свойствам (28 контекстов) (ср.: *Третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся кот, громадный, как боров, черный, как сажка или грач и с отчаянными кавалерийскими усами; Вар стал безопасен, как ягненок*). Равное по частоте количество представляют конструкции, в которых в качестве объекта сравнения выступают наименования природных явлений (17) (ср.: *Мелькнувшая, как молния, и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль*) и различных психических состояний человека (17) (ср.: *Вчера Степа, как сумасшедший, по выражению Римского, прибежал к финдиректору; боролся с собой, как безумный*). Гораздо реже уподобление субъекта сравнения человеку в романе строится на основе выделения его внешних и социальных признаков (6 контекстов); ср.: *Летящий рысью, маленький, как мальчик, темный, как мулат, командир алы что-то тонко крикнул*. Частотность обращения к названным семантическим сферам обозначения объектов в романе обусловлена, очевидно, тем, что они оказываются знакомы читателю и зрительно воспроизводимы, что служит изобразительным целям создания художественного образа и его характеристики. При этом, как показывает материал словарей устойчивых сравнений М.В. Огольцева и В.М. Мокиенко, объекты устойчивых сравнений, используемых М. Булгаковым, в ряде случаев трансформируются, конкретизируются (9 контекстов), что способствует усилению наглядности, характерности формируемого образа: *Добрые люди бросались на него, как собаки на медведя*; ср. в устойчивом сравн.: *бросаться, как собака*).

- В качестве **субъектов** сравнительных оборотов в романе чаще всего выступают обозначения внешности, поведения и состояния человека. Интересно то, что в качестве субъекта может выступать и животное, наделенное человеческими качествами (кот Бегемот), в этом случае за счет использования при формировании образа сравнения деталей внешности человека создается фантастический «портрет» персонажа (ср. в приведенном выше примере: *кот <...> с отчаянными кавалерийскими усами*). Можно видеть, что автора прежде всего интересуют в связи с жанрово-тематической спецификой романа (его называют сатирическим, историческим, философским романом) персонажи как средства художественного изображения: именно они должны быть охарактеризованы при помощи оригинальных сравнительных оборотов. При этом как субъекты сравнения в тексте выступают чаще детали внешности человека (43 единицы): *Берлиоз отчетливо разглядел, что усишки у него, как куриные перья*; гораздо реже – природные явления (5 единиц) (ср.: *И тут огонь, как будто кто-то его раздувал, столбами пошел внутрь теткиного дома*), реже – флора и фауна (4

употребления). Меньшую по частотности семантическую группу составляют сравнения, субъекты которых обозначают состояние человека (3 ед.) (ср.: *После лекарства, накопившего все его тело, успокоение пришло к нему, как волна, накрывшая его*). Преобладание в качестве субъектов сравнения портретных деталей человека связано с изобразительно-выразительной и оценочно-характеризующей функцией художественного слова в тексте. Один раз в качестве субъекта сравнения выступает персонифицированный образ луны, возникший в сознании летящей Маргариты: *Поворачивая голову вверх и влево, летящая любовалась тем, что луна несется над нею, как сумасшедшая, обратно в Москву*.

• **Основания** компаративных конструкций чаще всего выражены глаголами (52), в том числе причастиями (7) и деепричастиями (10) (в национальном языке основания сравнений чаще выражены прилагательными). Это также связано с эстетической функцией художественной речи – с изобразительным началом в повествовании, характеристикой динамичных действий и состояний: *Вчера Степа, как сумасшедший <...> прибежал к финдиректору; Постепенно к этому шуму чего-то летящего, как снаряд, присоединился слышимый на много верст женский хохот; Кот прицелился и, летая, как маятник, над головами пришедших, открыл по ним стрельбу*). Меньшую по частотности группу в тексте представляют сравнения, основания которых выражены прилагательными: *В освещенной щели занавеса предстал перед публикой полный, веселый, как дитя человек с бритым лицом*. Единичны случаи употребления в качестве основания сравнения эпитетов-наречий (3 ед.): *Марк одною левою рукой, легко, как пустой мешок, вздернул на воздух упавшего*).

Основания сравнений в тексте также можно также разделить на несколько семантических групп, объединенных общностью значения:

1) компаративные конструкции, основания которых обозначают действия объекта (32 единицы) (ср.: *Вчера Степа, как сумасшедший, по выражению Римского, прибежал к финдиректору*), в том числе мимические (– *Да, саркома, - жмурясь, как кот, повторил он*) и артикуляционные (– *Горько мне! Горько! Горько! – завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе*);

2) сравнения, в качестве оснований в которых выступают детали внешности (18 единиц); ср.: *Потом еще раз сверкнуло, и перед администратором возник второй – маленький, но с атлетическими плечами, рыжий, как огонь, один глаз с бельмом, рот с клыком*;

3) Основания, обозначающие физическое состояние объекта(14): *Белогрудый твердыми, как поручни автобуса, и столь же холодными пальцами, ничего более не говоря, сжал Аннушкино горло так, что совершенно прекратил всякий доступ воздуха в ее грудь*;

4) конструкции, основания которых передают психическое состояние персонажа (8 ед.): *<...> через день прекрасная неаполитанка <...> была свободна, как весенний ветер*.

Проведенный анализ показал, что авторские сравнительные обороты в тексте могут по составу части их компонентов совпадать с устойчивыми сравне-

ниями. В то же время в большинстве случаев, даже если субъект и объект сравнения соотносятся с общеупотребительными, что находит отражение в словарях В.М. Огольцева и В.М. Мокиенко, основания сравнений в романе при этом иные, чем в словарях (16 ед.) (ср. у М. Булгакова: *Рука ее стала удлиняться, как резиновая и покрылась трупной зеленью*. В приведенном примере сравнительный оборот соотносится с устойчивым выражением *шея вытягивается как резиновая*. В словаре В.М. Огольцева выделяются только следующие основания подобных сравнений: «*растягиваться, вытягиваться, сжиматься*». Ср. также: *В освещенной щели занавеса предстал перед публикой полный, веселый как дитя человек с бритым лицом*. В приведенном примере основание сравнения *веселый* иное, чем в устойчивых сравнительных оборотах (по словарю В.М. Мокиенко): *беззащитный, беспечный, наивный, плакать* и др. *как дитя*. Ср. также следующее сравнение из текста Булгакова: *Кровь фонтанами из разорванных артерий на шее ударила вверх и залила фрак*, которое соотносится с устойчивыми выражениями *бить, брызгать, течь, бить, вздыматься фонтаном*. В качестве оснований в таких оборотах в названных словарях приводятся только приведенные глаголы. Такие индивидуальные трансформации лексического состава сравнения передают как оригинальный авторский взгляд на мир, так и наличие у сравнения в художественном тексте романа особых изобразительных и образно-эстетических функций.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОРНЕВОЙ ГРУППЫ -ЗЕЛ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О.С. Конакова

Сыктывкарский государственный университет

Понимание процессов, протекающих в лексике современного русского языка, невозможно без знания истории развития слов. С течением времени усложнялась понятийная сфера русского языка, лексические единицы, объединенные происхождением, называя все новые явления, постепенно теряли семантические и производные связи, и потому в современном русском языке можно обнаружить слова, хоть и находящиеся в этимологическом родстве, но уже образующие самостоятельные словообразовательные гнезда. Одним из таких исторических корнесловов является корнеслов -зел-, давший довольно большое количество производных в русском языке, многие из которых образовали свои словообразовательные гнезда.

В русском языке этимологически связаны с общеславянским корнем *zel- следующие слова: *зеленый, зелье, злак, золото, зола, желтый, желчь, голубой* и их производные.

Общеславянский корень *zel- восходит к индоевропейскому корню *ghel-, который, по словам О.Н. Трубачева, имел значение 'блестеть'. М.М. Маковский у и.-е. корня *ghel- (от которого образованы нем. gold, рус. золото, польск. zloto, латыш. Zelts и др.) усматривает значение 'гореть, блестеть, сиять'.

М.А. Суворцова утверждает, что «индоевропейский корень *g'hel-, *g'hol- имел два значения 'блестеть, сверкать' и 'быть зеленым, быть желтым'. П.Я. Черных, ссылаясь на Ю. Покорного, считает, что *g'hel- / *g'hol- имел значения 'блестеть, лосниться' и образовывал цветочные прилагательные со значением 'желтый', 'зеленый', 'синий', 'серый'.

Корнеслов *-зел-* в русском языке обладал широким кругом значений. Кроме общеславянского значения 'цвет молодой травы', корень-*зел-* мог также означать: 'бледный (преимущественно о человеке)'; 'сероватый, серый (о цвете стали, пороха)'; 'мутный, непроглядный (о чаде, о мути в глазах, о плохо очищенной водке или о плохом вине, о мраке)'. Старорусское *зелье* в XVI-XVII вв. еще употреблялось в значении 'порох'. Интересно в этой связи происхождение слова *зеленый* в сочетании *зеленый конь / лошадь*, которое в морском жаргоне обозначает 'старый опытный моряк'. Этот фразеологизм возник из древнего славянского выражения «конь зелен», где слово *зеленый* имело значение 'сероватобелый, седой'.

В современном русском языке *зеленый* в основном значении обозначает 'имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между желтым и голубым; цвета травы, зелени'.

В истории образования этого цветочного прилагательного наблюдался семантический процесс – от обозначения предмета к обозначению качества (ср.: *зелье* 'трава', *зеленый* 'цвет травы'). В древнерусском языке *зелье* и *злак* имеют общее значение 'трава, злак; травянистые растения, идущие в пищу'.

Со временем в семантической структуре слова *зеленый* произошла перестройка: первичное значение слова 'относящийся к зели, траве' было оттеснено цветочным значением. В современных словарях значение 'цвет спектра' занимает позицию первого лексико-семантического варианта и потому воспринимается как основной вариант, а остальные значения 'сделанный на основе растительности, имеющей зеленый цвет' (*зеленые щи*) и 'молодой, неопытный' воспринимаются как метонимическое и метафорическое производные.

Цветочные ассоциации в свою очередь способствуют образованию переносных значений. *Зеленый* ассоциируется с 'растительный, живой, лесной, древесный'. Цвет как бы символизирует одно из характерных свойств растительного мира. В метафоре *зеленый друг* (лес) прозрачна связь со значением 'растительный, древесный'. *Зеленый* в значении 'молодой' возникло в результате метафорического переноса из семантической сферы «растение» в семантическую сферу «человек». Основанием для этого переноса послужила ассоциация по состоянию развития: *зеленый* – 'молодой, неопытный': незрелые плоды ассоциируются с незрелыми для взрослой жизни людьми.

Итак, начиная с древности происходит семантическое расширение и усложнение значений слов с корнем *-зел-*. Это происходит за счет образования ассоциативных связей между предметами окружающего мира и их признаками.

ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

А.Ю. Красикова

Вологодский государственный педагогический университет

Выбор прилагательных, характеризующих интеллект, для исследования объясняется разными причинами. Во-первых, тем, что эта часть лексики относится к одной из наиболее важных в словарном составе и представляет собой уникальную по своему объему и составу, представленную во всех формах существования русского языка, отличающуюся высокой экспрессивностью, содержащую большой процент образных слов, сохраняющую количественное преимущество за словами с «живой» мотивацией и потому представляющую собой «идеальный» материал для когнитивной интерпретации» лексико-семантическую группу. Во-вторых, данная группа лексики на материале русского языка XVIII в. остается малоисследованной, хотя языковое проявление интеллектуальных способностей человека неоднократно становилось объектом изучения. Семантические, прагматические, мотивационные, аксиологические и прочие аспекты лингвистического анализа лексики поля «Интеллектуальная деятельность человека» так или иначе затрагивались в трудах И.М. Кобозевой, М.Л. Ковшовой, Л.Е. Кругликовой, Л.Б. В. Айрапетяна, Ю.Д. Апресяна, Т.В. Бахваловой, О.Ю. Богуславской, Т.И. Вендиной, Т.М. Ворониной, В.Г. Гака, М.К. Голованивской, О.П. Ермаковой, А.А. Зализняк, Л.А. Ивашко, В.И. Карасика, С.Е. Никитиной, В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной, М.Э. Рут, Е.В. Урысон и др.

Материал для данного исследования отбирался методом сплошной выборки из Словаря русского языка XVIII века.

Прилагательные, характеризующие интеллектуальные свойства и состояния, делятся на несколько лексических групп.

- Группа «наличие – отсутствие ума». Среди всех прилагательных данной темы выделяются два слова, которые образуют ядро группы: *умный* и *глупый*. Вокруг этих слов группируются остальные слова, значение которых может быть осложнено следующими компонентами: ‘степень проявления признака’ (например, *безмозглый* = «глупый» + степень ума (очень)); ‘особенности поведения’ (ср. *толковый*, *разумный*, *несмышлёный*); ‘скорость мыслительной деятельности’ (*несообразительный*, *непонятливый*, *сметливый*, *смекалистый*); ‘проницательность’ (ср. *вещий*). Толкование ряда слов, находящихся на периферии данной лексико-семантической группы, сопровождается стилистическими пометами (ср. *смышлёный*, *смекалистый*, *вещий*, *премудрый*, *мозговитый* и др.).

- Группа «наличие – отсутствие грамотности». В этой группе также выделяются два центральных слова: *грамотный* – *неграмотный*. Кроме общего семантического признака, выделяются дифференциальные признаки: ‘объем информации’, ‘область знания’ (Ср. *ученый*).

- Прилагательные, обозначающие разные формы проявления сознания. Данную группу образуют прилагательные, выражающие:

- интеллектуальное состояние, которое не является патологическим (*отупелый*, *ошалелый*, *чумовой*, *обалделый*);

- болезненное состояние психики (*сумасшедший*, *бешеный*, *бесноватый*).

Некоторые прилагательные развивают оба этих значения. Ср. *безумный* 'безрассудный, поступающий вопреки здравому смыслу и сумасшедший, ума-лишённый' [Сл. XVIII, вып. 1, с. 188]. Почти все слова данной группы являются стилистически отмеченными.

Анализ прилагательных, характеризующих интеллект, позволил выделить следующие особенности данной лексико-семантической группы:

1) структура лексического значения «интеллектуальных прилагательных» не всегда содержит только один общий семантический признак, а может быть осложнена другими смысловыми оттенками;

2) благодаря наличию такой иерархической организации значений в рассматриваемой группе активны силы семантического притяжения и отталкивания, а также высока способность развития переносных (метафорических) значений;

3) имеющиеся в русском языке средства вербальной репрезентации позволяют представить феномен «интеллект» как градуированную категорию.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТАФОРЫ ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

И.Н. Латкина

Сыктывкарский государственный университет

В метафоре видят ключ к пониманию основ мышления и процессов создания универсальных образов мира. А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич отмечают, что «метафора – это когнитивное явление, инструмент познания действительности, средство организации опыта взаимодействия человека с внешним миром». Языковая метафора имеет системный характер, она объективна, выполняет коммуникативную функцию, «анонимна», реализуется в минимальном контексте и воспроизводима. Художественная метафора, напротив, бессистемна, субъективна, выполняет эстетическую функцию, сохраняет «авторство», закреплена за контекстом, уникальна и невоспроизводима. Оценить художественную ценность, выразительность метафоры на основе ее осознанного восприятия помогает работа с образцами художественной литературы. Творчество того или иного автора нередко определяется через характерные для него метафоры. В связи с этим интересно выявить в тексте романа И.С. Тургенева индивидуальные метафоры и их роль в выражении авторской картины мира.

В романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» были выявлены метафоры, характеризующие внутренний мир человека (169 единиц). Все выявленные метафоры развиваются на базе различных частей речи, таким образом, их можно охарактеризовать с точки зрения лексико-грамматического подхода с целью выявления их структурной специфики, а также особенностей их семантики в данном романе.

1. **Субстантивные** метафорические производные составляют значительную группу в романе, например: [Слова Аркадия] *Эге, ге!.. – подумал про себя Ар-*

кадий, и тут только открылась ему на миг вся бездонная пропасть базаровского самолюбия. В приведенном контексте актуализируется образная двуплановость метафоры пропасть самолюбия за счет того, что используется конкретизирующее определение бездонный (в значении ‘чрезвычайно глубокий, беспредельный’).

2. Обширную по частотности группу метафорических производных составляют **глагольные** метафоры; ср.: [Слова Базарова] *А кто ее знает! Вишь, как она [Одинцова] себя заморозила!* - возразил Базаров и, помолчав немного, прибавил: - Герцогиня, владетельная особа. Ей бы только шлейф сзади носить да корону на голове. По данным БАС, глагол заморозить имеет, помимо прямого значения ‘подвергать действию сильного холода; охлаждая, приводить в твердое состояние’, устойчивое переносное значение ‘лишать непринужденности, естественности в поведении; сковывать’ (IV, 682). Однако данный глагол используется в языке XIX в. только в следующих устойчивых метафорических сочетаниях: заморозить холодом кого-то, замораживаемый кем-то (чем-то). Метафора же заморозить себя в романе оказывается образной характеристикой внутреннего состояния самой героини. Семантическая двуплановость данной метафоры актуализируется и под влиянием оценочных определений Базарова: герцогиня, владетельная особа.

3. Третью группу в романе составляют **адъективные** метафорические производные; ср.: *Все ее [Одинцовой] поведение представляло ряд несообразностей[...]* она уже не смеялась и не шутила с тем, кого избирала[...]*и глядела на него с недоумением. Иногда это недоумение переходило в холодный ужас; лицо ее принимало выражение мертвенное и дикое*. В данном контексте прилагательное холодный имеет не только переносное значение ‘связанный с чувством внутреннего или душевного холода; вызывающий это чувство’ (Т. XVII, с. 353), но и содержит дополнительный аксиологически окрашенный признак ‘зловещий’.

Также И.С. Тургенев для создания яркого образа внутреннего состояния человека использует прием, при котором метафора поддерживается другими фигурами речи. Ср.: [Слова Базарова] *Видишь ли, человеку иногда полезно взять себя за хохол да выдернуть себя вон, как редьку из гряды[...]* Но мне захотелось взглянуть еще раз на то, с чем я расстался, на ту грядку, где я сидел. Для создания целостного образа состояния сознания героя здесь используется сочетание двух метафор: глагольной выдернуть себя вон и субстантивной грядка, где я сидел. Таким образом, неожиданное метафорическое употребление слова грядка подготавливается используемым в контексте метафоры выдернуть себя вон сравнительным оборотом как редьку из гряды.

Как показал анализ материала, для создания образа внутреннего мира человека И.С. Тургенев формирует метафоры по следующим моделям семантических переносов: ‘физическое явление – психическое явление’, ‘предмет – психическое явление’, ‘животное – психическое явление’. Рассмотрим эти примеры:

1. **Физическое явление – психическое явление:** *Но ей [Одинцовой] жилось легко[...]. Радужные краски загорались иногда и у ней перед глазами, но она отдыхала, когда они угасали, и не жалела о них*. Образное употребление слово-

сочетания *краски загорались*, называющего природное световое явление, становится средством характеристики душевного состояния героини. Метафора способствует созданию образной параллели между физическим процессом (движение стихий), и психическим (душевное спокойствие).

2. **Предмет – психическое явление:** *Появление пошлости бывает часто полезно в жизни: оно ослабляет слишком высоко настроенные струны, отрезвляет самоуверенные или самозабывчивые чувства.* При характеристике состояния персонажей их самоуверенные и самозабывчивые чувства отождествляются с высоко настроенными струнами и наделяются способностью 'настраиваться'. Формируется образ напряженной обстановки между героями, взволнованного состояния сердец героев.

3. **Животное – психическое явление:** [Базаров] [...] и эта божья коровка, Николай Петрович.

Таким образом, среди метафорических производных, представленных в тексте романа, можно выделить следующие лексико-грамматические группы: именные субстантивные, глагольные и адъективные метафоры. В некоторых случаях для создания яркого, неповторимого образа внутреннего мира героев могут сочетаться разные метафорические структуры (субстантивная и глагольная). Кроме того, с целью конкретизации образной семантики метафоры или включения в ее содержание оценочных элементов, метафоре может сопутствовать образное сравнение или фразеологическое сочетание. Итак, через метафорическое значение слов и словосочетаний И.С. Тургенев усиливает зримость и наглядность изображаемого предмета, передает неповторимость и индивидуальность явлений, помогает понять внутреннее и душевное состояние героев.

ДИАЛЕКТНЫЕ ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ НИЗОВОЙ ПЕЧОРЬ»)

Е.А. Логинова

Сыктывкарский государственный университет

Изучение говоров, в частности фразеологии, помогает глубже осознать богатство русского языка. В настоящее время уровень развития русской фразеологии как научной лингвистической дисциплины очень высок: увидели свет разнообразные типы словарей, появился особый раздел фразеологии – фразеография, фразеологические единицы из разных сфер русского национального языка изучаются в разных аспектах. Имеются и разделы, научно описывающие фразеологический спектр территориальных диалектов, – диалектная фразеология и диалектная фразеография.

Усть-Цилемский район Республики Коми, включающий селения по нижнему течению Печоры и ее притокам – Пижме и Цильме, считается одним из уникальных центров языковой культуры на Русском Севере. Старинные фразеологические обороты встречаются как в устной речи, так и во многих печорских сборниках. Среди них большой интерес вызывают многочисленные тавтологи-

ческие конструкции, зафиксированные в «Словаре русских говоров Низовой Печоры»: они отличаются особой выразительностью и могут быть различными по структуре.

Самую представительную группу составляют такие устойчивые обороты, которые включают в свою структуру глагол и зависимое от него однокоренное наречие с суффиксом **-ом (-ем)**. В большинстве своем такие обороты обозначают физическое состояние человека (ср.: *ломом ломить* ‘о сильной боли в костях и суставах’ [1, с. 390], *нонем нить* ‘о сильной ноющей боли’ [1, с. 481], *ползунком ползать* ‘с трудом ходить’ [2, с. 90] и др.), однако возможно обозначение такими фразеологизмами и активного действия (ср.: *лезом лезть* ‘гуртом идти, проникать в неположенное место’ [1, с. 380], *поливом поливать* ‘обливать, окатывать (водой)’ [2, с. 90] и др.).

Также весьма многочисленными являются обороты, которые построены по модели «переходный глагол + существительное в форме вин. падежа». Чаще всего они относятся к речевому процессу (ср.: *боронить борону* ‘говорить вздор, болтать’ [1, с. 39], *говорию говорить* ‘разговаривать, беседовать’ [1, с. 139], *отговоры отговаривать* ‘произносить слова молитвы’ [1, с. 538], *плакать плаксы* ‘причитать’ [2, с. 43] и др.), а также к процессу труда (ср.: *битеу бить* ‘хлопотать, беспокоиться; мучиться’ [1, с. 33], *возку возить* ‘заниматься извозом’ [1, с. 81-82], *работу обробить* ‘закончить какие-нибудь работы’ [1, с. 498], *творог творожить* ‘делать творог’ [2, с. 341] и др.).

Следующая группа устойчивых выражений представляет собой степени качества наречий, образованные путем повторения основы с добавлением ударной приставки **на-**, например: *баско-набаско* ‘удачно, хорошо’ [1, с. 21], *близко-наблизко* ‘очень близко, вплотную’ [1, с. 436], *круто-накруто* ‘в короткий промежуток времени’ [1, с. 355] и др. К ним примыкают прилагательные, образованные аналогичным способом – путем повторения исходной основы, однако в этом случае приставка **на-** может быть как ударной, так и безударной, например: *наубел белой* ‘весь белый, совершенно белый’ [1, с. 465], *наусед седой* ‘совершенно седой’ [1, с. 465], *начужо чужой* ‘совершенно чужой’ [1, с. 468] и др.

Еще одну большую группу можно сформировать из устойчивых оборотов, в которых одно из двух существительных повторяется в форме творительного падежа, ср.: *воин воином* ‘о бойком, энергичном человеке’ [1, с. 82], *лодки лодками* ‘в большом количестве, очень много’ [1, с. 390], *муха мухой (пить)* ‘очень охотно, с готовностью’ [1, с. 432] и др.

В отдельную группу можно объединить фразеологизмы, включающие в свой состав сравнительные обороты с союзом **как**, например: *катиться как каток* ‘идти быстро, мелкими шажками (о полном невысоком человеке)’ [1, с. 307], *как киса раскиснуть* ‘стать грузным, неповоротливым’ [1, с. 311], *токовать как токари* ‘собираться вместе, танцевать, веселиться (о молодёжи)’ [2, с. 352].

В заключение можно сказать, что тавтологические конструкции представляют собой довольно распространенное явление в изучаемых говорах. Помимо названных выше пяти групп тавтологических оборотов, в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» обнаруживаются и другие, которые по модели образо-

вания не могут быть объединены с какими-либо иными устойчивыми выражениями, например: *говорить по говорёному* ‘повторять сказанное кем-н.’ [1, с. 138], *в охват не хватает* ‘не обхватить руками’ [1, с. 549], *ни вести, ни навести* ‘нет никаких известий, сведений’ [2, с. 3] и др. Возможно, аналогичные обороты зафиксированы в других лексикографических источниках, и тогда дополнительный фактический материал даст возможность сделать новые обобщения.

КОЛОРАТИВЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ: ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ И СЕМАНТИКИ

М.В. Мальцева

Сыктывкарский государственный университет

Колоративы, или имена цвета, изучаются с давних времен исследователями различных областей науки. Ежегодно количество публикаций, посвященных изучению цвета, измеряется десятками. Такой интерес обусловлен важной значимостью категории цвета в жизни человека.

Предметом исследования стали диалектные цветообозначения, выраженные разными частями речи, преимущественно прилагательными, выражающими «цветовую» семантику. Материалом послужили лексемы, зафиксированные в Словаре русских народных говоров, Архангельском областном словаре, Псковском областном словаре, Словаре пермских говоров, Ярославском областном словаре, Словаре вологодских говоров и в других диалектных словарях.

Ономазиологический анализ диалектной лексики позволил выявить так называемые «донорские» сферы в мотивационных процессах диалектных цветообозначений. В качестве предметов-эталонов выступили следующие категории явлений.

1. Неживая природа: *нёбовый, облакитовый, лунёвый, огневой, огняной, беловойдой, песовый, глинистый, снеговой, дымовитый, букселей, золотниковый, серебряный* и др.

2. Флора: *пырейный, муравый, муравлиный, травчатый, озимной, калтушечный, еловый, брусвяный, журавинный, калинный, рябинистый* и др.

3. Фауна: *лисой, селезневый, голубанный* и др.

4. Продукты питания (напитки): *мучной, сметанный, винновой, кофейнёвский* и др.

5. Продукты человеческой деятельности: *печинный, бумажный, полотняной, плисовый, кумакный, кретоновый, буксиновый, куксиновый, калевый, маренный, кубовастый, синелевый, котленный* и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что в диалектном цветообразовании реализуется мотивационная модель, которую можно назвать отпредметной. Словообразование идет по пути развития цветового значения у относительных прилагательных: предмет → относящийся к предмету → цвет предмета → цвет другого любого предмета. В данном случае можно говорить о прямой соотнесенности предмета и цвета.

Кроме того, в русских говорах обнаруживаются колоративы, где связь с предметом-эталоном цвета может быть выражена не прямо, а опосредованно. Тогда реализуется следующая мотивационная модель в процессе номинации: предмет → свойство предмета → цвет предмета → цвет другого любого предмета. Так, например, в говорах вербализируется связь между красным цветом и огнем, желтым цветом и солнцем: *жарковый, жаркой, жаркий, желтогорячий*, где в номинацию положен признак высокой температуры.

Таким образом, анализ номинации цвета в говорах показал, что колоративы образуются преимущественно от названий предметов-прототипов цвета. Отпредметные прилагательные в говорах имеют разную степень развития отвлеченного «цветового» значения, отличаются большей или меньшей степенью валентности, разными словообразовательными способностями. Одни прилагательные постепенно утрачивают связь с предметом-эталоном, другие определяют его, сохраняя свойства относительных прилагательных. Колоративы такого типа в русских говорах характеризуются конкретностью цветовой семантики.

В отличие от них названия базовых цветов, таких как *красный, синий, зеленый* и др., являющиеся общенародными названиями, в говорах имеют широкое диффузное значение, обширную сочетаемость и реализуют ту или иную сему в разных употреблениях в зависимости от контекста. Для них характерно сохранение архаических исконных оттенков значения, а также выраженная эмоционально-экспрессивная коннотация. Так, например, в говорах *красный* до сих пор означает 'красивый, прекрасный, превосходный, лучший'. В диалектных словарях зафиксированы и такие значения: 'здоровый, крепкий; полный сил; способный, искусный'. Прилагательное *красный* встречается в сочетаниях: *красные годы* 'лучшие годы'; *красная изба* 'хороший большой дом'; 'лучшая, прибранная часть дома, выходящая окнами на солнечную сторону'. Таким образом, слово *красный* в говорах используется для определения лучших качеств и имеет ярко выраженную положительную коннотацию.

Еще одной выразительной чертой семантики слов, называющих базовые цвета, является «хроматическая размытость». В отличие от конкретных колоративов, соотносящих цвет с определенным и понятным для народного сознания предметом, цветообозначения, которые появились в русском языке еще в древности и сейчас уже утратили внутреннюю форму, обнаруживают в русских говорах широкий спектр цветовых значений. Так, например, прилагательное *красенький* имеет значение 'желтый'. В свою очередь, *желтый* может использоваться для обозначения красного цвета: *желтоватый* 'красноватого оттенка'; *желтый* 'серовато- или зеленовато-желтый'; 'рыжий', 'изжелта-красный'; 'лишенный естественный красок'; 'коричневый'; 'русый', 'светло-русый'; *синий* 'зеленый'; 'черный'; 'серый' и т.д.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА С ДОМИНАНТОЙ 'ГОВОРИТЬ' В ГОВОРЕ С. ЛОЙМЫ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Е.А. Нерадовская
Сыктывкарский государственный университет

Синонимические отношения в говорах не имеют исчерпывающего изучения. К диалектной синонимии обращались в свое время Л.А. Ивашко, Л.И. Баранникова, Н.И. Толстой и др. На настоящий момент нет единого определения диалектного синонима. Под диалектным синонимом понимаются слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или в территориально близких говорах. Здесь надо обратить внимание на уточнение – «в одном говоре или в территориально близких говорах». Вследствие этого так называемая «междиалектная синонимия» представляет собой искусственное образование, не отражающее ни функциональные особенности синонимически близких лексем, ни системного характера словарного состава говора

По наблюдениям исследователей, специфика диалектной синонимии заключается в отсутствии ограничений нормативного плана на процессы словообразования. В связи с этим названия предмета, явления или действия оказываются ничем не ограниченными, в ряде случаев ситуативными, что и приводит к широкому развитию синонимии. Одно из основных отличий диалектов от литературного языка состоит в том, что большую группу в них составляют абсолютные синонимы, т.е. слова, совершенно не различающиеся ни оттенками значений, ни стилистическим характером. Это связано с ситуативностью употребления слов-синонимов и, как следствие, относительной недолговечностью лексем в словарном составе говора. Исходя из сказанного, можно сформулировать актуальность предпринятого исследования. Нами был рассмотрен синонимический ряд глаголов с общим значением 'говорить' в говоре с. Лоймы Республики Коми.

На основе сплошной выборки из картотеки говора с. Лоймы, хранящейся в Научно-образовательном центре «Духовная культура европейского севера России», было выявлено 36 глагольных лексем с общим значением 'говорить'. Все они находятся в синонимических отношениях и образуют синонимический ряд. В качестве доминант ряда можно назвать глаголы *баять* и *говорить*, семантика которых является наиболее общей и емкой, в них выражена смысловая основа ряда. В лоемском говоре эти глаголы являются абсолютными синонимами, т.к. не обнаруживают ни стилистических, ни семантических различий.

Синонимический ряд является своеобразной микросистемой, демонстрирующей все грани одного и того же понятия. Лексические единицы ряда, как было установлено в результате наблюдения, находятся либо в отношениях тождества, либо в отношениях близости значений. Следовательно, мы можем разделить все лексеммы ряда на подгруппы в зависимости от того признака, кото-

рый их различает. Внутри подгруппы единицы представляют собой абсолютные синонимы. Таких подгрупп оказалось шесть.

Первая подгруппа самая многочисленная, сюда входят слова с семантическим оттенком 'говорить о чём-то неважном'. Это такие слова, как *балякать*, *балясничать*, *трёкать*, *илёпать*, *брякать*, *ляпать* и др. В эту же группу входят и устойчивые выражения *робить языком* и *молоть околесну*.

Вторая группа – слова с семантическим оттенком 'говорить о чем-то неважном продолжительное время'. Это такие слова, как *колоколять*, *долдонить*, *тарабарить*, *боронить* и др.

Третью группу составляют слова с семантическим оттенком 'говорить невнятно'. Сюда мы отнесли слова *бармолить*, *мургать*, *бекать*.

В четвертую группу мы внесли слова с семантическим оттенком 'говорить с плаксивой интонацией'. Это слова *мявгать* и *пикать*.

Пятую группу составляют слова с оттенком значения 'говорить громко, кричать', это лексемы *ухать* и *гаркать*.

Наконец, в шестую группу мы отнесли слова с семантическим оттенком 'говорить о ком-то плохо, с осуждением'. Это лексические единицы *нахаивать* и *хулить*.

Таким образом, можно отметить, что синонимический ряд с доминантой 'говорить' включает в себя лексемы, лексическое значение которых совпадает в родовом понятии, но различается такими семантическими оттенками, которые можно условно объединить, назвав «характер речи – невнятно, громко, с плаксивой интонацией, продолжительно», а также «функция речи – о чем-то незначительном, неважном и с осуждением».

Каждую из подгрупп составляют абсолютные синонимы, или синонимы-дублиеты. Тут надо заметить следующее. Если в литературном языке синонимы-дублиеты имеют тенденцию к исчезновению, то в говорах они наоборот широко используются. Скорее всего, это связано с тем, что в ряде случаев абсолютными синонимы можно назвать только условно. В ряде случаев слова, являющиеся семантически и стилистически тождественными, различаются внутренней формой, т.е. образом, формирующим представление о понятии. А если учесть, что в народной речи, по наблюдениям лингвистов-диалектологов, отмечается повышенное внимание к внутренней форме, то становится ясно, что понятие «семантическая тождественность» оказывается условным. Это можно показать на примере синонимов *мургать* и *бекать*. Совпадая семантически и стилистически, они отличаются мотивационно. *Мургать* в Лойме, кроме значения 'говорить невнятно', имеет значение 'о кошке: издавать негромкие, урчащие звуки', *бекать* – 'блеять'. Это значит, что в сознании говорящего возникают разные образы, связанные с характером речи. Невнятность речи и в том, и в другом случае обнаруживает разную природу: *мургать* – говорить, скорее всего, тихо, бормоча, а *бекать* – говорить монотонно или запинаясь. Это показывает, что семантическая разработка единиц синонимического ряда требует обращения к мотивационной базе входящих в него единиц.

Итак, рассмотрев лоемские глагольные синонимы с доминантой ‘говорить’, можно сказать, что они составляют большой синонимический ряд, куда входят единицы, разные по своей структуре – и отдельные лексемы, и устойчивые выражения. Внутри ряда обнаруживаются микроряды с различительными признаками ‘характер речи’ и ‘функция речи’. Микроряды образуют синонимы, внутренняя форма которых не позволяет говорить об абсолютном тождестве их семантики.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СВАДЕБНОЙ ОБРЯДОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ГОВОРЕ С. ЛОЙМЫ: МЕТАЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

Е.В. Ногина

Сыктывкарский государственный университет

Изучение народной духовной культуры посредством этнолингвистических методов является одним из актуальных направлений в современной лингвистике. Часто исследования проводятся на материале обрядовой терминологии, поскольку она выявляет связь между рядом терминов и рядом этнографических элементов. В данном исследовании мы обратились к названиям фольклорных текстов, вербальных формул и действий по их воспроизведению, т.е. к метаязыку фольклора.

Обряд является формой диалога с «чужим» миром, цель которого – установление порядка в «своем». Для этого используются различные коды, в том числе и вербальные. В этом случае семантика обрядового термина исполнительства предикативна, она является сжатым «сценарием» обрядового события. Это определяет внутреннюю форму лексемы и проявляется в семантике корня и префиксальных морфем, которые зачастую конкретизируют значение глагольного действия.

Среди лоемских терминов нами были выделены следующие группы названий обрядовых текстов и их исполнения: 1) термины-названия фольклорных жанров: *басенка*, *присказка*, *молитва* в значении ‘приговор дружки’, *причет*, *плаканье*, *жалищная песня* в значении ‘причитание’, *припевка* в значении ‘величальная песня’; 2) термины-названия обрядовых действий: *прикорить* - ‘исполнить песню с хулой невесты’, *хвалить* - ‘исполнять величальную песню’, *выплакивать деньги*, *выревливать*, *выпевать* - ‘исполнять величальные песни для получения вознаграждения’, *отпеть* - ‘восстановить песней репутацию невесты’, *отговориться* - ‘произносить приговор перед дверью дома невесты’, *плакать*, *приплакивать*, *наплакивать*, *отчитывать*, *читать*, *причитать*, *напевать*, *пропеть* в значении ‘исполнять причитания’, *припевать* - ‘величать гостей’ и др.

Названия жанра приговора дружки в лоемском говоре отражают изменение функции этого жанра в свадьбе. Скорее всего, более древним надо считать термин *молитва*. Название *молитва*, очевидно, пришло из книжной христианской культуры со значением ‘сакральный текст’. Дружка, действительно, произносил тексты с магическим смыслом. Постепенное забвение магических функций действий дружки на свадьбе привело к появлению других терминов, внутренняя форма которых отражает новые функции свадебного персонажа. Название *басен-*

ка сформировалось в силу характера произносимых дружкой текстов, ведь он был главным лицом на свадьбе, управлял ходом ритуала и развлекал гостей.

Причёты, девичьи причёты – песни, которые исполняют невесты во время плаканья. Тон *причётов*, как правило, грустный, даже мрачный. Важно помнить, что такая песенная форма, как *причёт*, встречается также в похоронном обряде. Когда человек умирает, он уходит в чужой мир. Главная героиня свадебного обряда также символически умирает. Этот уход из мира девичества и оплакивают подружки. Именно поэтому тексты причётов невесты и похоронных причётов часто перекликаются. В терминах *плаканье, плаканишная песня* отражается семантика обрядовой ситуации: эти тексты исполняли на *плаканиях (девичниках)*. Целью *жалищной/жалосливой песни* было выражение сожаления, желание вызвать сострадание у слушателей к исполнительнице, которой тяжело покидать родной дом.

Обращают на себя внимание префиксальные образования, т.к. в ряде случаев концептуальную семантику в значении термина выражают именно префиксы. В лоемском говоре такими значимыми морфемами являются префиксы **вы-, на-, от-, при-**. Наиболее активными в метаязыке фольклора можно назвать морфемы со значением ‘присоединение’ (*припеть, приговорить, приревливать, приплакивать*), ‘движение по кругу с выделением одного из множества’ (*опевать*), ‘движение, направленное вовне, за пределы’ (*выревливать, высказывать, выпричитывать; отчитать, отпевать, отговорить*), ‘активное воздействие на объект’ (*наговорить, начитывать, наплакивать*). Значения этих префиксов вполне соотносимы с концептуальной семантикой обряда.

Итак, лоемские термины, называющие метаязык фольклора, характеризуются ясной внутренней формой и мотивированностью обрядовой ситуацией. Во внутренней форме лоемских терминов явно выражается не столько символическая функция действия, сколько эмоциональная составляющая обрядового элемента. Характерной чертой является выделение двух групп по принципу главного смыслового форманта: в первой значение заключено в корне, а во второй – в префиксальных морфемах. Исследование народной терминологии исполнительства позволяет выявить характер отношения в традиционной культуре к роли речи и речевых произведений в обрядовой ситуации.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛЬТ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «ГОРОД» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

М.Н. Портей

Сыктывкарский государственный университет

Изучение национально-культурной специфики языкового сознания и изучение содержания образов сознания является одной из актуальных проблем в отечественной психолингвистике.

Актуальность исследования определяется тем, что категорию пространства относят к числу базовых категорий, т.к. человек не мыслит себя вне простран-

ства и пространство вне себя. Более того, человек осознает и осваивает окружающее пространство через призму самого себя, т.е. через свое тело и его движения, свое сознание и культуру.

Свободный ассоциативный эксперимент позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и воспроизведения речевых конструкций. Ассоциации являются эффективным способом изучения содержания сознания. Одним из оригинальных методов анализа ассоциативных полей является метод «семантического гештальта», предложенный Ю.Н. Карауловым.

Семантический гештальт ассоциативного поля является одним из способов представления знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей данного языка.

Для анализа ассоциативного поля «ГОРОД» был использован метод построения «семантического гештальта», где мы, вслед за Ю.Н. Карауловым, выделяем следующие семантические зоны:

- ЧТО – предмет, ассоциируемый со словом-стимулом, предметные составляющие города: *улица, площадь, метро*;
- КАКОЙ – включает постоянные (интегральные) признаки, рассматриваемые с позиции стороннего наблюдателя, официально характеризует город вообще: *огромный, большой, маленький*;
- КАКОВ – оценочные характеристики города «изнутри», (дифференциальные признаки), в рамках шкалы «хороший – плохой»: *родной, любимый*;
- ЭТО – квазидефинитивные конструкции, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связки: город – это *большая деревня*;
- ДЕЛАТЬ – действие, ассоциируемое со словом-стимулом город: *строится, жил*;
- ГДЕ – место, где расположен город: *в Крыму, на Волге*.

Каждая зона является характеристикой некоторого существенного признака города, из совокупности которых и складывается интенционал данного стимула, обобщенный образ частицы мира, стоящий за данным словом.

Таким образом, анализ по данным РАС показал, что образ города в русском языковом сознании может характеризоваться следующими свойствами: он *большой и красивый*; он, как и конкретные его воплощения (*Москва, Челябинск* и др.), сопоставлен с *деревней и селом*; он наполнен *жизнью, людьми, домами и машинами*; одновременно он *грязный, серый, шумный* и определенным образом ориентирован в географическом пространстве (*в Крыму, на Волге, на Неве*).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Э.А. Степура

Сыктывкарский государственный университет

Освоение заимствованной лексики – это сложный, неоднородный, многоступенчатый процесс. Крайне редко иностранное слово в заимствующем языке продолжает функционировать в том виде, в котором пришло из языка-источника. Семантическое освоение заимствованной лексики – это наиболее важный уровень освоения: в его результате заимствованное слово входит в систему понятий языка-преемника.

Представим основные семантические процессы, произошедшие с тюркизмами в русском языке, на материале одной группы – номинации человека. Из всего объема тюркских заимствований в этимологическом словаре М. Фасмера таких лексем 140.

Очевидна тенденция к уменьшению количества тюркизмов, прижившихся в русском языке – языке-преемнике. Часть из дошедших до наших дней слов можно отнести к экзотизмам (напр. *акын* ‘народный поэт-импровизатор и певец у казахов, киргизов’). Они не изменили на протяжении истории русского языка своего значения, таких лексических единиц 72 (напр. *кодаш* ‘товарищ’, *маскал* ‘насмешник’).

Можно отметить целый ряд тюркизмов, которые пережили семантическое изменение – сужение или расширение семантического объема слова.

Лексема, постепенно осваиваясь языком-преемником, нередко теряет одно или несколько своих первоначальных значений. Из всего исследуемого материала выявлен только один случай сужения значения семантического объема лексической единицы. Слово *духанщик* зафиксировано в этимологическом словаре в двух значениях – ‘трактирщик’ и ‘рыболовный откупщик’, со временем второе значение было утрачено.

Расширение значения, напротив, подразумевает под собой увеличение семантического объема слова в процессе исторического развития: словом *наян* называли наглеца, нахала, однако в XIX веке оно развивает еще одно значение – ‘изъян, убыток’.

Отметим, что новое, приобретенное в системе русского языка значение слова, как правило, является переносным, образовавшимся в результате ассоциации по сходству или по смежности. Так, слово *бабай* ‘дед, старик’ позднее стало употребляться в значении ‘детское пугало’. Подобный процесс расширения семантического объема пережили 27 тюркизмов со значением лица.

Сопутствующим расширению значения процессом может стать появление в значении эмоционально-экспрессивной коннотации, в частности оценки (напр. *карамазый* первоначально означало ‘смуглый’, позднее появилось еще и значение ‘черномазый, чернявый’ с негативной оценкой).

К семантическим процессам, которые могут переживать в языке-преемнике заимствования, относятся также специализация и генерализация значений. Пример

генерализации, движения от частного значения к более общему можно увидеть, например, в слове *шубаш*: первоначальным его значением было ‘начальник полиции’, позднее так стали называть любое должностное лицо в Турции. Специализация – это обратный процесс, движение от общего к частному: слово *байгуш* означало ‘бедняк, нищий’, а в XIX веке – уже только ‘обнищавший киргиз’.

ГЛАГОЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Сукачева

Сыктывкарский государственный университет

Синонимия – явление, характерное для всех основных единиц языка. При-
сутствует синонимия и фразеологизмам.

Семантический анализ глагольных фразеологических единиц позволил выявить следующие синонимические ряды: 1) ряд с общим значением ‘движение’: *выводить вензеля, выделявать колена, выкидывать кренделя* ‘лихо отплясывать’; 2) ряд с общим значением ‘говорение’: *перемывать косточки, чесать языки, надувать в уши* ‘распускать слухи’; 3) ряд с общим значением ‘физическое действие’: *гнуть спину, мозолить руки, тянуть ляжку* ‘выполнять тяжелую работу’; 4) ряд с общим значением ‘выражение чувств’: *лить слезы, разводиться сырость, реветь белугой* ‘плакать’; 5) ряд с общим значением ‘умственная деятельность’: *намотать на ус, завязать узелок, зарубить на носу* ‘крепко запомнить’; 6) ряд с общим значением ‘социальная перспектива человека’: *выйти в люди, подняться в гору, вылезти из грязи да в князи* ‘добиться высокого положения’; 7) ряд с общим значением ‘поведение’: *запускать руку, класть себе в карман, прибираться к рукам* ‘самовольно присваивать’; 8) ряд с общим значением ‘выражение отношения к кому-либо’: *вставлять палки в колеса, подставлять ножку, перебежать дорогу* ‘умышленно создавать помехи’.

Структурная характеристика глагольных фразеологизмов-синонимов позволяет построить ряды одноструктурных и сходноструктурных синонимов. К одноструктурным синонимам будут относиться, например, фразеологические единицы, которые состоят из глагола и зависимого от него существительного в Вин. п., сопровождаемого прилагательным (местоимением), ср.: *отправиться на тот свет, уйти в иной мир, переселиться в лучшую жизнь* ‘умереть’; или из глагола и зависимого от него существительного в Тв. п., ср.: *выступить гоголем, фертом глядеть, ходить козырем* ‘иметь бравый вид’ и др. К сходноструктурным синонимам отнесем, например, фразеологические единицы, которые состоят из глаголов и зависимых от них существительных в разных падежах, ср.: *родиться под счастливой звездой, родиться в сорочке* ‘быть удачливым’; *смотреть чужими глазами, петь с чужого голоса, под чужую дудку дудеть* ‘быть несамостоятельным’ и мн. др.

Итак, в современном русском литературном языке наблюдается значительное семантическое и структурное разнообразие глагольных фразеологизмов,

вступающих в синонимические отношения друг с другом. При этом очевидно, что все синонимические ряды дают характеристику действий, осуществляемых человеком. Глагольные фразеологизмы, обозначающие действия неодушевленных предметов, в синонимических связях в русском языке не участвуют.

ДЕЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ В КОРНЕВОЙ ГРУППЕ -ЛЕП-

Е.И. Чазова

Сыктывкарский государственный университет

В процессе развития языка нередко случается так, что слово теряет родственные связи с однокоренными словами. Оно становится этимологически изолированным. Это явление в языкознании называется деэтимологизацией слова.

Известно несколько причин разрыва этимологических связей: исторические звуковые изменения, смена словообразовательных моделей, морфологические преобразования слова. Причиной деэтимологизации может быть утрата и выпадение из словообразовательной цепочки производящей основы. Кроме того, к деэтимологизации приводит семантическое развитие слова: развитие метафорических и метонимических значений, уточнение отдельных семантических признаков и т.д.

В данной работе дан анализ группы лексем с корнем *-леп-* в истории русского языка. Сюда исторически входят такие слова, как *лепить*, *лепешка*, *великолепный*, *нелепый*, *слепой*, *липнуть*, *липа*, *льнуть* и их производные. Корневая группа *-леп-* оказывается в истории русского языка весьма обширной и разветвленной, что позволяет предположить, что понятие являлось важным в системе представлений русского человека. Это делает обращение к изучению данной группы слов актуальным.

Рассмотрев корневую группу *-леп-* в истории русского языка, можно выявить несколько причин деэтимологизации входящих в нее единиц – фонетическую, грамматическую и семантическую. Все эти причины являются взаимообусловленными и поддерживают друг друга.

Гласная в корне *-леп-* этимологически является напряженным звуком переднего ряда верхнее-среднего подъема с и-образным оттенком. Вследствие этого позиции в слове – ударное и безударное положение – обусловили разную реализацию звука. Под ударением звук верхнего подъема – И (*липа*, *липнути*), в безударном положении – Е (*лепиту*). Кроме того, исторически в этом корне наблюдалось качественно-количественное чередование с редуцированным переднего ряда (*льпети*, *льпнути*). В производной *льпнути* после падения редуцированных произошло упрощение группы согласных, и звук [п] исчез – появилось слово *льнуть*.

Фонетическое чередование в корне е//и, кроме того, явилось выразителем не только семантических различий, но и грамматического значения. Глагольные формы с корнем *-леп-* выражали действие, направленное на объект. Они и в современном русском языке образуют группу переходных глаголов (*лепить что-то*). Глагольные формы с вариантом корня *-лип-* выражали действие субъекта,

они являются непереходными (*липнуть к чему-либо*). Таким образом, грамматическое значение также стало причиной постепенного размежевания производных с этим корнем в русском языке.

Фонетические и грамматические условия деэтимологизации в корневой группе -леп- были поддержаны и семантическим развитием производных.

По предположению В.Н. Топорова, первоначально корень -леп- (**leip*) связывался со значением 'мазать, намазывать, возможно, жиром'. То есть можно предположить, что *лепить* – это первоначально 'прижимать что-то к чему-то, приклеивая, присоединяя'. Соответственно, *липнуть* – это 'прижиматься, присоединяться, приклеиваться'. В Словаре XI-XVII вв. фиксируется слово *леп* в значении 'клей'. Группа производных с корнем -лип- и в современном русском языке выражает эту идею. Дерево липа так названо из-за свойств выделяемого им сока – липкого, клейкого. Это значение имеет и слово *льнуть*, т.е. 'прижиматься, приставать, приклеиваться'.

Слова с корнем -леп- в истории русского языка имели семантическое развитие, существенно изменив исходную семантику лексем. В Словаре XI-XVII вв. зафиксированы слова *лепити* в значении 'склеивать', *лепитель* 'птицелов, человек, который ловит птиц на липкую приманку'. Затем слово *лепить* в истории языка стало развивать значение 'располагать, устанавливая положение, прикрепив объект к чему-либо', а затем появилось и значение 'придавать форму' (напр., *лепить что-то из глины*). Так появилось слово *лепешка* – предмет, полученный путем лепки из вязкого материала. В словаре XI-XVII вв. фиксируется слово *лепкий* в значении 'липкий, вязкий'.

Одно из ранних производных с корнем -леп- – слово *слепой*. Первоначальное значение этого слова 'такой, у кого замазаны, залеплены глаза'. Эта версия происхождения слова *слепой* подтверждается русскими народными верованиями, согласно которым тот, кто ест слишком много масла или меда, может ослепнуть (у него *слипнутся* глаза). Значение лексем '*лепить*' и '*слепой*' семантически разошлись, *s- стало восприниматься как часть корня, и в слове произошло опрощение основы.

Еще одна группа слов, семантически оторвавшихся от производящего слова. Это прилагательные *нелепый* и *великолепный*. Деэтимологизация этих слов произошла по причине выпадения из словообразовательной цепи производящей основы *лепый*. От прилагательного *лепый* с помощью отрицательной приставки *не-* было образовано слово *нелепый*, которое исходно означало 'некрасивый, негодный'. Слово *великолепный* в русский язык было заимствовано из старославянского языка, испытавшего влияние греческого языка, которому характерны такие сложные слова. Слово *великолепный* употреблялось в значении 'очень достойный, отличный'. На значение превосходности указывал корень -*велик-*, имевший такое значение в славянских языках.

Итак, рассмотрев лексем с корнем -леп-, можно прийти к выводу, что причины деэтимологизации в данной корневой группе были различны. Это и фонетические преобразования слова, и грамматическая конкретизация вариантов корней, и семантическое развитие производных, и утрата одного из звеньев словообразовательной цепи.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ГОВОРЕ С. ЛОЙМЫ ПРИЛУЗСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КОМИ

А.Ф. Чужмарова

Сыктывкарский государственный университет

Как отмечается в современных диалектологических исследованиях, семантика диалектного слова отличается от семантики слова в литературном языке особенностями своей организации как с точки зрения семантической структуры слова в целом, так и с точки зрения структуры отдельного значения. Исследователями (О.В. Загорской, Т.С. Коготковой и др.) неоднократно отмечалось, что характерными чертами семантики диалектного слова являются *конкретизация (или детализация)* денотативного компонента значения и *диффузность* семантической структуры.

Конкретизация денотативного компонента значения слова происходит за счет включения в него большого числа дифференциальных сем. В качестве примеров можно привести следующие лоемские глаголы: *кумыльнуться* 'упасть, воткнувшись во что-либо', *насолониться* 'наестся соленой пищи', *мижурить* 'напряженно, с усилием разглядывать что-либо при плохом освещении, щурясь'. Большую лексико-семантическую разработку с конкретизацией денотативного компонента в говоре с. Лоймы имеют глаголы с общим значением 'ловить рыбу': в семантике глагола отражен характер и способ ловли (*багрить, обушить, бродить, бухать, удить, сачить*).

В лоемских глаголах отмечается конкретизация денотативного компонента значения за счет оживления внутренней формы, в этом случае лексическое значение диалектных глаголов становится образным. В качестве примеров можно привести следующие лоемские глаголы: *мясничать* 'резать скот, разделявать мясо', *фигурять* 'красоваться, щеголевато выхаживать', *выщелкивать* 'говорить красиво, складно', *окрупениться* 'попробовать что-либо из еды, взять немного' и т.д. Эти и подобные примеры позволяют говорить о стремлении носителей говора к конкретизации, детализации наименований жизненно важных реалий (бытовых, природных, производственно-промысловых), а также об их образном мышлении.

Диффузность семантической структуры представляет собой расплывчатость границ между лексико-семантическими вариантами в структуре диалектной лексемы: они взаимно проникают друг в друга, и их трудно расчленивать на самостоятельные значения. Причиной появления диффузности является, по мнению таких ученых, как Ф.П. Сороколетов, О.Д. Кузнецова, О.И. Блинова, К.И. Демидова и др., устная форма бытования диалектного слова, повышенная эмоциональность и экспрессивность речи, преобладание эмоционально-оценочного содержания над предметно-логическим. В качестве примеров можно привести следующие лоемские глаголы с диффузным значением: *охобачивать (окобачивать)* – для обозначения любого энергичного, стремительного действия; *петать* – для обозначения перемещения с приложением усилия; *шаперить* – для обозначения медленного, тщательного, кропотливого действия; *барабать (га-*

рабать) – для обозначения любого действия руками; глаголы *устосовать* и *испокастить* связаны с порчей чего-либо, *верёскать* (*вирёхать*) – с любым громким звуком; *гоношиться*, *полохаться*, *шарашиться* обозначают любое бесцельное передвижение, возню; глагол *шаять* используется для обозначения любого очень медленного, практически незаметного действия и т.д. Данные слова с широким диффузным значением имеют обширную сочетаемость и реализуют ту или иную сему в разных употреблениях в зависимости от контекста.

Одним из наиболее ярких примеров является корнеслов *пазгать*, семантическая структура производных от которого может быть охарактеризована как диффузная. Данное слово в говоре с. Лоймы употребляется в значениях ‘косить’ *Ты чё, колды успел сэстолько напазгать, спать ли чё не ложился?*; ‘бить’ *Гляди, вдругорядь не послушайся – отпазгаю вичой как следует*; ‘резать’ *Кумакала-кумекала, чо с платьём-то делать – взяла да и отпазгнула подол-от*; ‘курить’ *А ещё и пазгат, больной весь, а пазгат*. Можно заметить, что глагол *пазгать* имеет крайне обобщенную денотативную семантику – ‘движение’, но обладает ярко выраженной экспрессивной семой ‘быстро, резко, энергично’. Границы лексико-семантических вариантов данного глагола достаточно размыты, неопределенны, не обнаруживается и строгая синтагматическая валентность, закреплённость за определенным контекстом употребления, вследствие чего глагол *пазгать* можно употребить по отношению к любому действию, которое характеризуется резкостью и скоростью исполнения.

Кроме того, проведенный анализ показал, что в семантической структуре слов обнаруживается разная степень диффузности. В структуре некоторых глаголов просматриваются отношения производности, например: *барабать* употребляется в значениях ‘производить действие руками, трогать, щупать’ и ‘присваивать’, которое можно охарактеризовать как семантически производное.

Таким образом, многим лексемам лоемского говора свойственна диффузность семантической структуры слова. Большое количество компонентов смысла, реализующихся в различных ситуациях речи, приводит к тому, что слова становятся «всезначащими».

ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ИМЕННЫХ ЖАРГОНИЗМАХ

И.И. Яконаева

Сыктывкарский государственный университет

Языковая игра – это особый вид речетворческой семиотической деятельности. Это всегда некоторая неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим. Для языковой игры используются ресурсы всех языковых уровней, однако далеко не в равной степени. Такие языковые уровни, как фонетика, морфология, словообразование используются в языковой игре гораздо реже, чем единицы уровня лексического – неисчерпаемого для языковой игры арсенала.

Остановимся на приемах, с помощью которых языковая игра реализуется на фонетическом уровне.

1. Игра звуков, созвучие (*огрызок* ‘певица Жанна Агузарова’), *барбариска* ‘прозвище учительницы с отчеством Борисовна’).

2. Акронимия – особая разновидность аббревиации, при которой слова образуются соединением начальных букв (звуков) слов, входящих в исходное словосочетание (*хлеб* ‘Хранить Любовь Единственную Буду’), *шампанское* ‘Шутка, А Может, Просто Адская Насмешка, Скажи, Как Оценить Ее’). Отдельную группу составляют иноязычные аббревиатуры, обыгрываемые по созвучию: звуки, из которых состоят иноязычные слова, выстраиваются в слова русского ряда (*оспа* ‘рок-группа W.A.S.P’, *вобла* ‘программа VLB’, *мультик* ‘редактор Multi Edit’).

3. Отсечение или прибавление определенной части слова, в результате чего актуализируется другая, существующая в русском языке лексема, но относящаяся совершенно к иной, далекой от исходной сфере (*консерва* ‘консерватория’, *фен* ‘фенобарбитал’, *глюкоза* ‘программа, в которой много ошибок – «глюков»’), *фикус* ‘навязчивая идея, идея-фикс’). Объединяющим приведенные два способа игры со звуковым составом примером являются случаи, когда в рамках одного слова реализуются оба явления: усечение и наращение (*магнитик* ‘магнитофон’, *контрабас* ‘контрабандный товар’).

Не меньший интерес представляют примеры языковой игры, когда происходит переосмысление словообразовательной структуры именного жаргонизма и новое, жаргонное содержание слова приводится в соответствие с вновь осмысленной формой. Например, слово *голень* имеет в жаргоне значение ‘порнография’. В литературном языке в значении ‘часть тела’ корень этого слова равен его основе – *голень*, в жаргоне членение слова иное: корень *-гол-* и суффикс *-ень*. Сюда же можно отнести лексему *голубика* в значении ‘площадь у Большого театра в Москве, место встреч гомосексуалистов’).

Наибольшим разнообразием приемов языковой игры отличается лексический уровень.

1. Продуктивным способом образования именных жаргонизмов является перенос названия с одного предмета на другой по сходству внешнего признака (*бизон* ‘большой, сильный человек’, *устрица* ‘хитрый, осторожный человек’). По какому-либо внешнему сходству может сравниваться предмет с другим предметом (*рюкзак* ‘горб’, *калькулятор* ‘голова, мозг’) или предмет сравнивается с человеком (*кран* ‘молодой человек высокого роста’, *мотыга* ‘высокая, долговязая, неловкая девушка’).

2. Частым способом образования именных жаргонизмов является способ, когда из ряда слов одной и той же семантической группы вместо одного как бы случайно выбирают другое слово, которое развивает метафорическое значение (*юрта* ‘дом, квартира’, *норка* ‘дом, квартира’, *берлога* ‘квартира, комната’); названия образовательных учреждений, где одни получают высокий статус, вместо должного низший (*институт* ‘исправительно-трудовое учреждение’, *училище* ‘воровская школа, обучение подростков опытными ворами’), а другие, где

более низкий статус заменяется высоким (*колледж* ‘институт’). Отмечены примеры именных жаргонизмов, где видовое название используется вместо родового (*чешки* ‘любая обувь’), *карета* ‘любая автомашина’).

3. В именных жаргонизмах используется также такой прием, когда целое называется через его часть (*паспорт* ‘лицо’) или когда предмет обозначается через материал (*сукно* ‘зимняя теплая солдатская рубашка’).

4. Бывают случаи, когда именные жаргонизмы называют лицо через предмет, смежный с их профессией. Регулярным этот прием является, например, в названиях школьных учителей (*масштаб* ‘учитель географии’, *амеба* ‘учительница зоологии и биологии’, *пестик* ‘учитель биологии’).

Оценивая направления экспрессивности, которые актуализируются приемами языковой игры, в качестве ведущего нужно отметить тенденцию к снижению, когда объекты в жаргоне преимущественно номинируются «сверху вниз», например, от человека к животному или к предмету. На эту же идею снижения образа работает неожиданность и парадоксальность сопоставляемых в жаргоне явлений действительности.

ФИННО-УГОРСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ПРОТОСЮЖЕТ И МИФОТЕКТОНИКА ПОВЕСТИ ВАСИЛИЯ ЮХНИНА «ОГНЕННОЕ БОЛОТО»

О.Н. Баженова

Сыктывкарский государственный университет

Внутреннее противоречие повести В.В. Юхнина «Огненное болото» обусловлено несоответствием ментальной установки автора его душевному строю, чутью художника. Конечно, это противоречие свойственно не только конкретному тексту – оно присуще самой жизни. Но в произведении, независимо от воли художника, этот трудно выражаемый конфликт материализуется.

Пафос научного объяснения мира (т.е. его «умерщвления с целью анатомирования»), продиктованный автору «сверху» и поддерживаемый им сознательно, не может отравить живого мифопоэтического мировосприятия, присущего автору на подсознательном уровне, не может изменить «генетику» произведения – систему архетипов повести и её протосюжет, т.е. мифотектонику [2].

Несмотря на то, что повесть направлена на развенчивание «дедовских сказок», она латентно утверждает торжество мифа. Ведь исходная форма сюжетной организации повести «Огненное болото» – волшебная сказка, в основе которой обряд инициации. Древние обряды посвящения осуществлялись, как известно, по модели мифа об умирающем и воскресающем божестве. Эта модель, по мнению В.И. Тюпы, образует протосюжет большинства литературных произведений. Исследователь называет 4 фазы протосюжета: «обособление», «новое партнерство», «лиминальная фаза испытания смертью» и «фаза преображения» [2: 39]. «Обособление» героев – их самостоятельная охота в лесу, «новое партнерство» – знакомство девятиклассников с внутренним миром друг друга. Через «лиминальную» фазу проходит лишь один из героев – Митя Кушманов, т.к. его ровесник Сеня предстает в повести как наставник Мити, «мудрый старец». Митя переживает символическую смерть, когда обнаруживает, что промочил спички, которые он тайком взял у Сени, и боится рассказать другу о своей вине. Фазу «преображения» Митя проходит, когда преодолевает страх обнаружить собственную вину.

Обряд инициации можно рассматривать как символический путь возврата Мити не только к среде охотников, но и к самому себе, отрекшемуся от ложного эго. Образом Митиной «лиминальной» фазы становится образ Огненного болота. Болото в мифологии коми – символ изначального хаоса в космогонических мифах («земли и неба не было, а было болото и на нем кочки...») [1: 258]. «Болото выступает зримой метафорой изначальной нерасчлененности воды и земли, так же как мифологический «мрак» символизирует изначальную нерасчлененность света и тьмы...» [1: 258]. Нерасчлененность света и тьмы – это ме-

тафора душевного смятения Мити: «Митя Кушманов так и не смог заснуть. Его терзало новое чувство, тяжкая мысль о самом себе: «А ведь до сих пор я не знал, что я трус» [3: 55]. Временную аморфность Митиной воли символизирует и неисправный компас, стрелка которого мечется от одного полюса к другому. Душевная борьба Мити словно проецируется на рубку мальчиком кряжа для нодьи: «Митя уже разрубил кряж... «Надо поступить так, как поступил бы Сергей Тюленин», – решил Митя...» [3: 75].

Стихию болота дополняет ещё одна, очистительная, стихия – огонь. Несмотря на то, что болотный огонь профанируется Сениными познаниями в географии, несмотря на то, что он, может быть, и будет исследован прагматичными геологами, но сущность огня останется тайной для людей, гордых в своем самоутверждении.

Пафос научного объяснения мира, присущий Сене, не может искоренить в нем подлинного знания об огне как очистительной и скрепляющей силе, переводящей сущность или вещество в новое качество. В минуту вдохновения Сеня хочет написать стихотворение о дружбе с Митей: «В борьбе и труде достигнутая дружба похожа на твердый сплав. А-а! «Как твердый сплав». Подходящее сравнение!» [3: 72].

В перспективе дальнейшего анализа повести может быть рассмотрение архетипов, присущих не только коми традиционной культуре, но и советской эпохе. Например, образ Молодой гвардии – это модификация архетипа жертвы, образ идеального общества – вариант архетипа мандалы. Тогда можно будет выйти на уровень конструктивного единства тез и антитез, найти живые нити вечности даже в обесцвеченном идеологией мире.

Примечания

1. Мифология коми. Сыктывкар, 1999.
2. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: уч. пособие. М., 2009.
3. Юхнин В.В. Биа нюр: повесът. Сыктывкар, 2007.

ЕДИНСТВО МАКРО- И МИКРОКОСМА В ЛИРИКЕ ЕВГЕНИЯ КОЗЛОВА

О.Н. Баженова

Сыктывкарский государственный университет

Коми поэзию 90-х гг. XX в. отличает стремление поэтов обратиться к сокровенным глубинам человеческой души, чтобы найти в ней живые истоки бытия и противопоставить их внешнему, утратившему истинные ценности миру. В стихотворениях Е. Козлова в созидании духовного космоса лирического героя участвуют только «тихие и светлые» стороны действительности. Этот внутренний «космогенезис» души героя можно представить через язык образов цикла «Ме кыла музыка» («Я слышу музыку» – здесь и далее перевод мой. – О. Б.). Все внешние явления в лирическом сюжете стихотворения словно проверяются на соответствие той «музыкальной волне», которая исходит из открытого серд-

ца лирического героя, и, если вступают с ней в резонанс, то «принимаются» лирическим героем и приобретают живую силу созидать его внутренний духовный мир. Этим отчасти объясняется и завораживающая музыкальность стихотворений Е. Козлова. Такой способ взаимодействия макро- и микрокосма ярче всего проявляется в сборнике Е. Козлова «Узъѳом войяс» («Бессонные ночи») (1994).

«Идеальные» явления внешнего мира словно упорядочивают смятенный мир переживаний лирического героя. В стихотворении «Где-то на берегу светло-синего озера...» таким гармонизирующим «центром мироздания» выступает ключевой образ березки, окруженной другими образами-картинами идеального места (*далеко от шумных городов; на берегу светло-синего озера; ромашковая поляна; слышится радостное эхо от зари до зари; легкий ветерок застывает, замороженный красотой*): «Когда мне бывает очень тяжело на душе, Когда мне нужен добрый совет, Я прихожу к этой березке, Как брат к сестре. С ней мы смотримся в озера, Слушаем звуки природы, В сердце всё успокаивается, Исчезает куда-то печаль». Примечательно, что в начале стихотворения разворачивалась картина одного озера, а после «сотворения микрокосма души» лирический герой словно приподымается над этим миром и окидывает взглядом множество озер.

Лирический герой в поэзии Е. Козлова не стремится преобразовать мир: он старается найти с ним контакт. Если этот контакт найден, то, по словам поэта, «в открытое моё сердце проникают разговоры насекомых и животных», лирический герой становится способным перемещаться в любую точку времени и пространства («Летит, летит мой конь, Как будто догоняет время... Как будто улыбаются мне прадеды прадедов...»).

Но не всегда в лирике Е. Козлова звучат подобные мажорные ноты. Чаще всего именно страдание обостряет чувство связи макро- и микрокосма. При этом в стихотворениях Е. Козлова грань, разделяющая описание человека и описание природы, полностью стирается; ср.: «В глаза твои я посмотрел, Увидел – в них бушует осень. Небо в облаках, потемнело, Что когда-то цвело – завяло. На щеке твоей блеснула слеза, Как будто горькая капля дождя». Времена года сливаются с временами человеческой жизни, причем нарушение связи между временами года (ср.: «Помнишь весну? – я спросил. Уходя, вздохнула: – Нет!...») влечет за собой не только разрыв между настоящим и прошлым, но и между лирическим героем и героиней. Нераздельность портрета и пейзажа в стихотворениях наблюдается тогда, когда описываются глаза возлюбленной лирического героя; так, «очи» становятся как бы окнами, открывающими внутренний «пейзаж души» человека.

Таким образом, образное единство макро- и микрокосма в поэзии Е. Козлова обусловлено глубинным устремлением лирического героя организовать собственный внутренний мир в гармонии с идеальным миром природы. Свободное взаимопроникновение этих миров не только «окрыляет» лирического героя, но и служит ему своеобразной психологической защитой при чувстве отчаяния и боли от потери душевной связи с лирическим адресатом.

АЛЕКСАНДРА МИШАРИНА ТВОРЧЕСТВОЫН РАДЕЙТЧӨМ

И.В. Готвянская

Сыктывкарский государственный университет

Радейтчөм – тайö муывывса став войтыр литератураын куслытөм темаяс пиысь öти. Тайö сэтшөм сьöлөмкылөм, кодi вермө восьтны мортыслысь дзебасын олысь кылөмъяс: и медся бур, югид, сöстөм, и медся лёк, шог.

Быд гижысь аслыспөлөса висьтавліс муслуна сьöлөмкылөмъяс йылысь, пыртліс ассьыс серпасаланногъяс. Коми поэзияын радейтчөм тема вылө гижөма уна мича кывбур, и быдөнлөн налөн тöдчö аслыспөлöслун.

А. П. Мишарина лирикаын муслун тема сөвмө и паськалө öнiя кадöдз. Аслас радейтчөм йылысь гижыс зэв уна кывбур, кодъясöс вöлі йöзöдöма «Тэ менам – кок ув му», «Войвыв дзоридз», «Коми муöй сьöлөмшөрöй» кывбур чукөрьясын.

А. Мишариналысь муслунсö позьö сикасавны некымын классификация серти, тайö и мам дорö радейтчөм, челядь дорö радейтчөм, чужан му дорö радейтчөм, öтка радейтчөм

Кывбурьяс зэв озырöсь метафораөн, мичкывйөн, орччөдөмөн, кодъяс пыр А. Мишарина стöча, ясыда да кужөмөн восьтö аслас сьöлөмкылөмъяс йылысь. Кывбурьяс видлалөм бöрын позьö шуны, мый тшöкыда ассьыс муслунсö нывбаба восьтö татшөм образьяс, пертасьяс пыр кыз, пуяс: пелысь, коз, пожөм; ывласа явлениеяс пыр: кодзув, колип, вой тöv, шондi; ывласа кад пыр: гожөм, тулыс; абстрактной вежөртасьяс пыр: память, вежөр. И тай став образыс зэв аслыспөлөс, кодъяс петкөдлөны и радлун, и дой, и шог, и каитчөм, и лача кутөм. На пыр и вöсьö ыджыд муслуныс А.П. Мишариналөн.

«КОМИ МУ» ГАЗЕТЫН ЗАИМСТВУЙТӨМ КЫВЪЯСӨН ВÖДИТЧӨМ

Е.В. Кожевина

Сыктывкарский государственный университет

Газетын тшöкыда вөдитчöны рочысь да роч пыр мукöд кывйысь пырөм кывьясөн. Бокысь босьтөм кыввор тшöкыджыка пырö кывйö олөмын гырысь вермөмъяскöд тшöтш. Татшөм кывьясыс колöны олөмын артмысь выль понятиеяс, предметьяс нимтөм могысь.

«Коми му» газет лист бокьяс вылын паныдасьяс бокысь босьтөм кыввор овлө уна сикаса. Öти-кö, тайö политика терминьяс. Видлөг вылө: администрация, архив, документ («... **администрациялөн вöлі архивын документъяс видзөм да наөн вөдитчөм йылысь сёрни**» – 2003 вося 31 №), республика, правительство («... **компания пыр уджаліс республикаса правительствокöд**» – 2000-öд вося 1-2 №). Мөд-кö, экономика терминьяс. Видлөг вылө: компания («... **«КомиТЭК» компанияса веськөдлысьяс ниткөдлісны гөсьтъяслы... карсö**»),

убытка («... медым тупкыны **убытка** вайысь котельнöйяс»). Коймöд-кö, культура терминьяс. Видлöг вылö: поэт, творчество («... пыдисянджык **тöдмасьны тöдчана роч поэтлөн творчество өн**» – 2000-öд вося 1-2 №), воспитайтöм («... сёрнитисны... челядьöс велöдöм-воспитайтöм йылысь» – 2001 вося 1 №). Геология терминьяс: месторождение («... кутитис **«ЛУКойллысь» локтан во вылö Тиман-Печора мусир месторождениеын 2000 во кезлö урчитöм могьяссö**» – 2000-öд вося 1-2 №), заказник («**Та серти кывкортöдыс öти – заказниксö колö видзны**» – 2003 вося 5 №). И мукöд терминьяс: ущерб («... вермасны на и доньявны сідз шусяна моральнöй **ущерб**» – 2013 вося 10 №), библиотека («**Кор библиотекаын зільысьяс вöтлалöны юысь-кодалысьяссö...**» – 2013 вося 10 №), редактор («**главнöй редактор вермö шыасьны веськыда республикаса юралысь дорö**» – 2001 вося 5 №).

Корсюрö «Коми му» газетын журналистьяс вöдитчöны кыкнан, роч и коми, вариантьяснас. Босьтам «Коми му» газетысь 2003 вося 31 №. Тані 2-öд лист бок вылын паныдасьö öти понятиелөн кык вариант: «налог полиция» да «вот перьян полиция». Медым лыддысьысь гөгөрвоис коми нога терминсö, текст дасьтысь унаногалö кывсö.

Та кындзи тыдовтчöны рочысь калькаяс. Тайö вермас лоны зумыд кывтэчас кывйысь кывйö вуджöдöм: нэмöвöйся кын му («**Нэмöвöйся кын му вылын тэчалöм керкаяс киссьöны**» – 2000-öд вося 1-2 №), кывтэчасьяс: сутшкасьысь сутуга («...**сутшкасьысь сутуга саяд кызвын веськалысьыс век жö тшöкыдджыка бур йылысь мөвпалö**») либö учреждение нимьяс: биару да мусир перйысь компания («... **медся ассьыныс уджалысьяссö страхуйтöны биару да мусир перйысь компанияяс**»), должностьяс: Юралысьöс первой вежысь («... **кыдз пасйис Юралысьöс первой вежысь Николай Каракчиев...**» – 2000 вося 1-2 №), көні вермöны паныдасьны роч кывьяс, но кыв артыс – коми.

ВРЕМЯ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ЗАГАДКЕ И СКАЗКЕ (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Е.Г. Кузьмова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Коми-пермяцкий язык представлен широким спектром форм, отражающих грамматическую категорию времени. Предметом внимания в данной работе является функциональный аспект коми-пермяцких временных форм, функционирующих в таких фольклорных жанрах, как загадка и сказка. В качестве источника для исследования послужил сборник «Гöрд гöглян небоот тарласьö» («Красный круг по небу катается») (2010), где представлено 578 загадок на коми-пермяцком языке.

В коми-пермяцкой загадке глаголы чаще всего функционируют в форме настоящего времени. Поскольку данный фольклорный жанр служил в первую очередь для забавы, то принято было загадывать о том, что находится перед глазами, чьи свойства и качества являются общеизвестными. Данная форма чаще всего встречается в загадках о природе, об окружающих предметах и т.д. Например: *Забор сайсянь сивой вёв видзётё ойнас* – Тöлісь (Из-за забора сивый конь ночью **выглядывает** – Луна). Настоящее время также выражает семантику длительного или неоднократно повторяющегося действия.

Неочевидное прошедшее время реализуется в загадках о звездах, зубах, грибах, капусте, горохе, репе и т.д. Очевидное прошедшее время можно встретить в загадках о снеге, тучах, пельменях, росе, ведрах, топоре и т.д. Глаголы этой формы выражают семантику настоящего времени – ‘последовательно сменяющие друг друга действия’. Прошедшее время часто указывает на те действия, которые уже произошли и не могут повториться.

Форма будущего времени встречается редко. Иногда может употребляться в значении настоящего и прошедшего времени. *Му вылын куйлö чочком шебрас. Öтöрас шонтас – шебрасыс пышишас* – Лым (На земле лежит белое покрывало. На улице **потеплеет** – покрывало **убежит** – Снег).

Сложное будущее время содержит семантику причинно-следственных отношений. Например: *Тулысöн и гожумöн шумитас, шумитас, тöв локтас – чöвны пондас* – Шорок (Весной и летом шумит, шумит, зима придет – **замолчит** – Ручеёк).

В тексте одной загадки может встречаться как одна временная форма, так и несколько. Так, глагол в форме настоящего времени присутствует почти в каждой загадке и чаще всего в паре с глаголом в простом будущем времени. Например: *Только шогмис, туйö тэрмасьö, туйö тэрмасьö, роднякöt öтлаасьö* – Шорок (Только **родился**, в дорогу **торопится**, в дорогу **торопится**, с родней **соединяется** – Ручеёк).

Из различных временных форм глагола в загадке чаще всего сочетается будущее и настоящее время, реже – настоящее и прошедшее. Всего один раз встретилось сочетание прошедшего и будущего времени.

Фольклорная сказка, как любое художественное произведение, реализует множество значений видо-временных форм глагола. В коми-пермяцкой сказке (нами проанализировано более 15 народных сказок) чаще других встречается форма прошедшего неочевидного времени, например, *коксö чегötöм* (ногу сломал), *мужик велалöм* (мужик привык). Это связано с тем, что у данного жанра существует установка на повествование о прошлом, сказка повествует о том, что было «когда-то», «где-то». Форма прошедшего неочевидного времени отсылает нас к повествователю, который рассказывает о произошедшем в прошлом событии. Заметим, что данная форма встречается почти в каждой зачине сказки. Например, *Олём-вёлём Шванёв (Жил-был Шванев). Стариклөн вёлёмась куим зон* (У старика было три сына).

Форма прошедшего очевидного времени встречается довольно редко, чаще всего в прямой речи. *Ме бöжнам юкмöсись вугралі. Мунам, — шуö, — ме тэнö*

велота, кыдз бөжөн чери кыйоны (Я хвостом из проруби **поймала**, - говорит – я тебя научу, как хвостом рыбу ловить).

Формы настоящего и будущего времени довольно употребительны, чаще всего они встречаются в самом повествовании и зачастую содержат семантику прошедшего времени. Например, *Көчпийннэз садитасө сёртни: отыслө и мөдыслө өткөн* (Зайчата **посадят**, (в значении **посадили**) репу: одному и другому по одной).

Аналитические формы прошедшего времени в сказках нами не были замечены.

Итак, в коми-пермяцкой сказке чаще всего функционирует форма прошедшего неочевидного времени и форма простого будущего времени, которые отражают в основном семантику прошедшего времени.

В каждом жанре фольклора функционирует своя временная форма глагола: в загадке – настоящее время, в сказке – прошедшее неочевидное и простое будущее с семантикой прошедшего времени, поскольку сказка ориентирована на то, что было когда-то, а загадка – на предметы и их действия, которые находятся в данный момент перед глазами. Аналитические формы прошедшего времени не имеют тенденции к употреблению в загадке и сказке.

СЁРНИ ЭТИКЕТЫН ЗУМЫД КЫВТЭЧАСЪЯСӨН ВӨДИТЧӨМ

Е.В. Логинова

Сыктывкарский государственный университет

Морт олөмын ыджыд төдчанлун босьтөны морт динө шыөдчөм петкөдлысь кывьяс. Од тшөкыда буретш татшөм кывьяс, кыдзи «аттьө», «пöжалуйста», «прöща кора» кыпөдöны миянлысь лов кылөмөс! Нимкодь, кор казялөны, пыдди пуктöны тэнö, тэнсьыд уджтö, «аттьө» кывйысь унаөн миян пиысь дасьöсь бура уджавны, кодлыкө отсавны! И кутшөм лөк сьөлөм вылын, кор тайö кывсө он кыв: сідзкө, оз донъявны, оз пыдди пуктын ни тэнö, ни тэнсьыд уджтö... Таысь аддзам, мый оз прөстө шуны сёрни этикет кывьяссö «волшебнöйөн»: на пиын збыль ыджыд сила, коді ышөдö йөзсö овны бурджыка! Радейтөм, төждысьөм, мелілун колö дзик быд ловья ловлы: и кагалы, и ыджыд мортлы, весиг пемөсьяслы! Туялысьяс висьталөны, мый кодökө инмөдчөм, мелілун пемөсьяслы сідз жö төдчанаөсь, кыдз и мукөд олөм вылө колана условиеяс.

Сідзжө и йөз олөмын тыдовтчө: челядь, кодьяс быдмөны радейтан атмосфераын, ёнджыкөсь, вежөраджыкөсь, шаньджыкөсь.

А тайö радейтөмсö, мелілунсö, вниманиесö петкөдлыны буретш отсалөны сёрни этикет кывьяс.

Садьмам ми асывнас, и миянлы шуöны: «Бур асыв!», и миян вежөрö локтö сигнал: асылыс бур! Вөзйöны бура сёйны: «Нянь да сов!» - бара жö лөсьыд, сідзкө, пызан абу куш, эм, мый сёйны. Мөдөдчам кытчökө, сиасны: «Бур туй!» либö «Ен бурөн!» Босьтчам мыйкө вöчны и кылан: «Мед удайтчас!» И сэтшөм лөсьыд сьөлөм вылад татшөм кывьяссьыд! Тэныд сиöны бур, сідзкө, тэнö радейтөны, сідзкө, тэ колана, и тайöс гөгөрвоөмыс отсалö овны водзö, радлыны, нимкодьясьны быд лунөн, быд здукөн! Од олөмас зэв уна сьökыдторйыс, и мед найöс венны, колöны радейтөм, мелілун, вынъяс и, дерт жö, бур сиана кывьяс!

Быд мортлы кажитчоны праздникяс, сы вöсна мый сэки ми кылам сы мында сёлöмсянь сiomьяс: Кузь нэм да бур шуд! Дзоньвидзалун! Ота – модöс радейтöм! Мичлун!

Колö кыз позьö тшöкыджыка шуавны тайö бур кывьяссö! Öд найö кө оз лоны, на пыдди лоасны зывöктана, кедзовтана, мисьтöм кывьяс, кодьяс сöмын жуглöны йöзлысь олöмсö, дойдöны мортсö. Так мед жö йöз сёлöмын местаыс оз ло лёкыслы, мед сэни овмодчас сöмын бурлун! А мый сёлöмын – сийö и лоас кыв вылын!

ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА ИВАНОВАЛÖН «КЕРКА-ПÖЛЬ» ПОВЕСЬТЛÖН СЕРПАСЛУН

А.А. Мишарина

Сыктывкарский государственный университет

Валентина Ивановалөн «Керка – пöль» повесытын художествоа средствоыс петкөдчоны тырмымөн, медым артмөдны тыр – бур серпасьяс. Тайö мичкыв, орччөдөм, ловзьөдөм, изобразительной да звукоподражательной кывьяс. Автор лөсьыда вөдитчö междометиеясөн да пыртана кывьясөн, кыка кывья кадакывьясөн, фразеологизмьясөн, быдлунья да эскана кивворөн. Тайö став художествоа приёмьясыс отсалöны авторлы вöчны гижөдыслысь кывсö выразительнойөн, мичаён, а асьсö гижөдсö – аслыспөлөсөн.

Повесытын шөр серпасапом ногөн лоö мичкыв. Тшöкыджыка сийö петкөдчö кывбердөн, но сідз жö вермö и кадакывбердясөн, эмакывьясөн, лыдакывьясөн, кадакывьясөн. Мичкыв вынсьөдö эмторлысь, либö явлениелысь признаксö. Видлөг вылö позьö вайөдны: «сöstөм лым», «кузь да ёсь ем», «гыбра стеклö», «шоныд му», «сьөд вөр».

Сідз жö эм орччөдөмьяс, кодьяс босьтöны повесытын төдчана ин. Литератураö орччөдөм пырö кыз шөр юкөн гижөдын, сийö кыз средство петкөдлыны – опишитны пейзаж, интерьер, портрет. Орччөдөм босьтö ас вылас изобразительной уджмог. Видлөг вылö: «Федялы тайöс кылөм бöрын быттьö мусаджык лоис налөн важ, пöльö кодь пöрысь керкаыс», «Альбом лист вылысь видзөдіс и збыль пöрысь пöль кодь керка: синьяса и ус – тошка, керка вевтыс юркышөд кодь и», «Зонка кокни гөн моз вывлан качліс», «...катша моз китшкö, а төлкыс абу», «ниа лыс кодь небыдик юрсиа» (Федя йылысь), «дзик öд мойдыввса Пера багатыр кодь» (Федялөн бать йывсьыс), «Вера – зонка кодь збой», «Ачыс ичöt туша, тупыль кодь гöгрöс, а гөлөсыс брунган кодь гора да кыз» (Марпа баб). Тайö орччөдөмьяс пыр петкөдчö и традиционной культуракөд йитчөм. Откодялөмлөн стилистической уджмогыс – артмөдны художествоа выразительностьсö, ясыдлунсö. Татшөм откодялөмьясыс отсалöны лыддысьыслы бурджыка аддзыны да гөгөрвоны геройяссö да налысь портретсö.

Автор гижөдын ыджыд пай босьтö ловзьөдөм приём. Видлөг вылö позьö вайөдны татшөмьясöс: «...чизыр төлыс пычкис синвасö, вевттис ставсö руөн», «Кодзувьяс сöмын югдөдыштöны ывласö», «Йиа чойыс ёна корис ас дінас Федяös – лок пö, видзөдлы, кутшөм ме шылыд да крут», «...джуджыд чой до-

рын пондіс пуны удж: зонкаяс весалисны лым...» . Тайö приём пыр петкөдчö кагалөн вежөртас да мөвпьяс. Ловзьөдөм приём пыр позьö петкөдлыны и восьтны геройяслысь образьяссö.

Повесьтö пыртöма уна изобразительной да звукоподражательной кыв, найö отсалöны лыддысысыяслы петкөдланторсö оз сöмын аддзыны, но и кывны сійöс ас пытшканыс. Татшöм кывьясөн повесытын лоöны: «мурч курчис», «ышловзис», «чипöстис», «кургö – узьö», «жбыркнитис», «нурбыльтис», «шуыштис», «ырыштчылис», «турда», «дзуртыштис». Татшöм кывьясыс быттö ёсьмөдöны, вынсьөдöны действиелысь сөвмөмсö.

Валентина Иванова аслас гижöдын вöдитчö и междометиеясөн, кодьяс геройяс сёрни пытшкын кывсьöны. Видлөг вылö: «Мам, а тэ ачyd видлы, нюлышт кепыссыд, оқ и чöскыд!» , «Ой, Федя, йöюк!» , «Эк тэ, дi вылын олысь морт, öнi «капустанас» сьöм шуöны. Междометиеяс отсалöны петкөдлыны авторлысь либö геройлысь шензьөдана, дивитана, ошкана эмоцияссö.

Автор вöдитчö пыртана кывьясөн: «Папыс, тыдалö, дзебöма зонпосниысь, мед оз дурны», «Гашкö, тэ моз жö художникөн, а гашкö... вöралысьөн, - мөвпалö Пётр Иванович». Найö отсалöны петкөдлыны авторлысь висьталантор дiнас майшасяна либö стöчлун отношениисö.

Повесытын эм кака кывья кадакывьяс. Видлөг вылö: «ноксьö – бергалö», «зыраліс – ниртіс», «лöсьöдіс – мольöдіс», «дöзьöритны – вердны», «дзим – дзурк идралісны», «нёньюдöны – вердöны», «пывсьöдны – корöсывны», «мавтам – ниртам», «стынитöма – узьöма». Найö петкөдлöны действиелысь степень да рöм.

Автор аслас гижöдын вöдитчö вöралысьяслөн профессиональной кывворөн. Тайö ми казялам Федялөн бать пыр, гижысь петкөдлö сійöс бур вöралысьөн. Татшöм кывьясөн лоöны: «...гымгаас бура чериыс шедöма», «öти кöч и шедöма лэчкö, но ыджыд да ён, лэч гөгöрсö ставсö таялöма пессигас», «Ноко, пиö, видлы кöч гöснечсö», «Кыйсян кадö став прöст луньяссö колляліс вöрын, Педөр пöльыслөн на лöсьөдөм чöс туйясті ветлөдліс». Тайөн автор вöдитчö, медым петкөдлыны сиктса йöзлысь олөм уджсö, вөр – вакөд йитчөмсö.

Сідз жö автор пыртöма эскана кыввор, кодi петкөдчö Марпа пöч сёрниын. Тайö висьталö, мый Марпа баб да сиктын олысь йöз эскöны Енлы. Видлөг вылö позьö вайöдны: «бласлөвиті», «Бласлө Кростос!», «Енсыкөдөн». Эскана кыввор пыр тшöтш петкөдчö коми войтырлөн культура да оласног.

Сідз, артмö, мый Валентина Васильевна Ивановалөн «Керка – пöль» повесытлөн серпаслун тыдовтчö тырмымөн, медым стöча гөгөрвоны гижөдсö.

МОТИВЫ КОРЕНИЯ ЖЕНИХА В СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЯХ ПРИЛУЗСКИХ КОМИ

С.С. Мусанова

Сыктывкарский государственный университет

Расположенный на юге Республики Коми и граничащий с Архангельской и Кировской областями Прилузский район на протяжении многих лет находится во внимании собирателей и исследователей.

Свадебные причитания прилузских коми являются малоизученными. Наше внимание сосредоточено на причитаниях летских и лузских коми, в которых разрабатывается мотив корения жениха. Этот мотив является одним из ведущих, для его реализации используются оригинальные поэтические средства. Образ жениха в причитаниях тесно связан с образом его семьи.

Слово *корить* в научной фольклористической литературе употребляется в значении 'браниться, ругать, унижать'. В музыкально-поэтическом фольклоре выделяется жанр корильных песен. Функция корения присуща также причитаниям.

Отметим, что на свадьбе у прилузских коми мотивы корения жениха и его родни звучали на девичнике (*каризна, плаканьё*) и при появлении свадебного поезда в доме невесты. В с. Занулье невеста исполняла причитание с зачином «*Родимой батюшко, возьми белые рученьки да косу востру*», в котором жених охарактеризован как человек маленького роста («*чужек чуженин на ногах высок кажется, да под ногами-то колодочки*»), назван *коровьим пастухом, овечьим пестуном*, выставляется грязнулей и неряхой («*у чужого-то чуженина сажити-то под носом*»). Корению подвергся в причитаниях и дом жениха («*двор-от стрильнича, изба-то мякиннича, оконочки холожные (пучинные)*»). Чужая семья высмеивается через образ *денег ленилых, сусек стоялых*. В порубском причитании с зачином «*Родимой батюшко, да не крепки да твои насеки*» жених также назван *коровьим пастухом* и *овечьим пестуном*, укоряется за бедность («*под окошком дров не водится, да одна чурочка валяётся, да ещё то да не расколото*»). В причитании противопоставляются свой и чужой дом. Так, дом невесты представлен как терем («*у нас дом этот как город, изба да как высок терем, окончики стеклянные, нас люди те ветляные*»), при описании же дома жениха выделен лишь образ окон («*у чужого-то чуженина да окончики брушинные*»). Добавим, что в лузском причитании Кировской области мотив корения чужой стороны передается через образы *оконниц пучинных, людей кручинных*. В причитании с зачином «*Моя крёстная матушка да возьми белья рученьки*» встречаем мотив корения свахи («*да это пусть да князьева сватья по повосту побегала, ножечки попрощила, рученьки приобрезала, чёрно платьо приобмарала, сама себя да избесчестила*»). Аналогичные мотивы приведенных выше причитаний встретились у русских – в лоемской традиции Прилузья и лузской традиции Кировской области.

В монографии Ф.В. Плесовского опубликованы фрагменты комиязычных причитаний, характеризующих жениха и его родню. Так, жених изображен драчуном и пьяницей («*Первой кё кывлан да праздник дорын сия драчунаной, / Пер-*

вой кӧ сӧя кабак дорын кабак ветеканӧй»). В причитаниях его укоряют за бранливость («широки его матюки»), за неумение выполнять мужскую работу («Нем вед сӧя оз куж вӧчнытӧ: не вурсьыны, не тшупсьыны ни черӧн, ни пуртӧн»). Также он сравнивается с самым плохим деревом в лесу («Кодӧ мед оمولь вӧрваас пуанӧй, / Сэтшӧм жӧ менам мужикпуанӧй»), с черным настоем на подсеке («Кутшӧм жӧ тыла вылын сьӧд настоянӧй, / Сэтшӧм жӧ вӧд сӧя мортанӧй»).

Таким образом, в причитаниях прилузских коми мотив корения занимает весомое место, поскольку отражает неприятие невестой чужой семьи и будущего мужа. Прежде всего высмеиванию подвергается жених. Ему даются уничижительные характеристики. Через корение жениха передается отрицательное отношение ко всей его родне.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КОМИ-ПЕРМЯКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ВАРИАТИВНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Н.А. Нечаева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Характеристика различных человеческих качеств, связь лица с отцом, матерью, родом, семьей, информация о национальности, роде занятий и т.д. – всё это может отражаться в имени собственном. Коми-пермяцкие антропонимы разнообразны, они служат в определенной степени и номинацией, и идентификацией, и разного рода дифференциацией. Основоположником исследования коми-пермяцкой антропонимии является А. С. Кривошекова-Гантман.

Известно, что множество социальных аспектов определяет причины появления многочисленной парадигмы именования человека.

Наши материалы доказывают, что варианты имени собственного и большинство прозвищ, приобретенных в школьные годы, с годами утрачивается.

Попытаемся продемонстрировать вариативность коми-пермяцких собственных имен и прозвищ и выявить причины образования этой вариативности (материал собран в д. Гурина Кудымкарского района Пермского края в 2012-13 гг.).

1. *Гусельникова Светлана Александровна* – исходный денотат (средний возраст). Дериваты: *Светлана Александровна, Директор, Света, Светланка*.

- *Светлана Александровна* – вариант характерен для официальной обстановки (директор школы), подчеркивается социальный статус.

- Дериват *Директор*, используется в случаях, когда не требуется непосредственного обращения к данному лицу, но есть необходимость в подчеркивании должностного ранга.

- *Света* – используется в семейном кругу, а также близкими людьми.

- *Светланка* – вариант, содержащий в большей степени пренебрежительную семантику, чем уменьшительно-ласкательную.

Итак, данное лицо имеет четыре деривата собственного имени, проявляющиеся в разных ситуациях. Скорее всего, имя *Светлана*

Александровна потеряло варианты, имевшие место в школьные годы, его обладатель, получив данный статус, не имеет обидных, прозвищных вариантов.

2. **Кетова Нина Григорьевна** – исходный денотат (зрелый возраст). Дериваты: *Нина Григорьевна, Бёбёв Нинка, Кирив Нинка, Вячик Нинка, Нинка, Ниндуль, Ерекнича*.

- *Нина Григорьевна* – вариант, употребляющийся в официальной обстановке.
- *Бёбёв Нинка* (Нинка дура) – имя с пренебрежительной оценкой, оно связано с некоторыми поведенческими особенностями носителя имени.
- *Кирив Нинка, Вячик Нинка* – варианты, образованные по типу «имя мужа + собственное имя» (Кириллом звали первого мужа, Вячеславом – второго мужа). Эти варианты используются довольно часто, но не в качестве обращения.

- *Нинка* – дериват имени собственного.
- *Ниндуль* – вариант, использующийся в кругу семьи или близкими людьми. Производное от имени собственного имеет уменьшительно-ласкательную коннотацию.
- *Ерекнича* – прозвище, используемое при отсутствии данного человека, оно образовано по роду деятельности (бытует мнение, что носитель имени занимается знахарством).

Чем ниже статус человека, тем больше дериватов у него может появиться.

3. **Нечаева Яна** – денотат (юношеский возраст). Дериваты: *Нечаева Яна, Янка, Янка-культянка, Кирив Нинка Янка, 2700*.

- *Нечаева Яна* – вариант, использующийся в школьной обстановке.
- *Янка* – дериват от имени собственного.
- *Янка-культянка (культянк(-ка) ‘чертёнок’)* – прозвище, употребляющееся в дружеской обстановке.
- *Кирив Нинка Янка* – прозвище от деривата имени собственного матери (*Кирив Нинка*).
- *2700* – прозвище, появившееся под влиянием случая, имеет насмешливую и пренебрежительную коннотацию.

В юности человек имеет заметно больше вариантов собственного имени, нежели в зрелом возрасте. В этот период он имеет не более двух-трех социальных статусов (ученик(-ца), статус в семье, статус среди ровесников). Любая ситуация может стать причиной возникновения прозвища.

В зрелом возрасте наблюдается преобладание имен собственных, их производных и родовых прозваний над прозвищами (*Кона Петра, Сеня Валя, Позволь Людка*). Прозвища, приобретенные в зрелом возрасте, встречаются редко (*Зікок* дословно «осиная нога», *Ракапоз* дословно «воронье гнездо» и т.д.).

Мужчины в селе имеют меньше лексических вариантов собственных имен, чем женщины. У сельских женщин более широкий спектр общения, чем у мужчин. Имена последних, являющихся носителями родового имени или прозвища, редко имеют много дериватов. Вариативность женских имен увеличивается и за счет имени или прозвища мужа (*Парам Полинка* в значении ‘Полинка, жена Парам’).

В коми-пермяцком языке распространенным вариантом собственного имени является дериват, образованный постановкой перед уточняемым антропонимом имени отца или матери (*Кона Петра, Моння Анна*). Вместо имени отца или матери может употребляться имя деда или прадеда.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА: КРАТКИЙ ОБЗОР

А.М. Попова

Сыктывкарский государственный университет

Коми-пермяцкий язык относится к пермской ветви финно-угорских языков. Население, говорящее на коми-пермяцком языке, живет в основном в Пермском крае. Коми-пермяцкий язык находится в ближайшем родстве с коми-зырянским языком.

В XIV-XVII вв. у коми-пермяков и коми-зырян существовала единая письменность, созданная миссионером Стефаном Пермским. Формирование современного литературного коми-пермяцкого языка началось только после Октябрьской революции 1917 г.

В 1921 г. были введены тот же алфавит и система письма, которые применялись у коми-зырян. В начале 30-х гг. была произведена латинизация алфавита, а в конце 30-х гг. коми-пермяки отказались от латинизации и перешли на русский алфавит и русскую систему письма.

Изучение языкового материала коми-пермяцкого языка началось еще в XVIII в. Русские ученые Г.Ф. Миллер, И.И. Лепехин, П.С. Паллас опубликовали ценный лексический и текстовый материал по этому языку. Подлинное научное изучение языка начинается в XIX в., оно связано с именами таких ученых, как Ф.И. Видеман, Н.А. Рогов, Г.С. Лыткин. Эти ученые оставили ряд ценных работ по грамматике и лексике коми-пермяцкого языка.

Первую грамматику коми-пермяцкого языка составил протоиерей Свято-Троицкого собора города Соликамска Федор Любимов.

В 1883 г. был составлен ещё один рукописный словарь служащим имения графов Строгановых Ф.А. Волеговым в с. Новое Усолье. В словаре зафиксированы материалы ныне исчезнувшего усольского говора, географически близкого с оньковским диалектом коми-пермяцкого языка.

Н.А. Рогов положил начало научному изучению коми-пермяцкого языка. Им была составлена первая полная печатная грамматика этого языка.

В.И. Лыткиным была проделана огромная работа по изучению диалектов коми языка, в т.ч. коми-пермяцкого. В конце 20-х гг. была создана комиссия по созданию словаря и изучению диалектов коми языка, которую возглавил В.И. Лыткин. Под его руководством и с непосредственным участием были совершены экспедиции в Коми-пермяцкий округ. Собранный материал нашёл свое отражение в работе «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам» и в ряде научных работ.

А.С. Кривошекова-Гантман исследовала диалектные особенности, морфологию и синтаксис коми-пермяцкого языка. Ею также была изучена коми-пермяцкая топонимика.

Значительный вклад в изучение коми-пермяцкого языка, методику ее описания был внесен Е.В. Ботевой и З.К. Тудвасевой.

Р.М. Баталова вложила немало сил в изучение коми-пермяцкой диалектологии. Ею впервые были описаны и исследованы все коми-пермяцкие диалекты, а по ряду диалектов были изданы монографии.

Современными исследователями коми-пермяцкого языка являются А.С. Лобанова, Р.П. Попова (Дмитриева), Л.Г. Понаморева, О.А. Попова, Е.Н. Федосеева, Т.Н. Меркушева. Основными направлениями их исследований является стилистика коми-пермяцкого языка, этнолингвистика, фоносемантика, фонетика, морфология и лексика коми-пермяцких диалектов. Все эти ученые внесли большой вклад в изучение коми-пермяцкого языка. Современные исследователи и студенты продолжают исследование диалектов коми-пермяцкого языка и его особенностей.

АНТОНИМЫ В ПОСЛОВИЦАХ: К ОТРАЖЕНИЮ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКОВ)²

В.В. Потанова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Антонимия представляет собой отражение противоположности внутри одной сущности. Использование антонимов в речи придает особую значимость предметам и понятиям, способствует раскрытию противоречивой сущности предметов, явлений, создает неограниченные выразительные возможности. Все это отразилось в народных пословицах.

Синтаксически пословица чаще всего двучленна, напр. *Здоров на еду, да хил на работу; На чужом несчастье счастья не построишь*. Во второй части нередко содержится вывод, мораль, иногда поучительный смысл. Антонимы, включенные в пословицу, усиливают эту двучленность, более того, они создают четкое, порой категорическое, противопоставление, напр. *Где умному горе, там глупому веселье*. В пословицах порой звучит ирония, насмешка, напр. *Ходите почаще, без вас веселей; Глупый осудит, а умный рассудит*.

Представим анализ антонимов в пословицах русского и коми-пермяцкого языков. Считаем, что пословицы – уникальный материал для выявления картины мира народа, и сопоставление двух языков в этом аспекте может показать не только общее, но и специфическое.

Сопоставление содержания пословиц с антонимами в двух языках показало, что в обоих языках с помощью антонимов отражены такие понятия, как:

---

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 13-14 59008 «Русские говоры Коми-Пермяцкого округа: особенности функционирования и развития».

1) ум-глупость: рус. *Глупый осудит, а умный рассудит; Не бойся врага умного, бойся друга глупого* – к.-п. *Кыв вылын сідз да этадз, а уджын некыдз* (На словах так и этак, а на деле никак); *Ыджыд юрыд, да ичот мывкыдыд* (Большая голова, да мало в ней ума);

2) молодость-старость: рус. *Юн – с игрушками, а стар – с подушками; Старому стариться, молодому – расти* – к.п. *Пөрись да челядь өткодъось* (Малый да старый одинаковые); *Том кад муніс – эз прöщайтчы, пöрысьлун воис – эз юав* (Молодость прошла – не попрощалась, старость пришла – не спросилась);

3) дружба: рус. *Худой мир лучше доброй ссоры; Неверный друг – опасный враг* – к.-п. *Бур сьорни – басниён век бур, став лысьöмыдлы, а лёк сёрни-баниён век лёк, век висян* (От доброй беседы всегда хорошо, а от дурных разговоров – хворь); *Гажодчан ёртыд джын ёрт на: воан кө шогö югзьöдас бокö* (Друг по веселью – полдруга: дойдет до беды, отойдет в сторону);

4) мораль: рус. *На чужом несчастье своего счастья не построишь; Чужой дурак – веселье, а свой – бесчестье; Сытый голодного не разумеет; Богат – не хвались, беден – не отчаивайся* – к.-п. *Корны – не гусявны* (Просить – не воровать); *Учöтись ыджытсö он кер* (Из маленького большого не сделаешь); *Гортын кыдз колö, йöзын кыдз тиöктасö* (Дома как хочешь, а в людях как велют); *Луныд – синма, а войыд – пеля* (День глазаст, ночь ушаста).

Как можно заметить, общими являются вечные темы: осознание человеком своего возраста, понимание достоинств и недостатков каждого периода; ценность дружбы; вопросы добра и зла. Именно эти понятия и формируют основу картины мира народа. Более детальное выделение особенностей мировосприятия – задача дальнейшего изучения и сопоставления пословиц.

Особенностью коми-пермяцкой картины мира оказалось то, что в коми-пермяцком языке не нашли отражения включающие антонимы пословицы о речи, тогда как в русском языке их много, напр. *Веревка хороша длинная, а речь – короткая; В добрый час молвить, в худой – промолчать*. Можно предположить, что это объясняется национальными особенностями коми-пермяков, их способностью поступать так, чтобы слово не расходилось с делом.

Итак, можно сказать, что пословицы, включающие антонимы, отражают особенности народа, показывают его систему ценностей.

Примечания

1. Климов В.В. Коми-пермяцкое народное устное поэтическое творчество. Кудымкар, 1960.

2. Ожегова М.Н. Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Кудымкар, 1961.

3. Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвистический словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1979.

ОБРАЗЫ ЗАГРОБНОГО МИРА В КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ³

М.А. Томилина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Во все времена люди задумывались о бессмертии души, о жизни после смерти. Многими культурами явление смерти осмысляется как переход на новое место жительства, путешествие в другую местность, переселение в другой дом или другую деревню (город). Примером этому могут являться такие фразеологические выражения, как: к.-п. *Креста деревняын керку босьтны* (В крестовой деревне дом купить) в значении 'умереть', *Последнӧй керкусӧ строитӓм* (Последний его дом мы построили) в значении 'сделать гроб'. Эта идея смерти как переезда в другое место жительства до настоящего времени ощущается в традиции готовить человека «в последний путь», т.е. заранее собирать вещи первой необходимости, которые могут понадобиться на новом месте. В некоторых местностях Коми-пермяцкого округа известен обряд проводов души.

В результате анализа образов коми-пермяцкой фразеологии, связанной с обозначением смерти и смежных с ней понятий, нами было выявлено несколько основных образных аналогий загробного мира. Они отражают идею посмертного существования человека в определенных местах и населенных пунктах (город, деревня, дом, яма).

Одна из образных аналогий к изображению того света – уподобление его городу – *Могилеву-городу*. Этот фразеологизм соотносится с русским диалектным обозначением кладбища: *Могилевская деревня* и *Могилевская губерния*. Название мифического города связано со словом *могила*, т.е. отмечает главный атрибут кладбища – яму для погребения умерших. Нередко в коми-пермяцкой фразеологии вместо названия могил используется слово *яма*: *Ӧт кокыс гуяма дорас сулалӧ* (Одна нога около ямы стоит) в значении 'скоро умрет'. В преданиях известен мотив самозахоронения чуди, их гибели в ямах. Этот распространенный мотив ухода первого поколения людей под землю также выражает определенный этап структурирования космоса. Отделению неба от земли соответствует «открытие» чудью нижней сферы — подземного мира.

В других фразеологизмах кладбище предстает в образе деревни, например: *Креста деревняӧ кайны / нуӧтны / босьтны* (В деревню с крестами подняться / унести / взять) в значении 'умереть'. Самым распространенным населенным пунктом у коми-пермяков были деревни. Осмысляя жизнь за пределами этого мира, люди проецировали структуру реального на воображаемое. Топонимическое ее определение – *Крестовая* – отмечает главный атрибут кладбища – крест над могилой, который символизирует физическую смерть человека и соединение его с Богом. В русских диалектных характеристиках кладбища отмечены другие мотивации названия мифического населенного пункта умерших, клад-

³ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Коммуникативные коды в коми-пермяцкой культуре (речь, фольклор, обрядность, символосфера)» № 14-14-59005.

бище предстает как место «жительства» умерших родителей — *Голубой городок*, *Звездный городок*. Если первое название строится на обыгрывании символики голубого цвета как цвета вечности и неба (поэтому в голубой цвет красят не только кладбищенские оградки, но и церкви), то второе название отражает установившуюся в советское время традицию устанавливать звезды над могилой. Кроме того, это выражение можно понять как каламбур с названием Центра подготовки космонавтов в Подмоскowie, в котором использована аналогия того мира и космического пространства.

Гроб у коми-пермяков называется *горт* или *керка* (*родина* или *дом*): *му керку* (земляной дом), *виль керку* (новый дом). В некоторых коми-пермяцких легендах говорится, что на том свете дома всех умерших людей могли стоять по соседству, будь это хороший или плохой человек. Дома отличались только своим цветом, например, у праведников изба была белая, а у грешников – черная. Примечательно, что коми-пермяцкие топонимы с компонентом *горт* нередко называют те места, в которых, по преданиям, когда-то жила чужд: *Важгорт* (старая родина), *Мёдгорт* (другая родина).

Известно, что у коми-пермяков нет четкой, явно выраженной дифференциации того света и этого, ада ирая. Например, в финно-угорских мифах мир делится на три зоны: верхнюю (небо с Полярной звездой в центре), среднюю (земля), нижнюю (мир холода и мрака). Возможно, поэтому люди, анализируя уход из жизни близкого им человека, уподобляли реальному миру загробный. По мнению народа, кладбище – тот же населенный пункт со своими законами, правилами. Поэтому некоторые пермяки не ходят на кладбище на 40 дней, т.к. считают, что именно тогда начальство будет продавать места, и «пришедший туда» человек купит его на те деньги, которые положили ему с собой на земле во время проводов.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ШКОЛЕ

Н.А. Трубинова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Русский язык как дисциплина в образовательных учреждениях имеет стратегическое значение: от уровня владения языком зависят успехи школьника в учебе и в саморазвитии.

В современной школе содержание обучения русскому языку рассматривается через призму обеспечения формирования лингвистической, языковой, коммуникативной, культуроведческой компетенций. Из перечисленных компетенций следует выделить языковую, предполагающую обучение применению языковых знаний на практике. Особого внимания заслуживает формирование языковой компетенции учащихся на уроках русского языка в национальной школе.

У детей-билингвов возникают трудности, связанные с расхождением в грамматической системе русского и родного языка.

В нашем исследовании особое внимание уделено изучению грамматических категорий русского глагола с учетом особенностей коми-пермяцкого языка, потому что именно эта часть речи является наиболее частотной в употреблении.

В грамматических категориях глагола в русском и коми-пермяцком языке выделяются следующие различия:

1. *Категория времени.* У русского глагола существует 3 формы времени, у коми-пермяцкого – 4. В коми-пермяцком языке выделяются 2 формы прошедшего времени: сино дзын чулалӧм и син сайын чулалӧм кад.

2. *Категория рода.* В коми-пермяцком языке нет категории рода, что создает трудности для носителей коми языка при согласовании сказуемого с подлежащим в русских предложениях.

3. *Спряжение.* В русском языке выделяют два спряжения: I спряжение (-ешь, -ет, -ем, -ете, -ут / -ют) и II спряжение (-ишь, -ит, -им, -ите, -ат / -ят) и ряд разноспрягаемых глаголов. В коми-пермяцком языке положительное спряжение (по временам, лицам и числам) и отрицательное спряжение (с отрицательной частицей).

4. *Категория вида.* Если у русского глагола существует совершенный и несовершенный вид, то коми-пермяцкий глагол имеет 6 видов: временный, многократный, мгновенный, длительный, уменьшительный, завершённый, которые отличаются формообразующими суффиксами.

5. *Категория залога* представлена в русском языке действительным и страдательным залогом, в то время как в коми-пермяцком языке выделяют возвратный и понудительный. В школьном курсе русского языка залог не рассматривается.

Осмысление учащимися национальной школы грамматических категорий глагола в русском языке и овладение нормами словоизменения возможно при выполнении следующих принципов обучения:

- подача теоретического и практического материала на основе сопоставительного анализа;
- использование в обучении упражнений, позволяющих тренироваться в словоизменении русского глагола;
- создание условий для вариативного употребления глагольных форм в речевой практике.

Соблюдению указанных условий способствуют комплексные упражнения, предлагаемые учащимся на уроках русского языка. Под комплексными мы понимаем упражнения, включающие текст и совокупность подобранных к нему заданий, нацеленных на актуализацию сформировавшихся ранее языковых умений, обучение применению языковых знаний на практике, преобразование этих знаний.

Мы считаем возможным объединить такие упражнения в группы в соответствии с характером деятельности учащихся при их выполнении: упражнения для комплексной работы с готовым текстом, упражнения для перевода, упражнения в подборе учащимися комплекса заданий к тексту, творческие упражнения для самостоятельного применения имеющихся знаний и умений.

Приведем пример комплексного упражнения для перевода к закреплению темы «Глагол» в 6 классе национальной школы.

1. Прочитайте текст, переведите с коми-пермяцкого языка на русский.

Шонді сайөвтчис вөр сайө. Руыс пондіс ульсавны. Эзö пондö карзыны рака-эз., оз ни чивзö воробейез, пичиккез, дугдисö вöтлісьны типпез сьöрын кырнышшез. Эз пондö шушкыны и курөг ферма дынын кöззээз, кöдна не öтiк дас год сьöрна ни гажöтöны этö местасö. Лоис лöнь. Только деревнясьнь кылiс челядльöн чирзöм да Тшакыль шор сайын баксiс кинлöнкö сёрмöм мöс.

Задания:

1. Глаголы какой грамматической категории употреблены в переведенном тексте?

2. Выделите окончания глаголов. Как выделяют такую данную морфему в родном языке?

3. Чем отличаются глаголы русского языка от глаголов коми-пермяцкого языка? Составьте сопоставительную таблицу.

4. Поставьте 5 глаголов на выбор в настоящем времени, 3 глагола во 2 лице в единственном числе, 2 глагола в неопределенной форме.

5. Выпишите, если есть, переходные глаголы. Какие глаголы являются переходными, а какие непереходными?

В.В. ФИЛИППОВА ТУЯЛÖМЪЯСЫН ИЗЪВА ФÖЛЬКЛОР ТРАДИЦИЯ

В.П. Чупров

Сыктывкарский государственный университет

Валентина Викторовна Филиппова (1957-2012) – филология наукаяс кандидат, велöдысь, фольклор туялысь. Туялан визьясöн Валентина Викторовналöн наука уджын лоины коми фольклор жанр система, обряд да фольклор поэтика, коми культураын кыккывъялун, этносьяскостса йитöдыяс. Бөрья воясö медшөр видланторнас лоис изьваса комияслöн традиционнöй культура, фольклор, история.

Изьватас фольклорлы сиöм медводдза ыджыд уджөн лои сылөн диссертация удж «Поэтика фольклора коми-ижемцев (жанр причитания)». Тайö ыджыд наука уджын туялысь петкöдлöма изьваса бöрдöдчанкывъяслысь вужьяссö, налысь жанрöвöй, композиционнöй, аслыспöлöслуньяссö, анализируйтöма поэтическöй кывсö. Валентина Викторовна тöдчöдöма, мый бöрдöдчанкыв видзöма ас пытшкас важья войтырлысь олöм вылö видзöдлассö, мөвпсямсö.

1988 вося квайтöд номера «Войвыв кодзув» журналын Валентина Викторовна Филиппова йöзöдö «Войывса мадоннаслöн паськöм» статья. Автор серти, изьватасöс медьяна мукöд комиысь торйöдö нывбаба костюм. Валентина Викторовна туялöма изьватаслысь локальной традицияяс. Сидз, сийö ветлöма экспедициясö Мурманск, Тюмень областьясö. И аслас йöзöдöмьясын вайöдöма кывкöртöдыяс. «Фольклорная традиция коми и этническое самосознание (на материале фольклорных экспедиций в Мурманскую область)» статьяын автор

видлалё изъватаслысь Кола кӧджӧ мунан туйсӧ кыдз мифология сюрӧса туй (важ олӧмсянь выль олӧмӧ вуджӧм). Туялысьӧс майшӧдлӧ комиаслӧн сэтчӧс муын физиологическӧй да культурнӧй адаптация, «ас-абу ас» оппозициялӧн ёнмӧм. Автор серти, тайӧ средаын изъвасалӧн культура сӧвмӧмыс лӧма ӧдйӧджыкӧн да бурджыкӧн.

Майшӧдлӧма Валентина Викторовнаӧс и изъватас культура туялан история. «К истории изучения фольклорных традиций ижемских коми Зауралья» гижӧдын казтьӧма медшӧр фольклорнӧй да диалектологическӧй экспедициясӧ, налысь могъяссӧ. 2007 восянь изъваса «Луд» гаж дырйи нуӧдсьӧны «Изъваса лыддысьӧмъяс», кӧнӧ петкӧдчӧны асланыс докладъясӧн чужан му туялысьяс. Медводдза лыддысьӧмъясын Валентина Викторовна петкӧдчӧма «Изъватаслӧн традиционнӧй культура» гижӧдӧн. Статьяын сӧйӧ восьтӧма изъваса фольклорлысь локальнӧй аслыспӧлӧслунъясӧ, сылысь ӧнӧя кадся сӧвмӧмсӧ, календарнӧй гажъяслысь сюрӧссӧ. Пасйӧма семья обряд аслыспӧлӧслунсӧ, местной геройяс йылысь преданиеяс – Аминько, Кӧмтӧм Мартын, Сено, Батро, Воронко йылысь. Торйӧн сувтӧма нималана бурдӧдчысь Тандзе Марья вылӧ, кодлӧн образыс йӧз мӧвпямын удитӧма мифологизируйтчыны. «Обряды и праздники годового календарного цикла в традиции ижемских коми» статьяын Валентина Викторовна видлалӧ изъватаслысь календар гажъяс. Та дырйи казтылӧ зэв аслыссикас Вежадырся действие «вехитэм» либӧ «вехитчем» йылысь, кодӧ кутӧ ас пыткас аслысьяма кӧлысь символика. Валентина Викторовна веськӧдлӧм улын студентъяс туялӧмаӧсь сикт-грездлысь ӧнӧя кадся фольклор традиция, календар, семья обряд да поэзия, челядь фольклор, мойдчытӧм проза, кӧр видзысьяслысь культура да уна мукӧдтор, дорйӧмаӧсь 20 гӧгӧр диплом удж. 2007-2009 воясӧ Фольклор туялан Шӧринын Валентина Викторовна Филиппова Татьяна Степановна Каневакӧд ӧтув лӧдзӧмаӧсь мультимедийнӧй справочник «Традиционная духовная культура ижемских коми».

Валентина Викторовна пунктис зумыд подув изъва традиция водзӧ туялӧмлы.

ИЗЪВА ФОЛЬКЛОРЫН ТУНАСЬӦМ ЙЫЛЫСЬ МИФОЛОГИЧЕСКӧЙ ВИСЬТЪЯС

В.П. Чупров

Сыктывкарский государственный университет

Ӧнӧя Россияса фольклористикаын тунасьӧм йылысь мифологическӧй висьтъяс (кыдзи абу мойдчана прозаын вомгора нарративъяс) туялӧмаӧсь этша. Коми фольклор материал серти уджъяс абуӧсь.

Миян туялӧмлӧн мог – восьтыны артмӧм да абу артмӧм тунасьӧмъяс йылысь изъваса вомгора висьтъяслысь сюрӧссӧ. Стӧчмӧдам, мый тунасьӧм инӧдъяс йылысь повествованиеяс либӧ фольклорно-этнографическӧй сведениеяс кыдзи вомгора суевернӧй прозалысь юкӧн ми ог видлалӧй. Туялӧмлӧн шӧр ӧшмӧсыс – Сыктывкарса канму университетлӧн Фольклор архив (1990-2000 воясӧ гижӧм текстъяс).

Полевöй материалъяс петкöдлiсны, мый изъва фольклор традицияын паськалöмаöсь тунасьöм йылысь кык пöлöс висьтъяс: артмöм да абу артмöм тунасьöмъяс йылысь юöртöмъяс. Медводдза юкöнас паныдасьöны татшöм висьтъяс: «видзöдчöм» – тунасьысьяс аддзöны верöспунысö вöтöн, рöмпöштан пыр, ва веркöсысь, тöдмалöны стенин мыгöр серти, том мортлы рöмпöштан пыр петкöдчö öш, кодi кувтöдз люкалö сiйöс; «кывзысьöм» – ныв кылö пон увтчöм сiйö инсяныс, кöни олö верöспуыс; «акциональнöй» – Иван лун дырйи ныв шыбитö ваö корöсь; тунасьысьяс син кöрталöмöн куталöны ыжъясöс. Гежöдджыка паныдасьöны мöд котыра нарративъяс – нывъясöс повзьöдöны тöдтöм шыяс; тунасьысьяс бöрся вöтлысьö вöв кок пертас пыр петкöдчысь лёк вын.

Изъва фольклор традициялöн тунасьöмъяс йылысь висьтъяс матынöсь мукöд коми, финн-угор да роч традициялы.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

РЕКЛАМА КАК ТИП КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

И.И. Дуванова

Сыктывкарский государственный университет

В современной межкультурной коммуникации растет роль креолизованных текстов. Такой текст состоит из двух частей – вербальной и невербальной. К креолизованным текстам можно отнести рекламные тексты, поскольку они составлены из знаков разных семиотических систем. В таком случае реклама – это текст (вербальная информация) о товаре или услуге, которые актуализируются при помощи визуальных средств (рисунков, фотографий, иллюстраций, схем).

Вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное и функциональное целое. В рекламном тексте вербальный компонент и иконический знак заданы одной темой, все элементы креолизованного текста значимы. Из этого следует, что в процессе восприятия реципиентом креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации, в результате чего создается единый общий смысл креолизованного текста.

Элементы креолизованного текста рекламы нацелены на комплексное воздействие на адресата. Основная цель рекламного текста – привлечь внимание, вызвать интерес и стимулировать сбыт. Для достижения этой цели составители рекламного текста обращаются к использованию различных лингвистических приемов. Особого внимания заслуживает рекламное изображение, так как иллюстрация – самый яркий компонент рекламы, ее визуальный центр.

Таким образом, рекламный креолизованный текст является сложным образованием, в котором вербальный и иконический элементы, взаимодействуя друг с другом, обеспечивают целостность и связность рекламы, его перлокутивный эффект.

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ)

М.Д. Лемешко

Сыктывкарский государственный университет

Одним из наиболее активных слоев населения является молодёжь. Сегодня она выступает не просто как объект социального воздействия, молодежной политики, но является динамично развивающейся группой общества, осваиваю-

щей и присваивающей свойства субъектности, что может быть определено как отличительная характеристика современной молодежи.

Языковое сознание в современной психолингвистике выступает как основной источник идеальных представлений и образов, стереотипов поведения. Оно неотделимо от сознания человека; эти понятия невозможно рассматривать отдельно, поскольку они взаимосвязаны и взаимообусловлены. В работах А.Н. Леонтьева языковое сознание определено как «отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных языковых значений, понятий».

Одним из наиболее распространенных способов регистрации феноменов языкового сознания является метод «ассоциативного эксперимента» («стимул-реакция»). Актуальность данного метода выражается в том, что такие образы позволяют выявить черты российского менталитета, в частности, определить то, какой предстает молодёжь в национальном сознании.

Материалом для исследования послужили публикации из газеты «Твоя параллель» за 2011–2012 гг., посвященные молодежи, а также словарные статьи с заголовком «молодежь» в Русском ассоциативном словаре.

Молодое поколение в издании «Твоя параллель» представлено в позитивном ключе, возможно, даже слегка приукрашено. Преобладают статьи о талантливой и активной молодежи («Искусство молодых SYNOPтиков» № 446, «Перья и рифмы XXI века» № 450), о проблемах современных подростков говорится гораздо реже («Крик души» № 440, «Милицейский десант» № 444).

Наиболее употребительными определениями к слову *молодежь* являются лексемы *активная* («Власть за АКТИВНУЮ молодежь!» № 438), *талантливая* («Географическая награда» № 439), *одаренная* («Хоть и Малая, но Нобелевская» № 438; «Под крылом Можайского» № 445); *современная* («Молодёжь должна знать» № 466). Молодежь определяется как *лидер* («Кто, если не ты» № 456).

В «Русском ассоциативном словаре» ассоциативный ряд слова-стимула *молодежь* состоит из синонимов, антонимов, определений. Всего реакций на слово-стимул *молодежь* – 108, различных реакций на стимул – 78, одиночных реакций на стимул – 63. Синонимами к слову *молодежь* выступили слова *подросток* (1), *студент* (1), *до 25 лет* (1), *группа людей* (1), *братия* (1) и т.д. Антонимом является слово *старика* (5). В соотношении положительные/отрицательные характеристики преобладают последние (*гулящая, плохая, безнравственная*), однако в большинстве случаев ассоциации нейтральны и носят, скорее, индивидуальный характер (*разная, соучастие*).

Таким образом, образы современной молодежи в периодической печати и в Ассоциативном словаре совпадают частично. Но так как совпадают лишь нейтральные характеристики, выявить конкретный образ молодежи довольно сложно. В «Русском ассоциативном словаре» и на страницах газеты нынешняя молодежь предстает как жизнерадостная группа людей, объединенная возрастом (до 25-30 лет), интересами (спортивная, разносторонняя), образованием (студенты). Подростки обладают как преимуществами (*талантливая, инициативная* и т.д.), так и недостатками (*пьяная, гулящая, шумная* и т.д.).

ОБРАЗ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.Д. Лемешко
Сыктывкарский государственный университет

Основным источником идеальных представлений и образов, стереотипов поведения в современной психолингвистике выступает языковое сознание. В кругу специалистов, занимающихся проблемами человека и различными видами его деятельности, все больший вес приобретает точка зрения, что язык может выступать в роли проводника традиционных схем культурно-исторического содержания.

Образ молодежи в языковом сознании изучается на основании ассоциативных полей, полученных при проведении широкомасштабных экспериментов по свободному ассоциированию, а также текстов.

Материалом для данного исследования послужили словарные статьи из Русского ассоциативного словаря.

Анализ ассоциативного поля «молодежь» на основе семантического гештальта, предложенного Ю.Н. Карауловым, показал, что самые частотные из реакций относятся к семантическим зонам КАКОВ (27 единиц), КТО и КАКОЙ (по 23 единицы), ЧТО (20 единиц). Самые распространенные реакции связаны с положительными, нейтральными или отрицательными характеристиками представителей молодого поколения (но положительные оценки по количественным показателям преобладают): *хорошая, веселая, золотая, зажигательная, интересная, легкая, сильная, беззаботная, разная, взрослая, нынешняя, современная, неформальная, скверная, поганая, обкуренная, плохая, зеленая, безнравственная, буйная, грустная, гуляющая, дикая.*

Кроме того, нами была исследована еженедельная газета для молодежи «Твоя параллель», издаваемая в Республике Коми раз в неделю. Были исследованы тексты статей за 2012-2013 гг. На страницах издания затрагиваются следующие темы: гражданско-патриотическое воспитание молодежи, взаимоотношения со сверстниками (брак, материнство и отцовство), красота (мода), политика, экономика, наркотики, спорт, техника, грамотность, вредные привычки, безопасность и экология.

Образ молодого человека связан с темой защиты Родины, в образе важной составляющей является физическая сила. Судя по текстам газеты, одним из главных качеств, которое необходимо воспитывать в молодом человеке, является уважение к труду.

Образ молодой девушки в контексте статей анализируемой газеты связывается с любовными отношениями (видимо, с перспективой создать семью) и темой красоты (спорт, одежда). На страницах «Твоей параллели» поднимаются проблемы матерей-одиночек. Общими для обоих полов являются проблемы вредных привычек (алкоголя и курения), наркомании, а также безопасности, спорта.

Тема молодой семьи также присутствует на страницах издания и в большинстве случаев раскрывается в материалах о ранних браках и незапланированной беременности. Можно сказать, что эти вопросы характеризуют духовно-

ценностную сферу современной молодежи, формируют ее нравственные нормы, социальные стереотипы и установки.

Образ молодежи, представленный в ассоциативном словаре, и образ, выявленный в контексте газетных статей, практически совпадают.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ПРИЕМ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

А.А. Раменская

Сыктывкарский государственный университет

Язык современных средств массовой информации (СМИ), по выражению В.Г. Костомарова, «выразитель языкового вкуса эпохи» или, по выражению Ю.С. Караулова, «зеркало состояния современного русского языка». К началу XXI в. СМИ стали одним из сильнейших средств воздействия на массовое сознание. Можно сказать, что функция воздействия начинает вытеснять остальные языковые функции (например, информирование), и СМИ превращаются в средства массового воздействия (СМВ).

Одним из таких средств воздействия является прием языковой игры. Журналисты «играют» со словами в поисках свежих, необычных номинаций для лиц и фактов, ломая традиционные модели словообразования, грамматики, снимая табу на сочетаемость слов. Новая организация языковых элементов, нетрадиционные способы номинации связаны с поисками содержательной глубины изложения и с преодолением автоматизма при восприятии фактов языка. Языковая игра понимается как «некая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность» [1].

Существуют различные классификации типов языковой игры. Например, В.З. Санников говорит об обучающей, маскировочной и психотерапевтической функциях (смех как «единственный общедоступный способ борьбы с окружающим злом»), упоминает также о функции снижения [1].

Как показал анализ региональных текстов – публикаций в газете «Твоя параллель» – наиболее активно используется приемы словообразовательной языковой игры: *Сколько можно хранить деньги в банках? Хранить надо в кубышках! В «Сберкубышке», «Таврической кубышке», «Газпромкубышке», «Северной народной кубышке»* (2013 № 8). Словообразовательные ресурсы языка обладают значительным потенциалом в достижении задач речевого идеологического воздействия. Некоторые словообразовательные единицы имеют облигаторную оценочность и содержат маркированные компоненты экспрессивности, другие обладают потенциалом оценки, которая и реализуется в речевом акте.

Не менее популярным приёмом словотворчества в издании «Твоя параллель» является графическая игра: *задолбавшее вражеское: «ОН НА НАС ОХОТИТ-*

СЯ!!!» (2013 № 8); *за звание лучших ребят ерзажальнеъ танцевали в трёх стилях* (2013 № 8).

Примерно в равной степени журналисты «Твоей параллели» используют игры с многозначностью и сочетаемостью слов: *Роковым [о музыкальном жанре] летом 2013-го музыканты Коми будут основательно тушить звук* (2013 № 12); *Хорошо сработала «Женская логика» [о названии женской команды в игре «Что? Где? Когда?»]* (2013 № 12). Цель игры с многозначностью – выразиться необычно, чтобы сообщение запомнилось. Игра с сочетаемостью слов приводит к созданию новых отношений между единицами языка и предметами, лицами, ситуациями, выполняет оценочную функцию.

Несколько реже журналисты исследуемого издания используют прием фонетической игры: *«Бам, бам, бам!!! Рота, ПОДЪЁМ!!!»* (2013 № 17); *<...> и с ласковым «Psssssssst» взрывается* (2013 № 17).

В игровых целях используют прецедентные феномены, в частности, названия художественных и публицистических произведений (напр. *сколько там «мёртвых душ» получает пенсии*), но больше всего примеров с использованием строк из известных песен, кинофильмов, названий передач (напр. *в мире животных и людей, скоро гражданину РФ нечего будет «достать из широких штанин», когда твоя кошечка больна и др.*).

Языковая игра на морфологическом уровне встречается довольно редко и является одной из самых сложных и тонких видов, для понимания которой читатель должен владеть определенными языковыми знаниями.

Примечания

1. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.

РЕЦЕНЗИИ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ АЛЬБОМЫ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ

А.Г. Сухаров

Сыктывкарский государственный университет

Жанр рецензии представляет собой аналитический отзыв о какой-либо новинке медиа-культуры: фильме, сериале, альбоме или книге. Задача рецензента – написать об исследуемом произведении как можно более объективно, указывая сильные и слабые стороны продукта. Рецензия – это первичный жанр, на основе которого формируются более крупные формы аналитики и публицистики: обзоры, проблемные статьи, монографии.

Рецензии на новинки музыкальной индустрии до сих пор не привлекали внимания исследователей. Материалом для данной работы стал аналитический контент на шести музыкальных сайтах: «ДрагМеталлы», «Brutal Carnage», «Dark-World», «Metal Library», «Rolling Stone» и «Apelzin».

«ДрагМеталлы» – это коллективный социальный интернет-сайт, эфир которого целиком посвящен «тяжелой» музыке. Для рецензий на «ДрагМеталлах» существует два блога: «Железный Урожай» и «Хэви-блиц». В первом блоге

публикуются более качественные и объемные профессиональные рецензии, во втором – чаще всего любительские обзоры новинок металл-музыки, а также частные мнения о них. Как правило, в блоге «Хэви-блиц» рецензируются альбомы не первой величины, т.к. резонансные релизы обзревается в «Железном Урожае».

«Brutal Carnage» – сайт еще более узкой направленности, чем «ДрагМеталлы». Ресурс обладает уникальным по качеству каталогом рецензий. С самого своего основания «Brutal Carnage» взял курс на качественные обзоры экстремально тяжелых альбомов; рецензент оценивает не только собственно музыкальную составляющую того или иного альбома, но и оформление релиза. Вследствие узкой тематики портала, рецензии на «Brutal Carnage» написаны в особом, «брутальном» стиле с набором лексем, свойственным только этому сайту, например, имеющим отношение к насилию или жестокости.

«Dark-World» – довольно обширный интернет-сайт, специализирующийся на абсолютном большинстве поджанров, входящих в понятие «рок». Рецензии здесь располагаются на страницах («профилях») альбомов. Профессиональные обзоры найти на «Dark-World'e» проблематично, т.к. специальных журналистов-обозревателей у сайта нет, рецензии пишутся, как правило, любителями музыки. Другие пользователи могут одобрять или не одобрять рецензии, т.е. голосовать за или против нее.

Сайт «Metal Library» практически идентичен по тематическому разнообразию с порталом «ДрагМеталлы», но по наполнению существенно от него отличается. Рецензии на «Metal Library» качественные. На этом сайте работают рецензенты с опытом, журналисты, профессиональные обозреватели, и это заметно. Авторы, как правило, постоянные. Минус портала – его страницы не очень часто обновляются, т.к. любой материал на «Metal Library» тщательно проверяется, а это требует времени.

Сайт «Rolling Stone» – электронная версия известного по обе стороны океана одноименного журнала. Среди множества разделов на «Rolling Stone» есть блок с рецензиями как на музыкальные альбомы, так и на новинки кино. Рецензии здесь небольшие – до двух тысяч символов. Абсолютно все рецензии на портале профессиональные, написанные музыкальными журналистами.

«Apelzin» – независимый музыкальный интернет-журнал о самой различной музыке. Большинство рецензий являются качественными, т.к. многие из рецензентов являются профессиональными журналистами. В рецензию зачастую помещаются фотографии и клипы обозреваемого исполнителя. Свою рецензию может прислать и рядовой читатель портала, зарегистрировавшись на платформе «WordPress» или прислав материал на электронную почту редакции.

Сайты, схожие по тематике, совершенно различны по наполнению и качеству рецензий. Наличие пользовательских рецензий упрощает контент порталов, делая их непрофессиональными.

ЖАНР КОЛУМНИСТИКИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

Е.В. Хеминг

Сыктывкарский государственный университет

Ещё десять-пятнадцать лет назад авторская колонка была знакома российским читателям лишь как предваряющая номер «Колонка редактора» какого-либо печатного издания, однако сегодня она является одной из самых востребованных текстов на страницах отечественной печатной прессы. Поисковая система «Google» выдает примерно 94 тысячи ссылок на запрос «колумнистика» и ещё 246 тысяч на запрос «колумнистика – это».

Под термином «колумнистика» и тождественным ему термином «авторская колонка» понимают, как правило, авторские высказывания на злободневные темы, периодически появляющиеся на страницах печатной прессы и размещающиеся в одном и том же месте на полосе.

Теория жанра колумнистики в настоящее время изучена недостаточно, поэтому жанрово-тематическое своеобразие авторских колонок, опубликованных в отечественной прессе и, в частности, в периодике Республики Коми нуждаются в исследовании.

Среди жанрообразующих признаков колонки можно выделить следующие: предмет (личное переживание по какому-либо определенному поводу), целевая установка (обратить внимание не только на ситуацию, но и дать ей оценку), метод подачи (анализ предмета и художественное обобщение), содержание (факты, с которыми автор работает в данный момент) и форма (свободное изложение, включающее в себя элементы различных публицистических жанров). Однако поскольку колонка, как и многие другие журналистские жанры, не ограничена жесткими рамками жанровых признаков, для неё характерно сильное авторское начало, и, как следствие, размытость жанровых границ.

По нашим наблюдениям, ряд формальных и внеязыковых особенностей авторских колонок, опубликованных в региональных газетах «Красное Знамя Севера», «Твоя Параллель» и «Красное Знамя» за период с 2012 по 2014 гг. (регулярная публикация в рубрике с названием «Авторская колонка» или «Колонка редактора», фотография автора, указание его фамилии, имени и социального статуса; текст небольшого объёма), позволяют определить колумнистику как отдельный жанр региональной журналистики.

Традиционно выделяют следующие виды авторских колонок: редакционные колонки, выражающие мнение всех сотрудников редакционного коллектива; колонки главного редактора; профильные колонки, написанные экспертом в определенной области, колонки знаменитостей, располагающих кредитом доверия читателей; колонки, созданные корреспондентом, обладающим ярким стилем.

Проанализировав около 30 колонок, опубликованных в региональной прессе, мы пришли к выводу о том, что известных классификаций колонок недостаточно; к ним следует добавить еще три вида: колонки, написанные любым штатным или внештатным сотрудником редакции; колонки-перепосты и анонимные колонки.

РЕКЛАМНОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ЖАНР ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЫ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ПАНОРАМА СТОЛИЦЫ»)

С.В. Шевелева

Сыктывкарский государственный университет

Целью данной работы является исследование рекламного интервью в местных СМИ и выяснение эффективности этого жанра на материале газеты «Панорама столицы» за 2012-2014 гг. В качестве материала для наблюдения были выбраны тексты реклам разнообразных фирм и услуг: бальзама «Ерш здоровья», услуг биоэнерготерапевта Марины Алыповой, сети магазинов «Колибри», косметологического центра «Эстель», универсальной электронной карты, выставки «Отдых на севере», услуг фотографа Екатерины Семеновой, курсов НЛП-практики, кампании «Северные народные окна», кооператива «Кредитъ», стоматологической клиники «Интерстом», домов в поселке «Сосновый берег», предприятия ОАО «Коми энергосбытовая компания», фирмы «Орифлейм».

Рекламные статьи в газете «Панорама столицы» были проанализированы по следующим аспектам: вид интервью, структура рекламного текста, убедительность начала и конца текста, наличие указанного источника дополнительной информации, а также адреса и цены, доступность и ясность использованной лексики, использование «теплых» слов в середине текста, отсутствие или наличие «запретных» слов, «пустых» фраз, отрицаний, слов и выражений с негативной семантикой; учитывалось, способен ли текст создать положительные ассоциации у читателя, обеспечить внушаемость и запоминаемость текста, опровергнуть возникшие у читателя сомнения.

В рекламных интервью нами выявлено использование таких экспрессивных языковых средств, как лексический повтор, семантический повтор, рекламная метафора, аналогия, сравнение; отмечено применение глаголов в повелительном наклонении для усиления убеждающего эффекта.

Вопросы журналиста, как правило, были нацелены на поддержание позитивного имиджа предмета рекламы; перечень его вопросов соответствовал определенной логике, а ответы интервьюируемого достаточно полно отражали информацию о рекламируемом предмете. Часто журналист и интервьюируемый предугадывали возражения, которые могут возникнуть у читателя, и своевременно их предупреждали разъяснениями.

Как правило, тексты интервью были написаны доступным языком, однако были выявлены публикации, перегруженные специальной лексикой, что затрудняло восприятие текста.

В целом, большинство из проанализированных текстов рекламного интервью можно назвать эффективными и функциональными. Они доступным языком характеризовали преимущества товара или услуги, а использованные в них стилистические приемы привлекали внимание потенциального покупателя и способствовали запоминанию информации. Кроме этого, эти тексты легко воспринимаются и хорошо аргументированы, а использование разных видов ин-

тервью позволило журналисту и интервьюруемому правильно преподнести рекламируемый товар.

Однако надо сказать, что данный рекламный жанр незаслуженно редко применяется в периодическом издании «Панорама Столицы», судя по всему, из-за его объемности и, как следствие, дороговизны.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСФЕРЫ

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ РЕПОРТЁР»

Т.В. Божеско

Сыктывкарский государственный университет

Для привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, ее роли во всем мире и сохранения исторического наследия 2014 год объявлен годом культуры в России. Поэтому сегодня выбранная нами тема актуальна.

Цель данной работы – изучить современную культурную среду в журнале «Русский репортер», т.к. именно СМИ являются одним из главных механизмов пропаганды духовного обогащения и интеллектуального развития общества.

Для реализации данной цели мы поставили перед собой следующие задачи: выявить роль журнальной периодики в пропаганде культуры; обозначить особенности материалов о культуре в журнале «Русский репортер».

Для анализа мы использовали отдельные номера журнала «Русский репортер» (далее «РР») за период 2013–2014 гг., а также опирались на научно-исследовательские работы О.Н. Астафьевой, А.Я. Флиер, А.В. Мушич-Громыко, Л.Р. Дускаевой, Н.С. Цветовой, М.Е. Аникиной и др.

Как отмечал А.Я. Флиер, культурная среда – это окружающие людей общественные, материальные и духовные условия их существования и деятельности.

Обращение журналистов к вопросам культуры имеет огромное значение. СМИ, освещая сферу искусства, участвуют в процессах интеллектуального, нравственного и эстетического воспитания аудитории. Журналисты воздействуют на сферу идейных убеждений и общественных позиций читателя.

Еженедельный журнал «Русский репортер» является одним из организаторов культурного времяпровождения и духовного обогащения массового читателя. В журнале говорится о политическом и приватном, глобальном и локальном, духовном и материальном.

В «РР» существуют постоянные рубрики, посвященные искусству в целом: «Культура», «7 событий», «Музыка», «Книги», «Фильмы».

Материалы, размещенные в разделе «Культура», отличаются многообразием жанров. Здесь можно встретить репортаж (напр. «Побеждает зло»), статью (напр. «Смена климата»), интервью (напр. «Музыкальное чувство памяти», «Я хотел поработать над «Сумерками»: пятьдесят оттенков Гаса Ван Сента»), очерк (напр. «Смертельные проценты: чем опасны квоты на отечественные фильм»), а также новый синтетический жанр – колумнистику (напр. «Родительское опсихение»).

В разделах «Книги», «Музыка», «Фильмы» используется аналитический жанр обозрения. Раздел музыки ведет постоянный обозреватель Наталья Зайцева, книжным обозрением занимается Константин Мильчин, обозрением кино – Евгений Густинский. Посредством критики различных произведений журналист не просто высказывает свое мнение, но и дает развернутую картину действительности.

Каждый раздел имеет свою постоянную структуру. В каждом номере в разделе «Музыка» есть развернутое мнение автора и четыре небольших по объему материала о музыкальных новинках или предстоящих мероприятиях в этой области.

На странице литературного обозрения всегда представлено семь книжных новинок, одна из которых анализируется более подробно.

В разделе «Фильмы» читатель всегда находит интересную критику пяти фильмов.

Своеобразие оформления этих рубрик заключается в том, что возле каждого описания новинки есть графические символы, помогающие читателю выбрать на свой вкус книгу, фильм или музыку. Например: нарисованные очки – выбор интеллектуалов, молния – для любителей острых ощущений, сердце – для романтиков. Таким образом журналисты заранее помогают читателю сориентироваться и выбрать нужную книгу или фильм.

Рубрика «7 событий» представляет собой анонсы предстоящих событий не только в России, но и за рубежом. Небольшие новости без подробных комментариев представляют собой афишу концертов, выставок, фестивалей, карнавалов.

Все материалы сопровождаются иллюстрациями, что оказывает больший эффект на читателя.

В отношении стиливых особенностей публикаций можно отметить, что, в основном используя лексику книжных стилей, авторы могут позволить себе вкрапления разговорного стиля. Журналисты могут имитировать разговорную лексику и синтаксис в диалогах, таким образом в их рассуждениях проявляется оценочность и экспрессивность, например: «*Вау, что за фигня?*» или «*Он раздолбал всю квартиру*». Кроме того, этим корреспонденты «РР» обеспечивают доступность диалога не только с узкопрофильной, но и с массовой аудиторией.

Журналисты РР, тем не менее, обладают развитой личной культурой, о чём свидетельствует всесторонний качественный анализ художественных явлений. Они не просто рассказывают нам о культуре, а проводят глубокий анализ явления, сопоставляя его с другими явлениями и событиями.

Через экспрессивность речи, образность, внутреннюю диалогичность, насыщенность, логичность и стремление к обобщению журналисты определяют нравственный контекст, влияют на культурный облик и социальное поведение общества.

Очень важно правильно сформировать общественную позицию и идейные убеждения массового читателя, ведь от социального сознания общества зависит культурная среда и наоборот.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И НЕЗАВИСИМОЙ ПРЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»)

А.М. Венцовская

Сыктывкарский государственный университет

По данным мониторинга «Фонда Защиты гласности», пресса в Республике Коми находится в категории «Относительно несвободна». Сегодня публиковать критические материалы, если они достоверны, в отношении к власти не запрещено. Тем не менее, реакция правительства на оппозиционную деятельность некоторых газет в Республике Коми и ряд ответных действий на нее доказывают обратное – проблема свободы слова в республиканской прессе существует.

Наиболее заметно это проявляется в отношении властей к одной из старейших газет республики – «Красное знамя». В 2009 г. началось охлаждение отношений между властями и газетой. В сентябре отдел «К» начал проверку компьютеров сотрудников редакции на наличие лицензионных программ. В результате обнаружения главному редактору грозила уголовная ответственность. В 2009 г. была образована газета-клон «Красное знамя Севера». Первые полосы обеих газет были принципиально похожи, включая логотипы. Этим издатели новой газеты хотели дезориентировать читателя. В результате, классическая целевая аудитория газеты «Красное знамя» уменьшилась, ушла также часть рекламодателей. Это вызвало финансовые проблемы, сократился тираж, произошла дезориентация читателей и различных организаций, с которыми так или иначе сотрудничало издание. Из-за нежелания ссориться с властью многие крупные компании отказали изданию в материальной поддержке. Кроме того, множество государственных культурных организаций так же, как и рекламодатели, отказались сотрудничать с газетой «Красное знамя».

В 2012 г. проблема взаимоотношений газеты и власти достигла критической точки. Еще один способ влияния на газету власти Республики Коми предприняли через вхождение в капитал ЗАО «Газета «Красное знамя». Через начальника управления информации администрации Главы РК Павла Марущака блокирующий пакет акций получил общественный деятель и предприниматель Алексей Колегов, известный националист. Это могло дискредитировать газету своей «поддержкой». Можно сделать предположение, что это было частью его задачи, с которой он был послан властью.

Одним из следующих шагов стала публикация давних эпатажных стихотворений главного редактора Е.А. Горчакова в муниципальной газете «Панорама столицы».

Таким образом, власти используют такие методы, как очернение, накачка «клонов», перекрывание доступа к источникам информации, экономические меры.

БЛОГ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

В.М. Першина

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(Екатеринбург)

В настоящее время информационные технологии наращивают свое влияние в современном мире, и, как следствие, основным «полем» обмена информацией становится сеть Интернет. Мультимедиа становятся все востребованнее, причем не только в сфере межличностных контактов, но и в области деловой коммуникации. Одним из самых популярных способов информирования широкой аудитории о значимых событиях в личной жизни пользователя, а также об интересных фактах общественной жизни, становятся блоги.

Блог (англ. *blog*, от *web log* – интернет-журнал событий, интернет-дневник) – это веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи, включающие текст, изображения или объекты мультимедиа.

Актуальность обращения к изучению данного явления в разных аспектах обусловлена тем, что интернет-тексты завоевывают все большую популярность среди пользователей. Веяние времени – наличие открытых блогов у известных медийных и даже политических персон, в том числе президента.

Изучение блога как феномена современной действительности ведется учеными, представляющими разные области знания.

Мы ставим перед собой цель определить, какие научные направления обнаруживают внимание к блогу и в каких аспектах изучается данный феномен.

Несмотря на то, что блог – явление недавнее, он уже становится объектом внимания в исторических исследованиях (см. работы К.Д. Амарандоса, Е.В. Бобровой, Н.Е. Вокуева, Д.Е. Колезева и др.). Например, Д.Е. Колезев отмечает: «На протяжении столетий люди испытывали потребность в том, чтобы сохранять в письменном виде свои наблюдения, переживания, размышления». Проводится сравнительный анализ блогов и традиционных дневников, выявляются сходства и различия между ними. Ученые приходят к выводу о том, что это «совершенно новое средство коммуникации».

В социологии блогу посвящены работы А.А. Давыдова, О.Н. Фомина, Д.В. Акаева, И.К. Забродиной и др. Они рассматривают актуальные вопросы влияния политической блогосферы на общественное мнение через социологический анализ, который позволяет ответить на ряд вопросов: какие события (темы) интересуют блогеров и как они их комментируют (оценивают)? каков рейтинг блогеров, блог-сообществ? какова продолжительность ведения блога и частота записей в блоге?

Для лингвистов блог – это любопытное явление в сфере межличностной коммуникации, например. Так, по мнению Н. В. Черкасовой, блог представляет собой «лингвокультурный феномен, в котором устанавливается та или иная традиция общения, обусловленная определенными эстетическими правилами и нормами поведения». В данной области ведутся исследования Ю. В. Балакиной, И. Н. Загоруйко, О. В. Павленковой, Е. А. Баженовой и другими учеными. Блог

рассматривается как новый интернет-жанр, имеющий определенную структуру, которая требует дальнейшего исследования, с целью выявления «закономерностей, свойственных не только интернет-жанрам, но и в целом коммуникации в Интернете».

В педагогике данное явление рассматривается в связи с обучающими возможностями, предоставляемыми блогом: «Возникла необходимость обновления содержания традиционного учебно-методического комплекса с учетом появления в Интернете блогосферы». В этой научной области проводят исследования А.Ю. Кулешова, А.А. Полетаев, В.В. Стародубцев, В.В. Иванова, О.И. Михеева и др.

Таким образом, проведенный анализ научных публикаций последних лет показал, что блог как феномен привлекает внимание ученых и становится объектом исследования в работах таких научных направлений, как история, социология, лингвистика, педагогика:

Блог характеризуется в следующих аспектах:

- как новое явление деятельности;
- как средство коммуникации;
- как новый жанр речи;
- как средство обучения;
- как инструмент создания электронной учебной среды;
- как средство массовой информации;
- как новый вид масс-медиа дискурса.

НАРУШЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Н.М. Пименова

Сыктывкарский государственный университет

Предметом исследования в данной работе являются нарушения речевого этикета в Интернете как многофункциональной коммуникационной среде, в частности, в популярных социальных сетях (сообщество «vk.com/mudachyo») и форумах (ресурс «4pda.ru»). Речевой этикет мы будем рассматривать как регулирующие правила речевого поведения, принятые обществом для установления, поддержания и прерывания контакта собеседников в избранной тональности (Н.И. Формановская). Количество выявленных нарушений этикета в исследуемых ресурсах может быть во многом связано с принципами контроля за добавляемой пользователями информацией.

Социальная сеть – веб-сайт, предназначенный для организации социальных взаимоотношений. По данным www.liveinternet.ru, социальная сеть «ВКонтакте» находится на первом месте по количеству посетителей. Правила, касающиеся речевого этикета, устанавливаются администрацией данной социальной сети. Из проанализированных 878 сообщений за январь 2013 г. 572 сообщения

содержат нецензурную лексику, 312 подразумевают оскорбления, в 593 сообщениях пользователи не придерживаются установленных правил этикета.

Форум – класс веб-приложений для организации общения посетителей веб-сайта. Работа форума заключается в создании пользователями тем в разделах и последующем обсуждении этих тем. Ресурс «4pda.ru» – один из популярных российских форумов. В отличие от социальной сети, для каждого раздела форума назначены модераторы, следящие за исполнением правил общения, установленных администрацией. Из проанализированных 725 сообщений за январь 2013 г. лишь 17 содержат нецензурную лексику, 4 из которых подразумевают оскорбления, и только в 128 сообщениях пользователи не придерживаются необходимых требований речевого этикета.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАДИОВЕЩАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РАДИОСТАНЦИИ «ЕВРОПА + КОМИ В СЫКТЫВКАРЕ»)

Н.С. Плоскова

Сыктывкарский государственный университет

Слово *функция* словари трактуют как ‘обязанности, назначение, роль и круг деятельности’. Разнообразные функции радиовещания можно сгруппировать следующим образом: информационные функции; функции, обеспечивающие социальное управление обществом; культурно-просветительские функции.

Информационные функции: радио распространяет информацию полнее, быстрее, достовернее и эмоциональнее других СМИ. Попадая в формат радиопрограммы, любая передача обретает дополнительную информационную окраску благодаря взаимосвязи с другими элементами программы и событиями дня. Регулярное получение информации стало для человека необходимым условием полноценного участия в современной жизни.

Функции, обеспечивающие социальное управление обществом: радио, обладающее уникальными возможностями воздействия, вполне естественно используется весьма активно как инструмент социального управления обществом. Социальные функции радиовещания, связанные с коллективной пропагандой, коллективной агитацией и коллективной организацией масс, с интеграцией общества, формированием общественного мнения, являются превалирующими. И, наоборот, при демократическом развитии общества усиливается информационная функция, связанная с предоставлением аудитории максимального объема разнообразных сведений о жизни, способных побуждать человека к свободному осмыслению событий.

Культурно-просветительские функции: благодаря культурно-просветительским функциям, радио формирует собственную аудиторию. Данная функция важна для страны с огромной территорией, слабыми коммуникациями и низким образовательным уровнем населения.

Радиостанция «Европа + Коми» в Сыктывкаре проводит жесткую программную политику, требуя соответствия местных передач по стилю, манере подачи

материала, жанровым и другим характеристикам заданному стандарту. Радиостанция имеет аналитический и музыкально-развлекательный характер.

В эфире идут самые разные программы. Это новости, которые концентрируют внимание слушателей на информации о происходящих событиях, новости спорта, новости шоу-бизнеса, новости кино. Можно услышать в эфире и различные передачи: «Гороскоп», «Прогноз погоды», «Одиннадцатый регион», «География развлечений» и др. Все интерактивные передачи с розыгрышами, призами, обсуждением насущных проблем и просто с несерьезными разговорами «разбавляют» современную западную музыку. При поддержке радиостанции проходят фестивали, выставки, концерты.

Самой развитой на радио является информационная функция: новостные материалы представлены довольно хорошо. На втором месте находится культурно-просветительская функция, реализуемая посредством выхода в эфир развлекательных программ, конкурсов, мероприятий в пользу нуждающихся. На последнем месте по значимости – функция, обеспечивающая социальное управление обществом. Передачи с соответствующей проблематикой практически отсутствуют.

Проведенный анализ функционального своеобразия радиовещания показал, что подбор информации и комментирование ее в выпусках программ идет в соответствии с конкретными социально-политическими, экономическими и иными задачами, разнообразные художественные и образовательные программы формируются с учетом воспитательных, рекламных и других задач.

ВЫПУСК НОВОСТЕЙ НА РАДИО «ЕВРОПА + КОМИ»

Ю.А. Свистунова

Сыктывкарский государственный университет

По формам подачи информационных материалов выпуски новостей на радио делятся на текстовые и со звуковыми включениями (интервью в студии или по телефону, прямой репортаж с места событий, комментариев). Многообразны жанры, используемые в информационных выпусках: хроника и информационная заметка, корреспонденция и комментарий, репортаж, интервью и др. Но главное слагаемое новостных программ – информационная заметка.

Информационные выпуски строятся, или верстаются, по нескольким основным моделям. Прежде всего, это жёсткая вёрстка – по главным тематическим блокам: после позывных даются основные темы выпуска, далее непосредственно идет его содержание, где новости следуют одна за другой в порядке важности и по строго определённым тематическим блокам: блок внутренних новостей; блок международной информации; новости науки, культуры, спорта; прогноз погоды.

Существенными компонентами информационного выпуска являются постоянные позывные, джинглы, специально подобранная музыка, на фоне которой

звучат заголовки новостей, а иногда и полностью выпуски, музыкальные отбивки. Все это в совокупности и создает эфирный образ информационной программы.

Хронометраж выпусков жестко регламентирован двумя-тремя минутами, чтобы вписываться в систему дробного программирования, которой придерживается большая часть музыкальных развлекательных станций.

У каждой региональной радиостанции свои особенности вещания. Все без исключения выпуски на радиостанции «Европа + Коми» являются текстовыми, носят обзорный характер. Итоговых выпусков нет. Главные новости стоят на первом месте в каждом выпуске новостей, а главная составляющая новостной программы – информационная заметка.

Информационные выпуски на радиостанции «Европа + Коми» верстаются по облегченной модели верстки – без краткого изложения основных тем выпуска, когда информационные сообщения идут непрерывно, в результате чего возрастает темп передачи информации в эфир.

Выпуск новостей сопровождается постоянными позывными и специально подобранной музыкой. Музыка создает серьезный образ информационной программы, придает торжественность и даже тревожность. Предваряет новости приветствие ведущего, затем дается краткий анонс выпуска новостей с самыми главными темами.

Хронометраж выпуска составляет 5-6 минут, что превышает установленные рамки стандарта радиовещания. Это говорит о том, что радиостанция желает донести до слушателя всю самую важную информацию.

Выпуск новостей – это довольно изученное явление в теории журналистики. Каждая радиостанция делает новости по своей отлаженной схеме и работает со своими источниками. Исследователи радиовещания отмечают движение в сторону упрощения выпусков новостей: они становятся больше развлекательными. Эти же тенденции обнаруживаются и на радиостанции «Европа + Коми».

ВЛИЯНИЕ ЦЕНЗУРНОГО АППАРАТА НА РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

З.П. Чупрова

Сыктывкарский государственный университет

В середине XIX в. кризис государственного строя Российской империи отразился на органах цензуры. Цензурный устав 1828 г., основанный на системе предварительной цензуры, уже не соответствовал изменившимся условиям. Цензоры руководствовались в основном последними циркулярами, которые часто противоречили друг другу. В правительственных кругах высказывались мнения о необходимости изменить управление цензурой и перейти к более прогрессивной карательной системе.

Историю взаимоотношений публицистического издания и органов цензуры можно проследить на примере ежемесячного литературного и научного журнала «Русское богатство», основанного в 1876 г.

Изначально в исследуемом издании пропагандировались крайние социалистические и радикальные идеи, а в редакции журнала сгруппировались так называемые новые передовые литераторы нигилистического толка. Однако общая политическая обстановка в стране и строгость цензуры, а также уход многих беллетристов в 1881 г. при редакторе Н. Быкове сделали журнал весьма посредственным изданием.

В условиях усиливающейся реакции журнал в конце 1882 г. был продан литератору Л. Оболенскому. В его руках «Русское богатство» сохранил либерально-народническое направление, но беллетристика и полемика отошли на второй план, а главное место заняли отделы научный и философский. По сути, издание приняло вид научного периодического журнала, и цензура не усматривала в общем направлении издания ничего предосудительного.

В конце 1883 г. Главное управление по делам печати потребовало от цензурного комитета не ослаблять бдительности при чтении «Русского богатства». Связано это было с расцветом журнала и усилением его роли в периодической печати. В руках новой редакции с 1892 г. журнал стал общепризнанным легальным органом народников, его редакторами были С.Н. Кривенко и Н.К. Михайловский при официальных редакторах П.В. Быкове и С.П. Попове. Н.К. Михайловский возглавил борьбу с марксизмом, и на страницах «Русского богатства» появились выпады против работ К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова и В.И. Ленина. В 1890-е гг. публицисты журнала выступали с критикой крепостнических пережитков, реакционных идей, идей толстовства, философии смирения Достоевского, шовинизма Суворина, что создало «Русскому богатству» популярность среди читателей. В журнале широко освещалась жизнь России, печатались очерки из провинциального быта, подробно анализировались внешнеполитические события и новости. На страницах «Русского богатства» печатались произведения видных русских писателей-реалистов – Короленко, Г. Успенского, Гарина-Михайловского, Мамина-Сибиряка, Куприна, Станюковича, Андреева, Бунина, Вересаева, Горького и др. Прогрессивный характер беллетристики журнала в 90-е гг. не подлежит сомнению. Большое значение имело сотрудничество с журналом «Русское богатство» В.Г. Короленко, писателя-реалиста и крупнейшего демократического публициста второй половины XIX в.

Коллектив журнала враждебно встретил революцию в октябре 1917 г., в связи с чем в 1918 г. народнический журнал прекратил свое существование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баженова Ольга Николаевна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература. Коми язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: *Остапова Елена Васильевна*, кандидат филологических наук.

Белова Наталья Сергеевна – магистрант Вологодского государственного педагогического университета (направление «Литературное образование», 2 курс). Научный руководитель: *Розанов Юрий Владимирович*, доктор филологических наук.

Бердникова Дарья Александровна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 4 курс). Научный руководитель: *Ильина Юлия Николаевна*, кандидат филологических наук.

Божеско Татьяна Викторовна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Журналистика», 5 курс). Научный руководитель: *Бешкарев Алексей Александрович*, кандидат филологических наук.

Бровкина Татьяна Владимировна – магистрант ИГН СыктГУ (направление «Филология». Магистерская программа «Русская литература», 1 курс). Научный руководитель: *Волкова Татьяна Федоровна*, доктор филологических наук.

Венцовская Анастасия Михайловна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Журналистика», 3 курс). Научный руководитель: *Бешкарев Алексей Александрович*, кандидат филологических наук.

Вилегжанинова Анна Александровна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: *Бунчук Татьяна Николаевна*, кандидат филологических наук.

Витязева Кристина Александровна – магистрант ИГН СыктГУ (направление «Филология». Магистерская программа «Русская литература», 1 курс). Научный руководитель: *Волкова Татьяна Федоровна*, доктор филологических наук.

Габб Екатерина Александровна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 3 курс). Научный руководитель: *Волкова Татьяна Федоровна*, доктор филологических наук.

Готвянская Ирина Васильевна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература. Коми язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: *Остапова Елена Васильевна*, кандидат филологических наук.

Гранова Мария Андреевна – студент Пермского государственного национального исследовательского университета (направление: «Прикладная филология», 3 курс). Научный руководитель: *Русинова Ирина Ивановна*, кандидат филологических наук.

Дементьева Антонина Александровна – аспирант ИГН СыктГУ (специальность: «Русская литература», 1 год обучения). Научный руководитель: *Гурленова Людмила Викторовна*, доктор филологических наук.

Дуванова Ирина Ивановна – магистрант ИГН СыктГУ (направление «Филология». Магистерская программа «Теория и практика коммуникации», 2 курс). Научный руководитель: *Сергиева Наталья Станиславовна*, доктор филологических наук.

Истомина Ксения Алексеевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 4 курс). Научный руководитель: *Сергиева Наталья Станиславовна*, доктор филологических наук.

Канова Ольга Любимовна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: *Прокураторова Екатерина Владимировна*, кандидат филологических наук.

Канева Александра Ивановна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: Научный руководитель: *Сергиева Наталья Станиславовна*, доктор филологических наук.

Кожевина Елена Васильевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература. Коми язык и литература)», 4 курс). Научный руководитель: *Лудыкова Валентина Матвеевна*, доктор филологических наук.

Колисниченко Елена Владимировна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: Научный руководитель: *Юркина Ольга Владимировна*, кандидат филологических наук.

Конакова Ольга Сергеевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 3 курс). Научный руководитель: *Бунчук Татьяна Николаевна*, кандидат филологических наук.

Красикова Алёна Юрьевна – аспирант Вологодского государственного педагогического университета (специальность: «Русский язык», 3 год обучения). Научный руководитель: *Судаков Гурий Васильевич*, доктор филологических наук.

Кузьмова Елена Григорьевна – студент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (специальность: «Родной язык и литература», с дополнительной специальностью «Русский язык и литература», 5 курс). Научный руководитель: *Лобанова Алевтина Степановна*, кандидат филологических наук.

Латкина Ирина Николаевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 4 курс). Научный руководитель: *Юркина Ольга Валерьевна*, кандидат филологических наук.

Леготина Юлия Вячеславовна – аспирант ИГН СыктГУ (специальность: «Русская литература», 1 год обучения). Научный руководитель: *Гурленова Людмила Викторовна*, доктор филологических наук.

Лемешко Мария Дмитриевна – студент Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета (специальность: «Журналистика», 4 курс). Научный руководитель: *Пыстина Ольга Владимировна*, кандидат филологических наук.

Логинова Евгения Александровна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 3 курс). Научный руководитель: *Кобелева Ирина Арнольдовна*, доктор филологических наук.

Логинова Елена Владимировна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература. Коми язык и литература)», 3 курс). Научный руководитель: *Лудыкова Валентина Матвеевна*, доктор филологических наук.

Лыткина Ирина Сергеевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 3 курс). Научный руководитель: *Волкова Татьяна Федоровна*, доктор филологических наук.

Максимова Евгения Олеговна – магистрант ИГН СыктГУ (направление «Филология». Магистерская программа «Теория и практика коммуникации», 2 курс). Научный руководитель: *Канева Татьяна Степановна*, кандидат филологических наук.

Максимова Наталья Леонидовна – аспирант ИГН СыктГУ (специальность: «Русская литература», 2 год обучения). Научный руководитель: *Гурленова Людмила Викторовна*, доктор филологических наук.

Мальцева Марина Владимировна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: Научный руководитель: *Бунчук Татьяна Николаевна*, кандидат филологических наук.

Мануилова Анна Андреевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология»). Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 4 курс). Научный руководитель: *Волкова Татьяна Федоровна*, доктор филологических наук.

Мезенцева Елена Ивановна – магистрант ИГН СыктГУ (направление «Филология»). Магистерская программа «Русская литература», 1 курс). Научный руководитель: *Волкова Татьяна Федоровна*, доктор филологических наук.

Мишарина Анастасия Андреевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология»). Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература. Коми язык и литература)», 3 курс). Научный руководитель: *Остапова Елена Васильевна*, кандидат филологических наук.

Мусанова Светлана Семеновна – сотрудник ИГН СыктГУ.

Нерадовская Екатерина Андреевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология»). Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 2 курс). Научный руководитель: *Бунчук Татьяна Николаевна*, кандидат филологических наук.

Нечаева Наталья Александровна – студент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (специальность: «Родной язык и литература», с дополнительной специальностью «Русский язык и литература», 4 курс). Научный руководитель: *Лобанова Алевтина Степановна*, кандидат филологических наук.

Ногина Екатерина Владимировна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: Научный руководитель: *Бунчук Татьяна Николаевна*, кандидат филологических наук.

Першина Виктория Михайловна – студент Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург) (специальность: Документоведение и документационное обеспечение управления, 2 курс). Научный руководитель: *Леонтьева Татьяна Валерьевна*, кандидат филологических наук.

Пименова Нина Михайловна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Журналистика», 5 курс). Научный руководитель: *Пыстина Ольга Владимировна*, кандидат филологических наук.

Плоскова Наталья Сергеевна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Журналистика», 4 курс). Научный руководитель: *Шевченко Елена Александровна*, кандидат филологических наук.

Попова Ангелина Михайловна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература. Коми язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: *Попова Римма Павловна*, кандидат филологических наук.

Портей Мария Николаевна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)» 5 курс). Научный руководитель: *Сергиева Наталья Станиславовна*, доктор филологических наук.

Потапова Варвара Васильевна – студент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (направление: «Педагогическое образование». Профиль «Русский язык и литература», 2 курс). Научный руководитель: *Бакланова Ирина Ивановна*, кандидат филологических наук.

Раменская Анна Андреевна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Журналистика», 5 курс). Научный руководитель: *Пыстина Ольга Владимировна*, кандидат филологических наук.

Сергеева Ксения Николаевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 2 курс). Научный руководитель: *Волкова Татьяна Федоровна*, доктор филологических наук.

Свистунова Юлия Александровна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Журналистика», 4 курс). Научный руководитель: *Шевченко Елена Александровна*, кандидат филологических наук.

Степура Эльмира Александровна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология». Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 3 курс). Научный руководитель: *Ильина Юлия Николаевна*, кандидат филологических наук.

Сукачева Екатерина Витальевна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: *Кобелева Ирина Арнольдовна*, доктор филологических наук.

Сухаров Алексей Геннадьевич – студент ИГН СыктГУ (направление: «Журналистика», 3 курс). Научный руководитель: *Шевченко Елена Александровна*, кандидат филологических наук.

Тиукова Ольга Владиславовна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: Научный руководитель: *Мелихов Михаил Васильевич*, доктор филологических наук.

Томилина Марина Анатольевна – магистрант Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Научный руководитель: *Подюков Иван Алексеевич*, доктор филологических наук.

Трубинова Надежда Александровна – студент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (филологический факультет, коми-пермяцко-русское отделение, 3 курс). Научный руководитель: *Рябухина Елена Анатольевна*, кандидат педагогических наук.

Усков Артем Анатольевич – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология»). Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 4 курс). Научный руководитель: *Мелихов Михаил Васильевич*, доктор филологических наук.

Хеминг Екатерина Валерьевна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Журналистика», 3 курс). Научный руководитель: *Рыжова Елена Александровна*, кандидат филологических наук.

Чазова Елена Игоревна – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология»). Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература)», 3 курс). Научный руководитель: *Бунчук Татьяна Николаевна*, кандидат филологических наук.

Чужмарова Анастасия Федоровна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: Научный руководитель: *Бунчук Татьяна Николаевна*, кандидат филологических наук.

Чупров Василий Пантелеймонович – студент ИГН СыктГУ (направление: «Филология»). Профиль «Отечественная филология (Русский язык и литература. Коми язык и литература)», 3 курс). Научные руководители: *Канева Татьяна Степановна*, кандидат филологических наук, *Остапова Елена Васильевна*, кандидат филологических наук.

Чупрова Зоя Петровна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Журналистика», 5 курс). Научный руководитель: *Шевченко Елена Александровна*, кандидат филологических наук.

Шевелева Светлана Викторовна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Журналистика», 5 курс). Научный руководитель: *Рыжова Елена Александровна*, кандидат филологических наук.

Яконаева Ирина Ивановна – студент ИГН СыктГУ (специальность: «Филология (Русский язык и литература)», 5 курс). Научный руководитель: Научный руководитель: *Ильина Юлия Николаевна*, кандидат филологических наук.

Список сокращений

ИГН СыктГУ – Институт гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета.

Научное издание

**СЛОВО И ТЕКСТ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ**

Материалы Всероссийской научной конференции
студентов и аспирантов
Сыктывкар, 4 апреля 2014 года

Ответственный редактор Т.Н. Бунчук

Редактор С.Б. Свигзова
Корректор Л.В. Гудырева
Верстка и компьютерный макет Н.В. Чарковой

Подписано к использованию 15.10.2014.
Объем 1,0 Мб.

Минимальные системные требования:
программа Adobe Acrobat Reader или аналог.

ИПО СыктГУ
167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25